

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МОРДОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Н.П. ОГАРЁВА»

На правах рукописи

Сауткина Екатерина Андреевна

ПРАВОПРЕЕМСТВО В ВЕЩНЫХ ПРАВАХ

5.1.3 – Частноправовые (цивилистические) науки

Диссертация

на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, доцент
Родионова Ольга Михайловна

Саранск – 2024

Оглавление

Введение	3
1 Понятие и признаки преемства в вещных правах.....	17
1.1 Научные теории преемства в гражданских правах и его признаки.....	17
1.2 Способность к преемству в вещных правах как правоотношение общего типа	36
2 Механизм правопреемства в вещных правах.....	75
2.1 Понятие, система и структура механизма правопреемства в вещных правах	75
2.2 Особенности механизма преемства в ограниченных вещных правах	90
2.3 Порядок действия механизма преемства в вещных правах	116
3 Действия, опосредующие преемство в вещных правах.....	150
3.1 Передача и принятие вещей как способы замены лица при преемстве в вещных правах	150
3.2 Действия публично-правовых образований, опосредующие преемство в вещных правах.....	178
Заключение.....	198
Список использованных источников	203

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования раскрывается через взаимосвязь доктринального, социально-экономического, правотворческого и правоприменительного аспектов.

Доктринальный аспект. Категория «правопреемство» является классической в цивилистике. Тем не менее вплоть до настоящего времени в отношении данного понятия ведутся научные дискуссии между представителями концепции транзитивности (переходности) и дискретности (непереходности) субъективных прав и юридических обязанностей. Нет единого подхода к правовой сущности правопреемства: является ли оно правоотношением, процессом или иным правовым явлением. Для разрешения этих споров следует рассмотреть исследуемую категорию более широко, прежде всего, в рамках правоспособности в целом, а также определить механизм, благодаря которому достигается цель правопреемства – замена лица в гражданском правоотношении.

Современное переосмысление концепции вещных прав в российском гражданском праве актуализирует и вопрос о преемстве в вещных правоотношениях. Непоследовательность при разграничении правопреемства в вещных и обязательственных правоотношениях (особенно в ситуациях сингулярного правопреемства) приводит к возникновению идей о существовании смешанных (вещно-обязательственных) отношений, несмотря на то, что гражданско-правовое регулирование абсолютных и относительных правоотношений в корне отличается.

Всесторонне исследование правопреемства в вещных правах поможет, с одной стороны, отграничить его от преемства в обязательственных, корпоративных, исключительных правоотношениях, а с другой стороны, сформировать новые научные подходы, которые помогут в дальнейшем разрешить проблемы, отвечающие современным тенденциям, в частности, цифровизации (например, выявить основные признаки, особенности, правила, механизм преемства в цифровых правах).

Социально-экономический аспект. Правопреемство непосредственно связано с процессами возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений. Следовательно, правопреемство опосредует весь гражданский оборот, особенно, если речь идет о сингулярном преемстве в правах и обязанностях. Правильное понимание сути данной категории, а также особенностей реализации механизма правопреемства позволят обеспечить стабильность, предсказуемость и нормальное развитие имущественных отношений.

При этом сложно переоценить значение исследуемой категории, в том числе в сфере гражданско-правового регулирования отношений по поводу вещей. Вещи являются наиболее традиционными объектами господства людей. Учитывая необходимость универсального преемства в вещных правах для определения правовой судьбы вещей и сингулярного преемства с целью реализации принципа свободы в гражданском праве, важно, чтобы законодательное регулирование рассматриваемых отношений обеспечивало соблюдение и предупреждало нарушения прав и законных интересов правопреемников и правопреемников, а также третьих лиц при перемещении вещей из имущественной сферы одного лица в имущественную сферу другого лица.

Правотворческий и правоприменительный аспекты. Обеспечение необходимого баланса интересов многочисленных участников гражданского оборота, связанных с процессами правопреемства, можно назвать одной из основных задач законодателя в процессе регулирования имущественных и личных неимущественных отношений.

Выявляемые проблемы практического применения института правопреемства обуславливают изменения и нововведения, вносимые законодателем в ходе реформ отечественного гражданского законодательства. Большинство таких изменений и дополнений заслуживают положительной оценки, однако действующее законодательство все еще нуждается в совершенствовании. Многие аспекты правопреемства требуют уточнения.

В практике применения законодательных положений о правопреемстве возникают трудности, в частности, при определении момента возникновения

права собственности у правопреемника по договору (купли-продажи, мены, дарения), при необходимости государственной регистрации перехода прав, при реорганизации (в том числе, совмещенной). Зачастую споры возникают при наследовании, особенно, когда в качестве правопреемника выступает несовершеннолетний, а также при переходе наследственного имущества к публично-правовым образованиям в порядке выморочности. В последнем случае при законодательном регулировании правопреемства необходимо учитывать важность соблюдения баланса частного и публичного интереса.

Совершенствование законодательства по рассматриваемому вопросу позволит не только систематизировать и детализировать положения о правопреемстве, но и снизит нагрузку на судебную систему.

Все вышеизложенное, а также проблематика определения в гражданско-правовых нормах преемства в вещных правах делают тему данного исследования актуальной как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, опосредующие замену лиц в вещных правах, закрепленные в гражданском праве посредством норм о правопреемстве.

Предмет исследования составляют нормы гражданского права, в которых определяются возможность и порядок преемства в вещных правах, а также материалы практики их применения судами, научные работы по проблемам правопреемства.

Цель и основные задачи исследования. Цель диссертационного исследования состоит в разработке новых доктринальных представлений в цивилистике о преемстве в вещных правах.

Исходя из указанной цели диссертационного исследования поставлены следующие **задачи**:

- охарактеризовать научные теории преемства в гражданских правах и его признаки;
- рассмотреть способность к преемству в вещных правах как правоотношение общего типа;

- проанализировать понятие, систему и структуру механизма преемства в вещных правах;
- выявить особенности механизма преемства в ограниченных вещных правах;
- исследовать порядок действия механизма преемства в вещных правах;
- охарактеризовать передачу и принятие вещей как способы замены лица при преемстве в вещных правах;
- определить действия публично-правовых образований, опосредующие преемство в вещных правах.

Степень научной разработанности темы исследования. В настоящее время в науке гражданского права отсутствуют монографические или диссертационные исследования преемства в вещных правах, рассматривающие его специфику по сравнению с правопреемством в обязательствах и анализирующие его механизм.

Отдельные аспекты категории правопреемства получили раскрытие еще в советский период в трудах таких исследователей, как М. М. Агарков, С. С. Алексеев, Б. С. Антимонов, В. П. Грибанов, О. С. Иоффе. Комплексному исследованию рассматриваемого явления посвящена работа Б. Б. Черепихина «Правопреемство по советскому гражданскому праву». Автор рассмотрел понятие, область применения и основания правопреемства, а также вопросы сингулярного и универсального правопреемства. Современное исследование данной категории провел М. К. Сулейменов в монографии «Правопреемство в гражданском праве».

В современной российской правовой науке большинство работ о правопреемстве посвящены характеристике отдельных его видов: универсальному (В. П. Емельянцеv) и сингулярному (В. А. Белов, Р. Ю. Закиров), обратному (Д. В. Носов), конститутивному (Е. А. Крашенинников), правопреемству в обязательствах (А. Н. Латыев, К. И. Скловский), в вещных правах (Г. С. Васильев, Д. Ю. Ватников, А. В. Пушкина, А. О. Рыбалов, Е. Г. Семенова), при наследовании (Н. С. Бессараб, А. А. Демичев, Л. А. Лушина, Ю. А. Попова,

Е. В. Цыпляева, Т. Д. Чепига, О. В. Шведкова) и реорганизации (М. Г. Буничева, Т. В. Вагайцева, Г. И. Войтович, А. В. Габов, В. С. Горбунов, Д. И. Степанов).

К числу авторов кандидатских диссертаций о правопреемстве в гражданских правоотношениях можно отнести С. С. Каширского, С. В. Корнихина, М. А. Мирошникову, А. В. Пушкину, С. В. Строк, А. А. Ягельницкого.

Несмотря на наличие интереса в доктрине к категории правопреемства, на данном этапе развития науки гражданского права отсутствует единство в понимании данного института в подходах к разрешению различных теоретических проблем, нет комплексного исследования преемства в вещных правах.

Методологическая основа исследования. Общеметодологическую основу диссертационного исследования составил общенаучный диалектический метод познания, который позволил автору изучить различные точки зрения на предмет исследования в неразрывном единстве и взаимодействии с иными правовыми категориями с опорой на судебную практику.

В исследовании использовались такие общенаучные методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, системно-структурный, формально-логический. Так, использование системно-структурного метода позволило установить место института правопреемства в системе российского гражданского права. С помощью формально-логического метода сформулировано понятие правопреемства.

Кроме того, в диссертационном исследовании применялись следующие специальные методы правовой науки: формально-юридический, с помощью которого проанализированы законодательство и правоприменительная практика по теме исследования; структурно-функциональный, благодаря которому были рассмотрены элементы механизма правопреемства и их взаимодействие для достижения конечной цели правопреемства – замены лица в вещном правоотношении; метод правового моделирования, который дал возможность внести предложения по совершенствованию действующего законодательства;

сравнительно-правовой и историко-правовой методы – для определения позиции законодателя в современной Германии и в дореволюционный период в России по поводу категории «вещный договор».

Теоретическую основу исследования составляют научные труды отечественных ученых-цивилистов, а также работы по общей теории права. В частности, следует отметить научные работы М. М. Агаркова, С. С. Алексеева, Б. С. Антимонова, Н. Б. Бараевой, Р. А. Баркова, К. Ю. Бахмуткиной, В. А. Белова, Н. С. Бессараба, М. Г. Буничевой, Е. В. Вавилина, Т. В. Вагайцевой, Д. Ю. Ватникова, Г. И. Войтовича, А. В. Габова, Н. Ф. Гасанова, В. С. Горбунова, К. А. Граве, В. П. Грибанова, Д. Д. Гримма, А. А. Демичева, Д. В. Добрачева, В. А. Дозорцева, И. А. Емелькиной, В. П. Емельянцева, Р. Ю. Закирова, О. С. Иоффе, А. В. Качаловой, С. С. Каширского, С. В. Корнихина, Е. А. Крашенинникова, Л. В. Криволаповой, Л. А. Лушиной, И. А. Маньковского, Н. И. Матузова, Д. И. Мейера, Т. М. Нинциевой, И. Б. Новицкого, А. А. Новоселовой, Д. В. Носова, К. П. Победоносцева, Ю. А. Поповой, О. М. Родионовой, В. А. Рясенцева, В. И. Серебровского, В. И. Синайского, С. А. Сеницына, К. И. Скловского, Д. И. Степанова, С. В. Строка, М. К. Сулейменова, Е. А. Суханова, А. А. Тебряева, В. С. Толстого, Е. А. Флейшиц, Е. В. Цыпляевой, Т. Д. Чепиги, Б. Б. Черепихина, О. В. Шведковой, Г. Ф. Шершеневича, А. А. Ягельницкого и др.

Нормативную базу исследования составило законодательство Российской Федерации, а именно Гражданский кодекс Российской Федерации, Основы законодательства Российской Федерации о нотариате, федеральные законы, иные нормативные правовые акты и акты органов местного самоуправления.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные разъяснения законодательных актов, материалы, обзоры судебной практики, информационные письма судебных инстанций, иные материалы правоприменительной практики, официальные толкования и комментарии.

Научная новизна работы заключается в том, что при проведении самостоятельного комплексного анализа преемства в вещных правах, выполненного с учетом действующей правовой базы, а также последних достижений правовой мысли в исследуемой области, выявлен ряд теоретических и практических проблем, предложены пути их решения. Признаками новизны обладают и полученные результаты исследования. В частности, дано авторское определение понятия «правопреемство», основанное на теории транзитивности; определено, что правопреемство образуется прежде всего вследствие реализации соответствующего права общего типа (способности к правопреемству), аналогичного по своей структуре субъективному праву; выявлен механизм преемства в вещных правах, установлены его стадии и элементы; обнаружено, что преемство в вещных правах не совершится без совокупности реальных действий, в чем и заключается его специфика; сформулированы конкретные предложения по дальнейшему совершенствованию действующего законодательства.

Проведенное исследование позволило сформулировать и обосновать следующие положения, выносимые на защиту.

1. В ходе исследования правопреемства в вещных правах получено новое обоснование теории транзитивности как производного правоприобретения, заключающегося в изменении лиц, которые выступают в качестве субъектов правоотношений, посредством переноса субъективных прав и (или) обязанностей от одного лица к другому в рамках одного правоотношения в отношении того же объекта. Именно то, что само право на вещь прекращается исключительно в случае гибели этой вещи и его существование не зависит от смерти лица, занимающего место субъекта вещного правоотношения, приводит к невозможности определения правопреемства через прекращение одного правоотношения и возникновение на его основе другого.

Доказано, что правопреемство связано, прежде всего, с правоспособностью как правом общего типа, являясь его элементом.

2. Система, включающая правопреемственные правоотношения как общего, так и более конкретных типов, в том числе способность к правопреемству и первоначальное вещное правоотношение, нормы права, а также юридические факты, важнейшими из которых являются действия по передаче вещи, представляет собой механизм правопреемства в вещных правах.

Определено, что действие механизма правопреемства в зависимости от хода реализации способности к правопреемству (в том числе в вещных правах) включает несколько стадий: начальная (общая или абстрактная), конкретизированная и конкретная. Такое членение позволяет выделить в сфере правопреемства возможности разного типа и обеспечить их защиту.

3. Выявлено, что на начальной стадии лицами, намеревающимися вступить в отношения, связанные с правопреемством, по сути, подтверждается, что они обладают соответствующей способностью, относящейся к сфере их правоспособности, и отсутствуют какие-либо препятствия для ее реализации. Нарушение абстрактной способности к правопреемству связано с нарушением правового статуса лица в целом. Способом защиты в такой ситуации выступает признание права, в том числе, например, в части реализации гарантии неприкосновенности собственности.

4. Установлено, что при наличии юридически значимых обстоятельств способность к правопреемству общего типа становится более конкретизированной (но еще не конкретной), оставаясь в сфере правоспособности, однако приобретая иные возможности защиты. В частности, для защиты конкретизированной способности к правопреемству может применяться такой специфический способ защиты, как перевод прав (например, при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя).

При правопреемстве в вещных правоотношениях способность к правопреемству становится конкретизированной, когда правопредшественник имеет вещь на праве, включающем в себя возможность распоряжаться ею, а

правопреемник имеет возможность и интерес в ее приобретении (получении), т. е. в замене правопредшественника в соответствующем вещном правоотношении.

5. Обосновано, что способность к правопреемству становится конкретной при реализации ее правопредшественником и правопреемником, когда последний заменяет правопредшественника в правоотношении, а само правоотношение правопреемства обеспечивается специальными способами защиты. К таковым при преемстве в вещных правах следует отнести, например, требование о восстановлении срока для принятия наследства, заявляемое лицом, которое призывалось к наследованию, будучи несовершеннолетним, но его законный представитель не принял наследство и не отказался от него.

При этом для реализации способности к правопреемству, помимо юридических фактов (или их совокупности – юридического состава), необходимо наличие и наиболее общих элементов механизма правопреемства: воли, нормы права, правоспособности, а также существование первоначального правоотношения.

6. Установлено, что преемство в вещных правах опосредовано передачей вещи, что отличает его от преемства в обязательственных и иных субъективных гражданских правах. При этом выделено несколько случаев, при которых механизм правопреемства будет отличаться необходимым для завершения преемства набором юридических фактов: 1) правопреемство в отношении движимых вещей (за исключением тех, в отношении которых законодательством установлена необходимость государственной регистрации перехода прав) включает такие юридические факты, как заключение договора и передача вещи; 2) правопреемство в отношении недвижимости и некоторых движимых вещей (переход прав на которые подлежит государственной регистрации) включает следующие юридические факты: заключение договора, передача вещи, государственная регистрация перехода прав; 3) правопреемство в отношении вещей, которые уже были переданы по иному основанию новому пра-

вообладателю, включает в качестве юридических фактов либо только заключение договора (например, если движимая вещь до заключения такого договора была передана будущему новому правообладателю по договору ссуды), либо заключение договора и государственную регистрацию (к примеру, если недвижимость находилась у нового правообладателя в аренде).

7. Обосновано, что выделение в качестве вида правопреемства так называемого «конститутивного преемства», наиболее ярким примером которого выступают ограниченные вещные права, нецелесообразно, поскольку в таких ситуациях возникает новое субъективное право, так как, во-первых, лица, обладающие определенными правомочиями, осуществляют их самостоятельно и независимо от лиц, наделивших их этими правомочиями, а во-вторых, гарантирована защита возможностей лиц, осуществляющих права в какой-то части (например, защита залогодержателем своих прав на предмет залога от неправомерных действий залогодателя и других лиц). При этом «конститутивное правопреемство» представляет собой ограничения в осуществлении правомочий, которые не связаны с заменой лиц, обладающих ими.

8. Обосновано, что выражение «право следования», используемое в качестве обозначения специфического признака ограниченных вещных прав, является условным, поскольку не отражает его юридическую природу. Выделение указанного признака связано с тем, что преемство в праве собственности, обремененном ограниченными вещными правами, связанными с передачей вещи во владение и пользование, не сопровождается ее возвратом собственнику, что вытекает из принадлежащего обладателю ограниченного вещного права правомочия требования к неуправомоченным лицам о воздержании от какого-либо воздействия на принадлежащую ему вещь. Поэтому так называемое «право следования» представляет собой законодательное положение, в котором подтверждена самостоятельность ограниченных вещных прав, наряду с правом собственности, посредством закрепления запрета прекращения ограниченных вещных прав на имущество при правопреемстве (переходе права собственности на это имущество к другому лицу).

9. Выявлены проблемы в понимании механизма наследования выморочного имущества, приводящие к невозможности определить лицо, замещающее место субъекта вещных прав, которые могут быть решены посредством определения приобретения выморочного имущества публично-правовым образованием в качестве правоотношения, связанного с реализацией публично-правовым образованием способности к правопреемству как способности общего типа. С целью обеспечения завершения процесса правопреемства и предотвращения появления бесхозного имущества следует определить, что публично-правовые образования имеют: а) обязанность по принятию выморочного имущества, причем только юрисдикционным способом, в определенный срок, б) обязанность по принятию и передаче имущества, завещанного юридическим лицам, имущество которых является собственностью соответствующего публично-правового образования, в) право на отказ от выморочного имущества в пользу физических лиц в определенных ситуациях.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства.

1. В целях защиты прав и интересов несовершеннолетних (а следовательно, и других наследников и третьих лиц) при реализации способности к правопреемству при наследовании необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность законных представителей несовершеннолетних принимать наследство, особенно включающее недвижимость, юрисдикционным способом либо отказаться от него с предварительного разрешения органов опеки и попечительства. Необходимо дополнить пункт 2 статьи 1153 Гражданского кодекса РФ абзацем шестым следующего содержания: «Фактическое принятие наследства законными представителями несовершеннолетних в отношении имущества, причитающегося этим несовершеннолетним, не допускается».

2. Целесообразно закрепление обязательного принятия недвижимости в составе наследства юрисдикционным способом (ввиду его особой ценности), поскольку значительно затруднено правоприменение в ситуации, когда

наследник не принял наследство юрисдикционным способом, не отказался от него, фактически недвижимым имуществом не пользовался и обратился в суд по истечении срока на принятие наследства с требованием признать его фактически принявшим недвижимость из состава наследства. Следует дополнить пункт 2 статьи 1153 Гражданского кодекса РФ абзацем седьмым следующего содержания: «Фактическое принятие недвижимого имущества в составе наследства не допускается».

Научная и практическая значимость исследования состоит в том, что содержащиеся в нем выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства и правоприменительной практики как при разработке нормативных правовых актов, так и для толкования действующих правовых норм, а также в учебном процессе юридических вузов при преподавании таких учебных дисциплин, как «Гражданское право», «Наследственное право».

Апробация результатов исследования. Диссертация была выполнена, обсуждена, одобрена и рекомендована к защите на заседании кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва».

Основные выводы и предложения, сформулированные автором и содержащиеся в работе, отражены в опубликованных диссертантом трудах в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Сформулированные в ходе исследования выводы были представлены к обсуждению на XIX Международной конференции молодых ученых «Традиции и новации в системе современного российского права».

Перечень публикаций автора. Основные положения и выводы исследования апробированы в 7 работах автора, 5 из которых в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

I. Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. Сауткина Е. А. К вопросу о гражданско-правовой природе правопреемства [Текст] / Е. А. Сауткина // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 3. – С. 297–302. (0,5 п.л.). ISSN 2658-7602.

2. Сауткина Е. А. Наследственный фонд: проблемы законодательного регулирования в контексте обеспечения прав правопреемников [Текст] / Е. А. Сауткина // Наследственное право. – 2019. – № 4. – С. 14–16. (0,3 п.л.). ISSN 2072-4179.

3. Сауткина Е. А. Супруги как единый субъект права в контексте реализации их способности к правопреемству посредством совместного завещания супругов [Текст] / Е. А. Сауткина // Семейное и жилищное право. – 2020. – № 2. – С. 15–17. (0,3 п.л.). ISSN 1999-477X.

4. Сауткина Е. А. Некоторые проблемы правопреемства при приобретении выморочного имущества [Текст] / Е. А. Сауткина // Нотариус. – 2020. – № 6. – С. 38–41. (0,4 п.л.). ISSN 1813-1204.

5. Сауткина Е. А. Некоторые проблемы обеспечения прав правопреемников при применении норм о наследственных договорах [Текст] / Е. А. Сауткина // Наследственное право. – 2021. – № 2. – С. 31–34. (0,4 п.л.). ISSN 2072-4179.

II. Статьи и тезисы докладов, опубликованные в иных печатных изданиях:

6. Сауткина Е. А. О подходах к определению правопреемства в современной отечественной цивилистике [Текст] / Е. А. Сауткина // Цивилистика: право и процесс. – 2018. – № 3 (3). – С. 20–24. (0,2 п.л.). ISSN 2619-0281.

7. Сауткина Е. А. Некоторые вопросы правопреемства, возникающие в связи с введением института совместных завещаний супругов [Текст] /

Е. А. Сауткина // Материалы XIX Международной научно-практической конференции молодых ученых : сб. тез. – М. : РГ-Пресс, 2020. – С. 763–765. (0,1 п.л.). ISBN 978-5-9988-0948-4.

Структура работы обусловлена поставленной целью и сформулированными задачами проведения исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения и списка использованных источников.

1 ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРЕЕМСТВА В ВЕЩНЫХ ПРАВАХ

1.1 Научные теории преемства в гражданских правах и его признаки

Преемство в вещных правах исследуется в цивилистике, как правило, в рамках определения оснований и способов приобретения права собственности. Однако еще Б. Б. Черепахин, чьи работы и послужили основой такой тенденции, отмечал, что «...в абсолютном правоотношении его движение сводится не только к возникновению и прекращению, но также и к изменению, причем в этих правоотношениях сохранение единства правоотношения до и после его изменения связано не столько с единством содержания, сколько с единством права собственности, залогового права, авторского права и т. д. К сожалению, в учении о юридических фактах уделяется основное внимание возникновению и прекращению правоотношения и почти не разрабатывается учение об изменении правоотношения, в том числе – изменении его субъектного состава, с которым непосредственно связана проблема правопреемства»¹. Слишком узкое понимание преемства в вещных правах привело к постулированию противоречий, связанных с приобретением и прекращением вещных прав. Так, длительное время практически отрицалась возможность приобретения вещи по приобретательной давности, поскольку практически всегда известно лицо, обладающее правами на вещь, и лишь недавно в Постановлении Конституционного Суда было обращено внимание на то, что приобретение права на вещи связано прежде всего не с формальным правообладанием ею, а с действиями, в которых она используется по назначению².

¹ Черепахин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М., 1962. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова : Постановление Конституц. Суда РФ от 26 нояб. 2020 г. № 48-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 49. Ст. 8028.

Преемство в вещных правоотношениях заслуживает особого внимания в ситуации современного переосмысления прав, оформляющих принадлежность вещей, позволяющей в итоге решить и ряд проблем правовой квалификации возникновения и прекращения прав на вещи, что требует определения конструкции правопреемства, понимание которой, как видится, имеет ряд дефектов.

В гражданском законодательстве не содержится определения понятия «правопреемство». В доктрине также не выработано единой позиции по поводу данной категории. Можно выделить два основных подхода к идее правопреемства: дискретности (непереходности) и транзитивности (переходности) субъективных прав (юридических обязанностей) в правоотношении¹.

Сторонники теории дискретности (В. С. Толстой², В. А. Белов³, В. А. Рясенцев⁴, В. П. Грибанов⁵, К. И. Скловский⁶, С. В. Корнихин⁷, М. К. Сулейменов⁸ и др.) считают, что при правопреемстве первоначальное правоотношение прекращается и возникает новое, с измененным субъектным составом.

Одним из основоположников теории дискретности является В. С. Толстой. Он рассматривает категорию «правопреемство» применительно к обязательственным правоотношениям. Говоря о том, что права и обязанности – это

¹ См.: Чепига Т. Д. К вопросу о разрешении споров, связанных с оспариванием актов управления и сделок акционерного общества, на основании доктрины правопреемства // Вестн. Федер. арбитраж. суда Сев.-Кавк. округа. 2004. № 5. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² См.: Толстой В. С. Исполнение обязательств. М., 1973. С. 173.

³ См.: Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. 3-е изд. М., 2002. С. 15–28.

⁴ См.: Рясенцев В. А. Советское гражданское право: учеб. пособие. М., 1960. Ч. 1. С. 254.

⁵ См.: Грибанов В. П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве // Совет. государство и право. 1955. № 8. С. 68.

⁶ См.: Скловский К. И. Механизм перехода права и последствия цессии // Хоз-во и право. 2002. № 2. С. 60–67.

⁷ См.: Корнихин С. В. Преемство в исключительных правах по российскому гражданскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 19.

⁸ Сулейменов М. К. Правопреемство в гражданском праве : монография. С. 40–48.

«определенные возможности участников обязательства», исследователь задается вопросом о том, как их можно передавать и каким образом они могут переходить¹. В. С. Толстой приходит к выводу, что само понятие правопреемства является устаревшим. Однако он считает, что его все же можно использовать, учитывая условность данного термина. Сам процесс правопреемства автор описывает следующим образом: наличие определенных юридических фактов приводит к прекращению прав и обязанностей одних лиц и причинно-связанному возникновению их у других лиц².

Критикуя так называемую концепцию перехода прав, В. С. Толстой указывает, что согласно данной концепции у правопреемника появляется обязанность по передаче права или обязанности, которые выступают в качестве предмета исполнения, не обладающего, тем не менее, такими признаками, как количество, качество, комплектность. В то же время он отмечает, что законодательно установлены некоторые качественные характеристики, которыми должны обладать передаваемые права и обязанности: они должны быть действительными и практически осуществимыми или исполнимыми³.

Выводы, сделанные данным автором, думается, носят дискуссионный характер. Нет оснований рассматривать правопреемство как обязательство, предмет исполнения которого должен обладать некоторыми характеристиками, которые свойственны для вещей, а не для прав (обязанностей), поскольку в этом случае смешивается передача вещи с передачей прав (обязанностей). В. С. Толстой на основании изучения правопреемства в обязательствах распространяет полученные выводы на все случаи правопреемства, в связи с чем проведенное им исследование данного института приобретает ограниченный, узкий характер. Его утверждения не могут быть применены, в частности, к сфере правопреемства вещных прав, так как передача самой вещи,

¹ См.: Толстой В. С. Указ. соч. С. 170.

² Там же. С. 172–173.

³ Там же. С. 174–175.

которая обладает в том числе признаками количества, качества, комплектности, как известно, не всегда приводит к переходу самих прав на вещь (например, в ситуациях, когда необходима государственная регистрация прав).

В. П. Грибанов считал, что при заключении договоров купли-продажи не идет речь о переходе права собственности. Он полагал, что в таких ситуациях «...происходит одновременное прекращение права собственности продавца и возникновение права собственности у покупателя». Ученый обосновывал свою точку зрения тем, что продавец в данном случае реализует правомочие распоряжения и одновременно исчерпывает право собственности, которое таким образом прекращается¹.

М. К. Сулейменов указывает: «для того, чтобы права возникли у нового субъекта, у прежнего они должны прекратиться»².

В. А. Белов отрицает саму возможность передачи прав. Он полагает, что права и обязанности не могут находиться в бессубъектном состоянии, а также не обладают оборотоспособностью, в связи с чем под правопреемством «следовало бы понимать вовсе не передачу прав и даже не перемену лиц, а прекращение субъективных прав правопреемника с одновременным возникновением идентичных прав в лице правопреемника»³.

Думается, позиция В. А. Белова противоречит прежде всего действующему законодательству. Так, в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации⁴ (далее – *ГК РФ*) имущественные права отнесены к объектам гражданских прав, а именно к имуществу. Они, как и все остальные объекты гражданских прав, обладают оборотоспособностью.

Что касается теоретической верности выводов В. А. Белова необходимо отметить следующее. Автор противоречит сам себе, утверждая изначально, что субъективные права и обязанности не могут находиться в бессубъектном

¹ Грибанов В. П. Указ. соч. С. 66.

² Сулейменов М. К. Указ. соч. С. 30.

³ Белов В. А. Указ. соч. С. 18–22.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая). Принят 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

состоянии, а затем говорит об одновременном и незамедлительном возникновении права у правопреемника. Возникает вопрос: в какой момент времени в таком случае права и обязанности остаются без субъекта? Устанавливая различия правового режима вещей и прав, автор приходит в итоге к выводу о том, что права, в отличие от вещей, не могут переходить от одного лица к другому. Действительно, при передаче вещей могут возникнуть ситуации, в которых одно лицо вещь передало, а другое лицо ее еще не получило. То же самое ученый проецирует на ситуации с правами. Однако в данном случае, думается, он игнорирует идеальную природу прав и обязанностей, благодаря которой указанная ситуация возникнуть в принципе не может.

По рассматриваемому вопросу, скорее всего следует согласиться с позицией С. С. Каширского, утверждающего, что «...право в связи с его передачей не прекращается и не возникает вновь, а именно переходит так, что ни на секунду не прекращает свое регулятивное воздействие». Автор отмечает также «привязанность» прав и обязанностей, составляющих содержание правоотношения, именно с субъектом, а не с конкретными лицами, в связи с чем он приходит к выводу о том, что пока существует правоотношение, права и обязанности не могут остаться бессубъектными¹. В свою очередь В. П. Емельянцев делает вывод о невозможности «...физического перехода (передачи, переноса) субъективного права и обязанности между участниками правоотношения»².

Соглашаясь с идеями, высказанными С. С. Каширским и В. П. Емельянцевым, считаем неверным подход сторонников теории дискретности к определению содержания правопреемства, поскольку говорить о возникновении нового правоотношения в каждом случае правопреемства излишне. Такой подход не отражает сущности правопреемства как изменения лиц в правоотношении и перехода прав и обязанностей между лицами, а не между субъектами изменяющегося правоотношения.

¹ Каширский С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2015. С. 43, 50–51.

² Емельянцев В. П. Универсальное правопреемство в гражданском праве. М., 2010. С. 67.

Отметим также, что ряд исследователей в принципе неверно определяют сущность теории дискретности. Так, Д. Ю. Ватников, по отношению к данной теории говорит о том, что она «...отрицает преемство в правах как таковое и предлагает рассматривать переход прав как прекращение правомочий собственника у одного субъекта и возникновение их у другого»¹, что не соответствует сказанному выше. Сторонники рассматриваемой теории отвергают категорию «переход прав», но не «правопреемство». Прекращение же правомочий у одного лица и возникновение их у другого имеются при любом транзитивном правопреемстве.

Таким образом, приверженцы теории дискретности, признавая различия в правовом режиме вещей и прав (обязанностей), в то же время распространяют правила о переходе вещей на переход прав. По-разному аргументируя свои позиции, все они сходятся в одном: правопреемство – понятие условное, применяя которое необходимо учитывать невозможность перемены лиц и перехода прав в правоотношении, а также то, что при любом явлении, обозначаемом термином «правопреемство», неизбежно прекращается одно правоотношение и на его основе одновременно возникает новое.

Однако возникает ряд сомнений в корректности данной теории. Во-первых, можно сказать, что приверженцы теории дискретности фактически отрицают динамику отношений, регулируемых правом, которая, безусловно, присуща им. Так, А. А. Тебряев, соглашаясь с В. А. Беловым, сомневается в том, что возможно сохранение правоотношения при изменении его содержания². В то же время Е. В. Вавилин небезосновательно считает, что «...гражданское правоотношение находится в процессе постоянного изменения, движения, мо-

¹ Ватников Д. Ю. Теория правопреемства в свете развития гражданского законодательства о вещных правах // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2014. № 4 (42). С. 39.

² См.: Тебряев А. А. О понятии «правопреемства» как категории гражданского права // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Наука и образование. 2010. № 3. С. 252.

дификации, эволюции, подчиняясь законам диалектического состояния материи»¹. Как отмечает Т. Д. Чепига, «...правопреемство предстает как константа, свойственная динамике ...правоотношений»². С. С. Каширский приходит к выводу, что «...динамика гражданского правоотношения представляет собой основанный на юридических фактах процесс развития от момента возникновения до момента прекращения, включая в себя стадию возможного изменения отдельных элементов системы правоотношения, не приводящих к прекращению формы правового взаимодействия»³. И. А. Маньковский также утверждает, что «...переход субъективных гражданских прав и юридических обязанностей ведет к изменению состава участников продолжающего существовать гражданско-правового отношения, что возможно в рамках правопреемства»⁴. Р. Ю. Закиров отмечает, что правопреемство призвано «главным образом обслуживать динамику гражданского оборота и обеспечивать устойчивость хозяйственных связей»⁵.

С. А. Сеницын указывает, что «...в статике абсолютных прав интерес управомоченного лица в сохранении существующего положения вступает в активную фазу развития, когда ...управомоченное лицо в целях реализации своих интересов считает возможным допустить к сфере своего правового господства третьих лиц, вступив с ними в правовые отношения»⁶. В частности, к таким ситуациям относится правопреемство, что также отражает динамику гражданских правоотношений.

С. С. Каширский выделяет две разновидности динамики гражданских правоотношений – внешнюю и внутреннюю, а также выявляет их отличия в

¹ Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2009. С. 179.

² Чепига Т. Д. Указ. соч.

³ Каширский С. С. Указ. соч. С. 76.

⁴ Маньковский И. А. Правопреемство как процесс динамики гражданских правоотношений: сущностно-содержательная характеристика // Научн. диалог. 2013. № 7 (19). С. 118.

⁵ Закиров Р. Ю. Конструкция правопреемства и ее отраслевая специфика // Право и государство: теория и практика. 2020. № 9 (189). С. 121.

⁶ Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 458.

объеме происходящих изменений. Внешняя динамика затрагивает все элементы правоотношения, в то время как внутренняя – только отдельные из них при сохранении правовой формы. Данный автор называет правопреемство «частным случаем внутренней динамики правоотношения»¹. Следует согласиться с данной позицией, поскольку при правопреемстве модифицируется лишь один элемент правоотношения – его субъектный состав (в части его носителя – лица). Такой позиции придерживался еще Ф. К. фон Савиньи, который писал в середине XIX в. о том, что изменение правоотношения можно рассматривать, в частности, «...субъективно, т. е. по отношению к лицам, потому что то же самое правоотношение переносится на другие лица, следовательно, продолжает существовать благодаря новым субъектам». Он рассматривает правопреемство как юридический факт, наступление которого приводит к изменению правоотношения².

Важность признания возможности изменения правоотношения проявляется как в теории, так и в практике. Многие исследователи отмечают значение допустимости изменения какого-либо элемента правоотношения для устойчивости договорных и иных гражданских правоотношений³, а также гражданского оборота в целом⁴. При этом, если говорить о любом случае изменения, в частности, субъектного состава правоотношения как о прекращении одного правоотношения и возникновении другого, то могут возникнуть трудности, связанные с определением основания возникновения, объема прав и обязанностей, составляющих содержание нового правоотношения⁵.

Тем не менее сторонниками указанной теории верно подмечено, что для лиц, выступающих на стороне субъектов правоотношения, оно действительно

¹ Каширский С. С. Указ. соч. С. 85.

² См.: Система современного римского права : в 8 т. М. ; Одесса, 2012. Т. 2. С. 212, 214–215.

³ См.: Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 1.

⁴ См.: Буничева М. Г. Понятие правопреемства при реорганизации юридических лиц // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2012. № 1. С. 84.

⁵ Там же.

прекращается. Само же правоотношение сохраняется, поскольку имеет идеальную природу. А. В. Качалова говорит о том, что «...при правопреемстве в вещных и обязательственных правоотношениях, а также правоотношениях, связанных с приобретением и использованием исключительных прав, не происходит движения самого правоотношения, которое начинается с момента его возникновения и заканчивается его прекращением». При этом она логично утверждает, что правоотношение при правопреемстве «...претерпевает изменения, связанные с субъектным составом»¹. Как обоснованно отмечает О. М. Родионова, «...гражданское правоотношение, в котором происходит изменение, не прекращается, а продолжает существовать дальше, но с новыми лицами»².

Во-вторых, сторонниками теории дискретности, по сути, отрицаются и производные способы приобретения прав и обязанностей. Однако, как отмечает В. А. Дозорцев, производный характер права выражается именно в категории правопреемства. Более того, он считает, что категории «производное право» и «правопреемство» надо рассматривать как «...синонимы, характеризующие одну и ту же категорию, только с разных сторон»³. Е. А. Суханов в свою очередь указывает, что отсутствие или наличие правопреемства является критерием для разграничения первоначальных и производных способов приобретения права⁴. Аналогичной точки зрения придерживаются Б. М. Гонгало⁵, А. И. Иванчак⁶. А. А. Ягельницкий также указывает, что «...правопреемство

¹ Качалова А. В. Правопреемство в корпоративных правоотношениях при проведении реорганизации хозяйственного общества, отчуждении акций (долей) в уставном капитале хозяйственного общества, наследовании // Законодательство. 2012. № 2. С. 45–54.

² Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. С. 364–365.

³ Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие; система; задачи кодификации: сборник статей. М., 2003. С. 153.

⁴ См.: Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. 2-е изд., стер. М., 2011. С. 518.

⁵ См.: Гражданское право : учебник : в 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017. Т. 1. С. 334.

⁶ См.: Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации : Общая часть. М., 2014. С. 98.

является категорией, тождественной производному правоприобретению и противопоставляемой первоначальному правоприобретению»¹. Р. Ю. Закиров пишет, что «...правопреемство как категория гражданского права есть производный способ возникновения и изменения прав ...правопреемство и производное приобретение прав являются неразделимыми»².

Однако существует и иная точка зрения, согласно которой отрицается тождественность понятий «правопреемство» и «производность». Так, С. С. Каширский отмечает, что «... производный характер означает лишь наличие связи, в то время как правопреемство предполагает полную тождественность в рамках все той же самой правовой формы»³. Считаем данную позицию необоснованной, поскольку во всех случаях правопреемства следует говорить о производности, в то время как при первоначальных способах возникновения прав правопреемство всегда отсутствует.

В подтверждение производности прав и обязанностей при правопреемстве А. И. Иванчак, рассуждая об исключительных правах, указывает, что такие права могут возникнуть первоначальным способом только у автора. При этом они могут перейти в порядке правопреемства к другому лицу – правообладателю, чье исключительное право производно от права автора⁴, т. е., разделяя первоначальные и производные способы возникновения исключительных прав, данный автор приравнивает все производные способы возникновения таких прав к случаям правопреемства.

Тем не менее В. А. Белов, считая категорию «изменение правоотношения» искусственной, утверждает, что возникновение нового правоотношения в результате правопреемства все же относится не к первоначальным, а к производным способам возникновения субъективных прав и обязанностей. Свою

¹ Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 6.

² Закиров Р. Ю. Правопреемство в обязательственном правоотношении // Вестн. КГУ. Юрид. науки. 2016. № 6. С. 180.

³ Каширский С. С. Указ. соч. С. 172.

⁴ См.: Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации : Особенная часть. М., 2014. С. 54.

точку зрения автор обосновывает тем, что это происходит не на «пустом месте», а на базе прекращающегося правоотношения¹. Однако данное положение представляется весьма спорным. Так, Е. А. Суханов определяет производные способы приобретения прав как переход права от правопродшественника в порядке правопреемства². Если придерживаться позиции В. А. Белова о сущности правопреемства, то следует говорить о наличии двух отдельных правоотношений: старого и нового. Однако появление нового правоотношения, думается, в любом случае является первоначальным способом возникновения прав и обязанностей. В принципе именно это утверждают сторонники теории дискретности, считая, что при правопреемстве возникает новое правоотношение с идентичными правами и обязанностями. Чтобы говорить о производности прав и обязанностей, необходим именно их переход в рамках одного правоотношения. Если же одно правоотношение прекратилось, то прекратились и составляющие его содержание права и обязанности. Следовательно, нет очевидной причинно-следственной связи, а значит, и производности прав и обязанностей.

В-третьих, теорию дискретности, в частности, опровергает тот факт, что некоторые аргументы ее приверженцев потеряли актуальность в настоящее время, поскольку основоположники данной теории осуществляли свои исследования в советское время. Так, В. П. Грибанов, Б. С. Антимонов³, обосновывая свои взгляды, говорят о невозможности перехода права в силу того, что такое право не сохранится при переходе в неизменном виде, т. е. нельзя говорить об идентичности права правопродшественника и правопреемника. Однако эта точка зрения основана на реалиях советского времени и различиях правового режима государственной, кооперативно-колхозной и личной форм

¹ См.: Белов В. А. Указ. соч. С. 25–26.

² См.: Российское гражданское право. Т. 1. С. 517.

³ См.: Грибанов В. П. Указ. соч. С. 67; Антимонов Б. С. Возникновение права собственности у покупателя при новых формах розничной торговли в советских магазинах // Учен. зап. ВИЮН. 1959. № 9. С. 91.

собственности. Авторы утверждают, что право собственности правопреемника будет иным, нежели у правопрédéшественника, так как изменяется объем составляющих его правомочий. Что касается заключения договоров купли-продажи между лицами, обладающими одинаковым объемом правомочий владения, пользования и распоряжения, В. П. Грибанов также считает невозможным переход права собственности, поскольку объем таких правомочий определяется не самими сторонами договора, а законодательно¹. Однако, как представляется, это не исключает возможности утверждать, что правопреемство происходит, но только в отдельных правомочиях.

В связи с проведенным анализом полагаем, что трудно полностью согласиться с теорией дискретности.

Сторонники теории транзитивности (Б. Б. Черепяхин², О. С. Иоффе³, Е. А. Суханов⁴, Д. В. Жданов⁵, Д. И. Степанов⁶, Т. Д. Чепига⁷, Д. В. Носов⁸, И. А. Емелькина⁹, А. К. Геленидзе¹⁰, С. С. Каширский¹¹ и др.), напротив, полагают, что сущность правопреемства заключается в изменении правоотношения, при котором права и обязанности переходят от одного субъекта к другому. Важно отметить, что, по мнению сторонников этой теории, в результате правопреемства право прежнего правообладателя прекращается, а у нового

¹ См.: Грибанов В. П. Указ. соч. С. 67.

² См.: Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 12.

³ См.: Иоффе О. С. Обязательственное право. М., 1975. С. 184.

⁴ См.: Российское гражданское право. Т. 1. С. 119.

⁵ См.: Жданов Д. В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации. 2-е изд. М., 2002. С. 96–104.

⁶ См.: Степанов Д. И. Правопреемство при реорганизации в форме выделения // Вестник ВАС РФ. 2002. № 7. С. 111–120.

⁷ См.: Чепига Т. Д. Указ. соч.

⁸ См.: Носов Д. В. Феномен правопреемства в российской правовой системе // Журнал рос. права. 2011. № 5. С. 91–97.

⁹ См.: Емелькина И. А. Теоретические проблемы приобретения права собственности при реорганизации корпорации под ред. д.ю.н. С. Д. Могилевского и д.ю.н. М. А. Егоровой // Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

¹⁰ См.: Геленидзе А. К. К вопросу о направлениях развития института правопреемства в гражданском праве Российской Федерации // Уголов.-исполнит. система России: проблемы и перспективы. Самара, 2016. С. 53.

¹¹ См.: Каширский С. С. Указ. соч.

правообладателя возникает право на тот же объект (конкретный результат) и в том же объеме¹.

Рассматривая данную теорию правопреемства, необходимо отметить, что В. А. Белов в теории транзитивности выделяет два отличных друг от друга подхода к рассматриваемому институту: теорию перемены лиц – участников правоотношения и теорию передачи (перехода) прав². Полагаем, что разделение теории транзитивности на теорию перемены лиц и теорию перехода прав излишне, поскольку при правопреемстве данные процессы являются взаимосвязанными. Для того чтобы произошла перемена лиц в правоотношении, необходимо, чтобы лицо, заменяющее выбывшего участника правоотношения, получило права и обязанности, которые составляют содержание данного правоотношения, другими словами, чтобы эти права и обязанности к нему перешли.

Данное положение подтверждается позицией Д. В. Носова. Обосновывая правильность теории транзитивности, он говорит о том, что единственный ее недостаток в акцентировании внимания «...только на переходе взаимных прав и обязанностей субъектов правоотношения в процессе правопреемства». По его мнению, основным при правопреемстве является «...замена субъекта в правоотношении с одновременным переходом прав и обязанностей к вновь вступившему в правоотношение субъекту»³. Д. В. Носов дает следующее определение правопреемства: это «...юридическое явление, представляющее собой не связанное с личностью субъекта правоотношения и не запрещенное законодательством изменение субъектного состава правоотношения, при котором в порядке производного приобретения субъективных прав и (или) юридиче-

¹ См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 2. Ч. III, IV ГК РФ / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. М., 2011. С. 212.

² См.: Белов В. А. Указ. соч. С. 18.

³ Носов Д. В. Указ. соч. С. 91, 97.

ских обязанностей осуществляется их переход от одного лица (правопредшественника) к другому (правопреемнику) в отношении одного объекта правоотношения»¹.

Следует оговориться, что переходящие в порядке правопреемства права и обязанности не должны быть связаны с личностью правопредшественника. Е. Б. Подузова выделяет следующие признаки тесной связи правоотношения с личностью: возникновение, существование и реализация содержания правоотношения только при наличии определенного субъектного состава (например, даритель и одаряемый); зависимость предмета, объекта и содержания правоотношения от свойств участников правоотношения².

Т. Д. Чепига определяет сущность правопреемства, как «...юридический способ перехода субъективных прав и обязанностей от одного участника гражданского оборота к другому, сопровождающийся прекращением субъективного права (обязанности) у одного лица и соответствующим приобретением этого права (обязанности) у другого лица при том непременно условии, что правопреемство есть единство этих взаимосвязанных результатов»³.

И. А. Емелькина, приходя к выводу об отсутствии правопреемства при реорганизации в форме преобразования «... в связи с сохранением субъектного состава абсолютного и относительного правоотношения», также характеризует данное явление как изменение субъекта правоотношения⁴.

Рассматривая подходы к правопреемству, А. А. Ягельницкий считает некорректным и небесспорным определение данного понятия через категории «правоотношение», «юридический факт», «гражданский оборот». Он полагает, что «... правопреемство есть идеологическое (надстроечное) явление»,

¹ Там же. С. 97.

² См.: Подузова Е. Б. Запрет цессии как организационное условие договора: проблемы теории и практики // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 3. С. 104.

³ Чепига Т. Д. Указ. соч.

⁴ Емелькина И. А. Указ. соч.

его следует рассматривать как элемент общего понятия «юридическое последствие», «... случай изменения гражданского правоотношения, а именно его изменение по субъектам»¹.

А. А. Тебряев анализирует законодательное регулирование института правопреемства, в связи с чем указывает, что «... законодатель при замене лиц в правоотношениях термины «правопреемство» и «переход» или передачу права отождествляет и рассматривает как взаимозаменяемые»².

Б. Б. Черепяхин, также рассматривая правопреемство как изменение в субъектном составе правоотношения, отмечал, что в обязательственных правоотношениях правопреемство может заключаться в изменении либо субъекта права (кредитора), либо субъекта обязанности (должника), либо (в двухстороннем обязательстве) лица, которое является одновременно субъектом права и обязанности (кредитором и должником); в абсолютных же правоотношениях измениться может лишь субъект права³.

Не совсем точной представляется позиция М. В. Шавыровой. Автор, придерживаясь теории транзитивности и говоря о правопреемстве как о переходе прав и обязанностей, в то же время отмечает, что «...правопреемник становится на место своего предшественника во всех правоотношениях, к которым применяется правопреемство»⁴. Полагаем такой подход к правопреемству односторонним и характеризующим прежде всего универсальное правопреемство. При этом упускается из внимания правопреемство сингулярное.

Считаем, что теория транзитивности наиболее обоснованна. Однако следует заметить, что определение правопреемства как изменение субъекта правоотношения не совсем корректно. О. М. Родионова указывает, что сущность правопреемства состоит в «...прекращении гражданских прав у одних лиц и

¹ Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 10.

² См.: Тебряев А. А. Указ. соч. С. 251.

³ См.: Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 3.

⁴ Шавырова М. В. Развитие наследственного правопреемства в российском гражданском праве // Актуальные вопросы экономики, управления и права в социально-культурной сфере. URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001703>

возникновении у других в рамках одного и того же гражданского правоотношения»¹. Она делает акцент на том, что при правопреемстве в правоотношении изменяются не субъекты, а лица. Данной точки зрения придерживается и Е. А. Суханов, который говорит о правопреемстве как об изменении состава участников гражданского правоотношения², т. е. изменения правоотношения в буквальном смысле не происходит. Эта позиция основана на разграничении правоотношения как идеальной правовой категории и как фактической ситуации, в которой оно возникает и прекращается.

И. А. Маньковский также разграничивает категории «фактические отношения» и «правовые отношения». Фактические отношения «...возникают не между субъектами гражданского права, а между людьми, которые и являются единственными фактическими участниками любых социальных связей», а правовые «...фактически не существуют, являются, как и вся система права, идеальной моделью поведения»³.

Представляется верной позиция С. С. Каширского, разграничивающего понятия «лицо», «субъект права», «субъект правоотношения»⁴. Применительно к рассматриваемому вопросу необходимо отметить, что при правопреемстве изменяются именно лица как конкретные физические и юридические лица, которые как бы «персонифицируют» субъекта гражданского правоотношения, в котором происходит соответствующее изменение, т. е. субъект правоотношения как идеальная категория остается прежним, изменяется определенное лицо, замещающее место субъекта правоотношения. К примеру, при переходе права собственности на объект недвижимости субъект остается прежним – собственник, а изменяется лицо, занимающее место этого субъекта (в частности, при возникновении права собственности на объект недвижимости в порядке универсального правопреемства собственником становится наследник вместо наследодателя). Как справедливо замечает по этому поводу

¹ Родионова О. М. Указ. соч. С. 365.

² См.: Российское гражданское право. Т. 1. С. 119.

³ Маньковский И. А. Указ. соч. С. 126.

⁴ См.: Каширский С. С. Указ. соч. С. 36.

С. С. Каширский, «... субъект правоотношения остается его структурным элементом на всем протяжении существования правоотношения, а лица, приобретающие правовой статус субъектов правоотношения... могут меняться»¹.

Как справедливо отмечал также К. П. Победоносцев, «... смена лиц, обладающих правом, есть, следовательно, преемство»².

Теория транзитивности наиболее обоснованна, поскольку ее сторонниками более точно отражена суть правопреемства как идеальной конструкции. Поэтому можно сказать, что правопреемство есть явление, характеризующееся как производное правоприобретение и заключающееся в изменении лиц в правоотношении посредством перехода субъективных прав и (или) обязанностей от одного лица к другому в рамках одного правоотношения в отношении того же объекта.

Помимо определения понятия правопреемства, необходимо установить его признаки. В научной литературе различные исследователи выделяют неодинаковый набор признаков правопреемства. Рассмотрим несколько подходов.

С. С. Каширский анализирует условия возникновения правопреемства, при наличии всей совокупности которых возможно осуществление правопреемства. Однако, полагаем, эти условия следует разграничить на основания и признаки правопреемства. Так, автор выделяет юридический факт или состав юридических фактов как основание правопреемства. В качестве признаков правопреемства среди названных автором условий его возникновения следует рассматривать: изменение гражданского правоотношения под воздействием юридического факта или юридического состава; изменение в субъектном составе гражданского правоотношения посредством выбытия первоначального лица при сохранении в неизменном виде иных элементов правовой системы; выбытие лица из правовой связи, не приводящее к прекращению гражданского

¹ Там же. С. 37.

² Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть : Вотчинные права. М., 2002. С. 99.

правоотношения, поскольку не происходит уничтожения субъекта; продолжение существования системы элементов гражданского правоотношения при замещении места субъекта иным лицом – правопреемником¹.

Г. И. Войтович выделяет родовые и видовые признаки правопреемства. Родовые признаки, по его мнению, характеризуют правопреемство в целом. Видовые же признаки относятся к отдельным видам и подвидам правопреемства: универсальному (в том числе при наследовании и реорганизации) и сингулярному. Кроме того, исследователь признает условность такой классификации и выделяет промежуточные признаки, которые, с одной стороны, не присущи правопреемству в целом, а с другой – характеризуют не только правопреемство при реорганизации, но и некоторые иные его виды. Г. И. Войтович относит к родовым признакам следующие: наличие двух сторон – правопредшественник (праводатель) и правопреемник (правополучатель); переход прав и обязанностей в рамках правопреемства предполагает изменение субъектного состава существующего правоотношения (при этом по общему правилу содержание правоотношения не подлежит каким-либо преобразованиям, изменяются лишь его стороны); при правопреемстве права первоначального кредитора переходят к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права. Среди промежуточных признаков правопреемства автор выделяет, в частности, такие, которые характерны исключительно для реорганизации и наследования, но не всегда могут относиться ко всем без исключения случаям правопреемства: переход прав и обязанностей от одного лица к другому происходит безвозмездно; правопреемство не основано на каком-либо отдельном договоре (например, договоре уступки права требования или перевода долга), оно представляет собой след-

¹ См.: Каширский С. С. Указ. соч. С. 85.

ствие самой реорганизации или наследования; перевод долга (переход обязанности по исполнению конкретного обязательства) в рамках правопреемства не требует согласия кредиторов¹.

Наиболее теоретически обоснованными считаем признаки правопреемства, выделяемые Ф. К. фон Савиньи:

- 1) одинаковый вид права по отношению к одному и тому же предмету;
- 2) последующее право по времени следует непосредственно за предшествующим;
- 3) юридическая связь между правопреемником и правопреемником;
- 4) область применения института правопреемства – имущественное право².

Учитывая указанные позиции, выработанные в доктрине, а также определенное нами понятие правопреемства, выделим следующие его признаки:

- 1) право правопреемника является производным от права правопреемника;
- 2) при правопреемстве изменяется субъектный состав гражданского правоотношения, а именно происходит смена конкретных лиц, замещающих место того или иного субъекта правоотношения;
- 3) права и (или) обязанности переходят от лица, выбывающего из правоотношения, к лицу, занимающему его место в субъектном составе;
- 4) гражданское правоотношение не прекращается, происходит лишь его изменение;
- 5) сохраняются все иные элементы изменяющегося правоотношения, а именно его объект и составляющие его содержание права и обязанности;

¹ См.: Войтович Г. И. Понятие и признаки правопреемства при реорганизации юридических лиц // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага універсітэта. 2012. № 5. С. 83.

² См.: Система современного римского права. Т. 2. С. 215–216.

6) отсутствие какого-либо даже непродолжительного промежутка времени, при котором переходящее право находилось бы в бессубъектном состоянии;

7) возможность перехода только имущественных прав при правопреемстве;

8) возникновение правоотношения правопреемства между двумя субъектами: правопреемником и правопреемником.

1.2 Способность к преемству в вещных правах как правоотношение общего типа

Остановимся более подробно на характеристике категории «правопреемство». Представляется, что правопреемство следует рассматривать прежде всего как правоотношение, а именно как правоотношение общего типа. По мнению ряда авторов, правоспособность является правом общего типа, которое в свою очередь включает иные права общего типа, в том числе право наследования¹. Хотя существует и другая точка зрения. Так, С. А. Сеницын считает, что «весьма сложно представить правоспособность в качестве субъективного права *suigeneris* ввиду крайней расплывчатости данной терминологии ... правоспособность должна быть воспринята не в контексте понятия субъективного гражданского права или конкретного вида последнего, а только как необходимое и базовое условие для возникновения любого субъективного права – как устойчивая правовая связь между лицом и правопорядком»².

¹ См.: Родионова О. М. Указ. соч. С. 246–251; Ходырева Е. А. Определение правовой природы права наследования // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. 2020. № 3 (134). С. 144.

² Сеницын С. А. Указ. соч. С. 450.

Б. С. Антимонов и К. А. Граве в рассуждениях о наследовании указывали, что оно представляет собой «одно из проявлений гражданской правоспособности» и при наличии определенных законом юридических фактов у любого лица возникает «конкретное наследственное правомочие»¹.

Полагаем, что правопреемство в качестве правоотношения общего типа необходимо относить к элементам правоспособности. Этот вывод основан на том, что любое лицо в определенных ситуациях может реализовать свою способность к правопреемству, в том числе выступая в качестве наследника или заключая договоры.

Поясняя высказанную позицию, прежде всего отметим, что по поводу сущности правоотношения сложилось несколько точек зрения. Его рассматривают как фактическое отношение, как идеологическое отношение либо как двуединое образование – единство идеологической формы и материального содержания². Последняя точка зрения критикуется рядом авторов. Так, В. А. Белов утверждает, что «быть фактическим и в то же время идеологическим правоотношением никак не может»³. С. С. Каширский определяет гражданско-правовое отношение как идеальную конструкцию, представляющую собой систему юридических понятий, категорий, представлений⁴.

Считаем, что данные позиции некорректны, поскольку, будучи следствием норм права, имея определенную структуру, правоотношение всегда является идеологическим явлением. При этом нельзя отрицать того, что оно отражает фактическое содержание самого общественного отношения, которое, будучи урегулированным нормами права, выступает в качестве правоотношения. Например, субъект – это часть идеальной конструкции правоотношения, представляющая в правовом поле конкретных юридических или физических

¹ Антимонов Б. С., Граве К. А. Советское наследственное право. М., 1955. С. 47.

² См.: Белов В. А. Указ. соч. С. 12.

³ Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий // Объекты гражданского оборота : сборник статей. М., 2007. С. 25.

⁴ См.: Каширский С. С. Указ. соч. С. 18.

лиц; объект права – другая часть той же идеальной конструкции, отражающая материальные блага.

При этом, как известно, правоотношение представляет собой систему взаимосвязанных элементов. Т. М. Нинциева отмечает, что сущность правоотношения в том, что это «упорядоченная форма взаимосвязи (взаимодействия) субъектов». В то же время данный автор приходит к выводу, что «правоотношение – это не только правовая форма взаимосвязи между субъектами, но и правовая форма связанности каждого из них с социальным благом», представляющим собой объект правоотношения¹. То есть сущность любого гражданского правоотношения все-таки во взаимосвязанности и взаимозависимости всех составляющих его элементов, а не только субъектов.

Выдвигаемое нами положение о рассмотрении правопреемства в качестве правоотношения общего типа находит поддержку в науке гражданского права. Однако позиции ученых мало обоснованы, практически не аргументированы. Так, Г. И. Войтович приходит к выводу о том, что «правопреемство следует рассматривать не только как процесс перехода прав и обязанностей, но и как правоотношение». В то же время он отмечает, что «правопреемство можно рассматривать в качестве юридического факта, который является основанием возникновения, изменения и прекращения гражданских прав»². В. А. Витушко определил правопреемство как отношение, в силу которого права и обязанности одного лица становятся правами и обязанностями другого³.

¹ Нинциева Т. М. Место и значение института правопреемства в системе гражданских правоотношений // *Соврем. фундам. и приклад. исслед.* 2017. № 1 (24). С. 314.

² Войтович Г. И. Указ. соч. С. 85.

³ См.: Витушко В. А. *Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практ. пособие : в 5 т.* Минск, 2002. Т. 2. С. 426.

Н. А. Рябинин и К. Ю. Филипсон обозначают правопреемство как правоотношение, при помощи которого реализуются юридические нормы, устанавливающие порядок осуществления перехода прав и обязанностей от правопрédéшественника к правопреемнику¹.

В. Е. Карнушин, изучая труды Б. Б. Черепашина, отмечает, что советский цивилист не определял правопреемство как правоотношение, однако, рассматривая правопреемство при наследовании, он указывал, что для перехода прав и обязанностей по наследству необходимо накопление состава юридических фактов». В связи с этим В. Е. Карнушин заключает: «...коль скоро это так, и в силу того, что юридический факт – это предпосылка к возникновению правоотношения, наличие правоотношений в правопреемстве нельзя отвергать»².

Все правоотношения следует разделять на общие и конкретные. Данную классификацию предлагают ряд исследователей. Однако они определяют разные критерии такой классификации: либо «по способу индивидуализации субъектов»³, либо «по характеру связи между субъектами»⁴. Н. В. Козлова делит правоотношения на конкретные и абстрактные в зависимости «от способа установления правовых связей между субъектами»⁵. Полагаем, наиболее приемлем первый критерий, поскольку в общих правоотношениях субъекты не индивидуализированы (ими становятся все лица, обладающие правоспособностью), в то время как в конкретных правоотношениях лица, замещающие место субъектов (по крайней мере субъект права), строго определены (индивидуализированы). Рассмотрим эти виды правоотношений более подробно.

¹ См.: Рябинин Н. А. Правопреемство в отечественной юриспруденции: понятие и отражение в действующем законодательстве // Актуальные вопросы юрид. науки. 2022. № 2 (14). С. 49.

² Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В. П. Камышанского. М., 2016. С. 236–237.

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 68.

⁴ См.: Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. М., 2016. С. 449.

⁵ Козлова Н. В. Абстрактное и конкретное понимание субъекта, правоспособности и гражданского правоотношения // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики. М., 2018. С. 309.

С. С. Алексеев трактует общие правоотношения как «правовые связи, основанные на таких общих правах и обязанностях (в том числе общих дозволениях и запретах), субъекты которых не имеют поименной индивидуализации». В то же время такие правоотношения вовсе не обезличены, а субъектами являются «все субъекты в рамках данной правовой системы», а их участие в рассматриваемых правовых отношениях связывается «с институтом гражданства». Каждый участник правоотношения при этом занимает особые юридические позиции «применительно ко всем другим субъектам», а последние в свою очередь «противостоят ему как единое, нерасчлененное целое». Среди особенностей данных правоотношений автор выделял также отсутствие каких-либо юридических фактов для возникновения и срок действия, равный времени существования правовой нормы¹.

Н. И. Матузов говорит о том, что общие правоотношения «нередко именуют абсолютными, статусными, базовыми, исходными, первичными, давая им тем самым сущностную характеристику. Они лежат в основе всех иных (отраслевых) правоотношений»². Сам исследователь называет их «правоотношениями первого порядка»³, «правоотношениями состояния»⁴. Помимо отсутствия юридического факта («роль юридического факта в данном случае играет сам закон, его издание»), автор называет в качестве особенностей рассматриваемых правоотношений также отсутствие «третьей силы», которая стояла бы над сторонами, поскольку «третья сила» – сама сторона правоотношения⁵.

Ряд авторов указывают следующие признаки общих правоотношений: возникновение на основе общих норм; общий характер; длительность, равная продолжительности действия правовой нормы и существования соответствующих субъектов; представляют собой основание возникновения и функционирования конкретных правоотношений⁶.

¹ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Т. 2. С. 68–70.

² Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2004. С. 127.

³ Там же. С. 124.

⁴ Там же. С. 126.

⁵ Там же. С. 132.

⁶ См.: Поляков А. В. Указ. соч. С. 450.

С. С. Алексеев называет общие правоотношения общерегулятивными, подразделяя их на общедозволительные и общезапретительные¹. Правоотношение правопреемства в указанной классификации относится к общедозволительным, что отражает способность каждого лица стать участником такого правоотношения.

Конкретные же правоотношения С. С. Алексеев определяет как «правовые связи, субъекты которых – во всяком случае одни из них (носители права) – определены путем поименной индивидуализации»².

Н. И. Матузов справедливо утверждает, что конкретные правоотношения – это лишь определенный класс (или род) правовых отношений, которые представляют собой конкретную, строго индивидуализированную связь между субъектами, возникающую в результате наступления того или иного юридического факта³. Исследователь утверждает, что конкретное правоотношение возникает на основе общерегулятивного в ситуации, когда «обращение гражданина по поводу защиты своих прав и законных интересов принимается к „производству“ соответствующей компетентной инстанцией. После разрешения конфликта конкретное правоотношение прекращается, а общее остается и продолжает функционировать дальше»⁴. «В этом случае конкретные правоотношения выступают как восстановительные»⁵.

Н. И. Матузов проводит разграничение конкретных и общих правоотношений также по следующему основанию: «первые связаны в основном с такой формой реализации юридических норм, как применение, вторые – с тремя остальными: соблюдением, исполнением и использованием»⁶.

Способность к правопреемству является элементом правоспособности как права общего типа и соответственно возникает одновременно с ней: с момента рождения – у физических лиц и с момента государственной регистрации

¹ См.: Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 68–69.

² См.: Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 69.

³ См.: Матузов Н. И. Указ. соч. С. 130–131.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Там же. С. 133.

– у юридических лиц. Следовательно, пока лицо существует, оно является субъектом общего правоотношения правопреемства, в котором ему противостоит неограниченный круг лиц (все и каждый), обязующихся в свою очередь не препятствовать лицу осуществлять свою способность к правопреемству. Для возникновения способности к правопреемству не требуется наличия того или иного юридического факта. Достаточно, чтобы лицо обладало правоспособностью, а также действовала общая норма права, позволяющая лицу при наличии определенных юридических фактов осуществить свою способность к правопреемству. Правоотношение правопреемства является одним из базовых. На его основе могут возникнуть конкретные правоотношения при наличии определенных юридических фактов. Такие конкретные правоотношения в свою очередь могут быть различными по своей природе. Таким образом, можно заключить, что правоотношение правопреемства обладает всеми указанными признаками и отличительными особенностями правоотношений общего типа.

Соглашаясь с Н. И. Матузовым, отметим, что в случае нарушения такого права общего типа, аналогичного по своей структуре субъективному праву¹, как способность к правопреемству, и обращения лица за защитой в компетентные органы реализуется присущее каждому субъективному праву правомочие на защиту, а также возникает конкретное правоотношение по его защите публичного характера. В то же время правоотношение правопреемства является предпосылкой для возникновения и других конкретных правоотношений, в частности, при осуществлении способности к правопреемству при наследова-

¹ По поводу возможности отнесения правоспособности к субъективным правам ведется научная дискуссия (обобщение см.: Носов С. И. Субъективные публичные права и интерес // Юрист. 2021. № 1. С. 65–73; Сеницын С. А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе // Адвокат. 2016. № 7. С. 20–37). О недопущении рассмотрения гражданской правоспособности в качестве субъективного права, «поскольку она не приобретается субъектами частного права по собственному усмотрению, а является следствием их надления этим юридическим качеством со стороны правопорядка» см.: Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022. С. 11.

нии, реорганизации, в обязательствах и так далее. Так, при наследовании осуществление способности к правопреемству реализуется лицами посредством, например, составления завещания, принятия наследства или отказа от него. При реорганизации также совершаются односторонние действия правопреемника и правопреемника по реализации способности к правопреемству, выражающиеся в том числе в принятии решения о реорганизации, вступлении созданного по завершении реорганизации лица в правоотношения, место субъекта в которых занимал правопреемник. То же самое происходит и в обязательствах, связанных с правопреемством, вследствие чего посредством односторонних действий правопреемника и правопреемника осуществляется способность каждого из них к правопреемству, в результате чего и происходит замена лиц в первоначальном (конкретном) правоотношении.

И общие правоотношения правопреемства, и возникающие на его основе конкретные правовые отношения обладают определенной структурой. Как отмечает Д. Ю. Ватников, «одним из первых на важность структуры правопреемства обратил внимание Д. И. Мейер, выделив субъект, объект и акт приобретения»¹. В российской цивилистике принято считать, что систему правоотношений образуют такие элементы, как субъекты, объект и содержание. Рассмотрим отдельно каждый из названных элементов применительно к правоотношению правопреемства.

Место субъектов правоотношений могут занимать как физические, так и юридические лица. Все они в силу обладания правоспособностью являются субъектами правоотношений правопреемства общего типа. При этом каждому лицу, обладающему способностью к правопреемству, в таком правоотношении противостоит неограниченный круг лиц, т. е. каждое любое другое лицо. Соответственно такое правоотношение следует характеризовать как абсолютное.

¹ Ватников Д. Ю. Указ. соч. С. 41–42.

Н. В. Козлова, говоря о «конкретных» субъектах правоотношения как об обладателях конкретных субъективных прав и обязанностей, участниках конкретных гражданских правоотношений, противопоставляет им «абстрактных» субъектов. По ее мнению, абстрактный субъект – это «любое лицо, признанное способным иметь какие-либо охраняемые законом интересы, гражданские права и обязанности»¹. Думается, что в данном случае речь идет об обозначении субъектов общих правоотношений, которых, тем не менее, «абстрактными» назвать нельзя, поскольку они достаточно точно определены (это каждое физическое и юридическое лицо), различна именно сущность правоотношений, субъектами которых они выступают (общих правоотношений, а не конкретных).

Когда же способность к правопреемству нарушается и возникает правовое отношение по защите, субъектами такого, уже конкретного, правоотношения становятся лицо, чье право нарушено, и компетентный орган, в который это лицо обратилось за защитой.

Другая категория конкретных правоотношений (вещных, обязательственных и иных) возникает вследствие осуществления лицами способности к правопреемству. При этом оговоримся, что такие конкретные правоотношения будут новыми только для правопреемника. В целом же они представляют собой измененное в субъектном составе первоначальное правоотношение, место одного из субъектов в котором занимал правопреемник. Такое конкретное правоотношение будет иметь уже строго определенный субъектный состав, в котором правовые связи между субъектами будут строиться по типу абсолютных или относительных.

В договорных отношениях стороны договора выступают субъектами правопреемства, а именно правопреемником и правопреемником, и их определить нетрудно. По поводу правопреемства при наследовании и реорганизации отметим следующее.

¹ Козлова Н. В. Указ. соч. С. 308.

В. Е. Карнушин, отмечая, что «правоотношения по правопреемству складываются между праводателем и правоприобретателем», приходит к выводу, «что правоотношение при правопреемстве является относительным»; «абсолютные правоотношения не могут входить в состав правоотношений при правопреемстве»¹. Данную позицию критикуют ряд исследователей. Так, Ю. А. Попова отмечает, что при наследовании возникает абсолютное правоотношение, «в котором праву наследника соответствуют обязанности неопределенного круга субъектов»². По мнению автора, самостоятельность принятия наследства как односторонней сделки приводит к признанию существования отдельных правоотношений: абсолютного правоотношения по открытию наследства и абсолютного правоотношения по принятию наследства (либо отказа от него)³.

Данные точки зрения нуждаются в уточнении. Наследодатель может осуществить свою способность к правопреемству посредством составления завещания, а наследник – принимая наследство. Эти односторонние действия, имеющие значение юридических фактов, влекут возникновение конкретных правоотношений (собственности, обязательств и др.) для правопреемника (наследника). Следовательно, никаких иных правоотношений, в том числе правоотношения по принятию наследства или отказу от него, не возникает. Наследник лишь реализует свою способность к наследованию, а принимая наследство – посредством осуществления способности к правопреемству.

По поводу того, является ли наследодатель субъектом наследственных правоотношений, в научной литературе существуют некоторые разногласия. Так, существует точка зрения, согласно которой в качестве субъектов наслед-

¹ Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации. С. 236–237.

² Попова Ю. А. Правоотношения и правопреемство при наследовании // Науч. журн. КубГАУ. 2015. № 113 (09). С. 1648–1649.

³ См.: Попова Ю. А. Указ. соч. С. 1649.

ственного правоотношения выступают наследодатель (завещатель) и наследники¹. В соответствии же с противоположной позицией наследодатель не является субъектом наследственных правоотношений, играя роль лишь субъекта наследственного права в целом. «Сказанное обусловлено тем, что российскому праву неизвестна возможность участия в правоотношении „несуществующего”, а следовательно, не обладающего правосубъектностью лица»².

Полагаем, что необходимо придерживаться последней точки зрения. Замена наследодателя во всех правоотношениях, в которых он занимал место одного из субъектов, наследниками происходит только после его смерти. В связи со смертью прекращается правосубъектность наследодателя, а следовательно, он не может выступать в качестве субъекта каких-либо правоотношений. Однако наследодатель как правопредшественник играет важную роль в осуществлении наследниками их способности к правопреемству. Его воля, выраженная в завещании или учитываемая как предполагаемая в соответствии с законом, – общее условие правопреемства, без которого (в совокупности с таким юридическим фактом, как его смерть) нельзя говорить об осуществлении правопреемства. Круг правоотношений, в которых посредством правопреемства произойдет замена лиц, – это правоотношения, участником которых был сам наследодатель.

По поводу субъектов правопреемства при наследовании необходимо уточнить ряд категорий. Преемником в нем выступает лицо, обладающее «наследственной правосубъектностью». Она включает наследственную правоспособность и дееспособность, в том числе деликтоспособность. При этом в научной литературе ведутся дискуссии о соотношении наследственной правосубъектности и гражданской правосубъектности. Ряд авторов приходят к выводу, что эти категории во многом схожи, тем не менее имеют ряд отличий³.

¹ См.: Кириллова Е. А. Наследственное право России : учеб. пособие. М., 2017. С. 35–36.

² Долганова И. В. Наследственное право : учеб.-практ. пособие. М., 2014. С. 12.

³ См.: Гасанов Н. Ф. О правосубъектности в наследственном праве // Пробелы в рос. законодательстве. 2017. № 7. С. 78; Бахмуткина К. Ю. Наследственная правосубъектность: понятие и содержание // Юрист. 2008. № 6. С. 30.

Наследственная правоспособность в соответствии со ст. 18 ГК РФ является частью гражданской правоспособности и выражается в возможности наследовать и завещать имущество.

Представляется, что наследственная правоспособность (способность иметь наследственные права и нести обязанности), как и гражданская правоспособность, возникает в момент рождения физического лица и прекращается в момент его смерти (для юридических лиц возникает в момент государственной регистрации и прекращается с ликвидацией). Однако в научной литературе существует точка зрения, согласно которой наследственная правоспособность имеется и у nascитуров¹, то есть возникает у физического лица еще до рождения. Так, Н. Ф. Гасанов отмечает, что наследственная правоспособность возникает в момент зачатия, а рождение ребенка живым после открытия наследства – лишь условие реализации права на наследство². К. Ю. Бахмуткина считает, что возможность иметь право наследования зачатого, но еще не родившегося ребенка представляет собой «спящую» возможность являться правопреемником, равнозначную праву любого другого правопреемника. Рождение же автор также считает условием реализации права наследования³. Полагаем, что корректнее говорить об «условной» наследственной правоспособности nascитуров. В подтверждение данной точки зрения Р. А. Барков отмечает, что в данном случае «закон гарантирует охрану будущих прав человека, возникновение которых у него возможно лишь в случае рождения живым»⁴.

Также в литературе отмечается, что в некоторых случаях лицо может быть лишено наследственной правоспособности или, наоборот, приобрести ее, например, в ситуациях, когда «наследодатель не упоминает наследника из числа наследников по закону в своем завещании» либо, напротив, включает в

¹ См.: Гасанов Н. Ф. Указ. соч. С. 78.

² Там же.

³ См.: Бахмуткина К. Ю. Указ. соч. С. 30.

⁴ Барков Р. А. Пассивная завещательная правоспособность зачатого, но не родившегося ребенка в РФ и государствах – участниках СНГ: сравнительно-правовая характеристика // Вестн. ТвГУ. Сер. Право. 2012. № 31. С. 287.

завещание лицо, не являющееся наследником по закону¹. Считаем, что данная позиция является теоретически некорректной, поскольку наследственная правоспособность существует у каждого лица на протяжении всей жизни. В указанных же случаях лицо либо теряет, либо приобретает возможность реализовать свою способность к правопреемству посредством вступления в наследственное правоотношение в качестве наследника (правопреемника). На этом же основании неверна встречающаяся в литературе позиция, что правоспособности лишается и недостойный наследник²: он лишается лишь возможности реализовать рассматриваемую способность в конкретной ситуации.

Что касается наследственной дееспособности как способности своими действиями приобретать наследственные права и обязанности, то стоит отметить следующее. Необходимо выделять два способа приобретения наследственных прав и обязанностей: активный (когда способность реализуется лицом как наследодателем (правопредшественником), в частности, путем составления завещания – завещательная способность) и пассивный (когда способность реализуется лицом как наследником (правопреемником) посредством принятия наследства или отказа от него).

Реализация способности к правопреемству при наследовании путем составления завещания (активным способом) согласно действующему законодательству возможна только лицами, обладающими дееспособностью в полном объеме (ч. 2 ст. 1118 ГК РФ). Однако в науке ведутся дискуссии о возможности совершения завещания ранее возникновения дееспособности в полном объеме. Анализ литературы позволяет выделить три точки зрения по данному вопросу:

1) совершение завещания возможно только при условии обладания лицом дееспособностью в полном объеме³;

¹ См.: Гасанов Н. Ф. Указ. соч. С. 78.

² См.: Указ. соч. С. 32.

³ См.: Чепига Т. Д. Указ. соч. С. 39; Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 2003. С. 117–118.

2) необходимо предоставить возможность совершения завещания несовершеннолетними, достигшими возраста 16 лет¹;

3) следует установить возможность совершения завещания несовершеннолетними, достигшими возраста 14 лет².

Представляется, что наиболее целесообразной является последняя точка зрения, поскольку с этого возраста закон наделяет несовершеннолетних частичной дееспособностью, позволяя им самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами (абз. 2, ч. 2 ст. 26 ГК РФ). Данной категории лиц следует предоставить и возможность распоряжаться указанными средствами (а также имуществом, приобретенным за счет этих средств) посредством совершения завещания (причем без согласия законных представителей).

В литературе отмечается, что «отнесение отчима, мачехи... к наследникам седьмой очереди не соответствует принципу социальной справедливости»³. Соглашаясь с данной точкой зрения, добавим, что предоставление несовершеннолетним в возрасте от 14 лет права совершения завещания позволит решить этот вопрос. То же самое можно сказать и применительно к опекунам несовершеннолетних: несмотря на то, что опекуны не относятся к наследникам по закону, если между ними и несовершеннолетними складываются близкие и доверительные отношения, несовершеннолетние должны иметь право завещать им средства, которыми вправе распоряжаться в соответствии с законом.

¹ См.: Барков Р. А. Активная завещательная правосубъектность граждан России и государств – участников Содружества Независимых Государств: вопросы законодательства, теории и практики // Наследств. право. 2012. № 3. С. 39; Цветков В. А. Защита прав несовершеннолетних в наследственных правоотношениях // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. 2009. № 2 (19). С. 62.

² См.: Гасанов Н. Ф. Указ. соч. С. 79; Кондратьева А. Ю. Завещательная правосубъектность // Науч. ведомости. 2009. № 8 (63). С. 117; Рабец А. М. Еще раз о наследственной правосубъектности несовершеннолетних в Российской Федерации // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. 2015. № 1 (42). С. 117–118.

³ См.: Казанцева А. Е. Защита прав несовершеннолетних и недееспособных наследников // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. 2016. № 4 (49). С. 97.

Не следует опасаться злоупотребления несовершеннолетним правом совершения завещания, так как норма, закрепленная в ч. 4 ст. 26 ГК РФ предоставляет родителям, усыновителям или попечителям либо органам опеки и попечительства ограничить или лишить несовершеннолетнего в возрасте от 14 до 18 лет права самостоятельно распоряжаться своими заработком, стипендией или иными доходами при наличии достаточных оснований по решению суда.

Напротив, думается, что не следует предоставлять права совершения завещания ограниченно дееспособным лицам. За предоставление такой возможности выступает Р. А. Барков¹. Исследователь указывает при этом на необходимость одобрения действий ограниченно дееспособных лиц попечителями², что не согласуется прежде всего с положениями о свободе завещания. Лицо может быть ограничено судом в дееспособности лишь по особым основаниям (ст. 30 ГК РФ). При предоставлении гражданам, которые вследствие пристрастия к азартным играм, злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами ставят свою семью в тяжелое материальное положение, права совершать завещание велика вероятность еще большего ухудшения материального положения таких семей (в случаях желаня ограниченных в дееспособности лиц лишить наследства членов своей семьи, по инициативе которых это лицо и было признано ограниченно дееспособным). К тому же закон прямо запрещает таким лицам самостоятельно распоряжаться своими доходами, предоставляя право получать и расходовать заработок, пенсию и иные доходы гражданина, ограниченного судом в дееспособности, попечителю в интересах подопечного (абз. 3 ч. 1 ст. 30 ГК РФ). Другая же категория лиц, которые могут быть признаны ограниченно дееспособными, несмотря на возможность самостоятельно распоряжаться своими доходами, в силу наличия

¹ См.: Барков Р. А. Активная завещательная правосубъектность граждан России и государств – участников Содружества Независимых Государств... С. 41.

² См.: Там же. С. 44.

психического расстройства, вследствие которого они могут понимать значение своих действий или руководить ими лишь при помощи других лиц, не обладают юридически значимой волей для совершения завещания. Восполнение же отсутствующей воли таких лиц волей их законных представителей, по нашему мнению, невозможно при совершении завещания, поскольку эта сделка носит личный характер.

Возможность самостоятельно реализовать способность к правопреемству при наследовании пассивным способом возникает у физического лица с момента обретения им полной дееспособности (ст. 21, 27 ГК РФ). Так как призываться к наследованию может более широкий круг лиц (согласно ст. 1116 ГК РФ – все граждане, находящиеся в живых в момент открытия наследства, а также зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства), то недостающая дееспособность недееспособных, ограниченно дееспособных лиц при реализации способности к наследованию пассивным способом восполняется их законными представителями.

Отметим также, что отказополучателей нельзя относить к субъектам правоотношения правопреемства, «поскольку их право основывается не на самом завещании, а на факте вступления наследника в наследство»¹. Отказополучатель, наряду с наследником, на которого возложен завещательный отказ, является субъектом правоотношения, складывающегося по поводу исполнения данного завещательного отказа. Ссылаясь на положение Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9² о том, что иные лица, приобретающие наследство, в частности отказополучатели, не несут ответственности по обязательствам наследодателя, Е. В. Цыпляева указывает, что

¹ Цыпляева Е. В. К вопросу о правопреемстве в наследственных правоотношениях // Вестн. ЮУрГУ. 2015. № 1. С. 48.

² О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Рос. газ. 2012. № 127.

«данные субъекты исключаются из круга наследников, их обязательства самостоятельны, а процесс приобретения имущества не является наследственным правопреемством»¹.

Также в науке спорным является вопрос о субъектах права на «лежащее» имущество. Так, Т. Д. Чепига выделяет две позиции ученых по данному вопросу. Одни признают «лежащее» наследство бессубъектным имуществом. Другие же отрицают признаки «res nullius» применительно к «лежащему» наследству, поскольку «само субъективное право на наследование возникает у определенных лиц, и последующее принятие наследства является лишь осуществлением наследственного права»². При этом «субъекты правопреемства (при наследовании) до момента полного принятия наследства остаются альтернативно-определенными лицами»³.

Полагаем, что наиболее приемлемой является вторая позиция. В результате принятия наследства или отказа от него правопреемники, осуществляя свою способность к правопреемству, становятся однозначно определенными. Учитывая это, нельзя говорить о бессубъектности «лежащего» имущества. Однако уточним, что субъект правопреемства в рассматриваемой ситуации известен изначально: как идеальная категория – это правопреемник. Следовательно, альтернативно-определенными являются именно лица, которые могут занять место этого субъекта рассматриваемого правоотношения.

Спорным является вопрос и о том, кто выступает на стороне правопреемника при совмещенной реорганизации. С 2014 года в ГК РФ закреплено положение, согласно которому допускается реорганизация юридического лица с одновременным сочетанием различных ее форм (ч. 1 ст. 57 ГК РФ). Тем не менее остается неясной правовая природа юридического лица, возникающего

¹ Цыпляева Е. В. Указ. соч. С. 48.

² Чепига Т. Д. Наследственное правопреемство: некоторые проблемы и решения // Цивилист. 2009. № 3. С. 60–61.

³ Чепига Т. Д. Наследственное правопреемство: некоторые проблемы и решения. С. 61–62.

на промежуточном этапе совмещенной реорганизации, а также возникает вопрос, является ли данное юридическое лицо правопреемником реорганизуемого юридического лица. Согласимся с мнением Т. А. Нуждина, считающего юридическое лицо, возникающее в процессе совмещенной реорганизации, юридической фикцией¹. Следовательно, правопреемником оно быть не может. Как отмечает А. В. Качалова, «проведение совмещенной реорганизации не нарушает один из основополагающих принципов реорганизации – принцип определенности правопреемника реорганизованного юридического лица, поскольку в этот момент процесс реорганизации еще не считается завершенным»².

На практике возникают ситуации, когда налоговые органы предлагают заявителям провести две отдельные процедуры реорганизации, то есть разделить совмещенную реорганизацию на два независимых процесса³. Полагаем, такое требование некорректно, поскольку воля реорганизуемого юридического лица не направлена на создание юридического лица, возникающего на промежуточном этапе совмещенной реорганизации, и, как следствие, получение им статуса правопреемника. К тому же теряется смысл конструкции совмещенной реорганизации, предполагающей одновременное сочетание различных форм реорганизации, а не ее осуществление в два последовательных (не одновременно осуществляемых) этапа.

Таким образом, полагаем, что верной является позиция, согласно которой субъекты реорганизации, в том числе и совмещенной, – реорганизуемое юридическое лицо (правопреемник) и юридическое лицо, зарегистрированное при окончании процесса реорганизации (правопреемник).

¹ См.: Нуждин Т. А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций. М., 2017. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² Качалова А. В. Новое в правовом регулировании реорганизации корпораций на примере хозяйственных обществ // Вектор развития юридической науки. Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 10. С. 102.

³ См.: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 марта 2016 г. № Ф09-11270/15.

Вопрос об объекте правоотношения правопреемства необходимо рассматривать неотрывно от более общего вопроса об объекте гражданского права и гражданского правоотношения, а также об объектах гражданского оборота.

В. А. Белов утверждает, что объекты гражданского оборота – это права и обязанности¹. Исследователь пишет: «Объектами гражданского оборота (во всяком смысле этого понятия) оказываются не сами объекты гражданских правоотношений, а субъективные гражданские права, в том числе на нематериальные объекты (исключительные и некоторые личные права), а также права, вовсе не имеющие объектов (некоторые обязательственные и некоторые корпоративные права). Сфера гражданского оборота – это сфера оборота субъективных гражданских (частных) прав, а не их объектов имущественного происхождения»². Автор говорит о том, что «объекты гражданского оборота суть сами гражданские правоотношения, в первую очередь – их активная составляющая (субъективные права)»³.

Однако В. А. Белов, относя к элементам гражданского оборота акты купли-продажи или мены, одновременно ставит под вопрос возможность включения в гражданский оборот случаи дарения, уступки исключительных и обязательственных прав, предоставления лицензий (разрешений) на использование результатов интеллектуальной деятельности, средств индивидуализации, имени и псевдонима физического лица⁴. Полемизируя с В. А. Беловым по этому вопросу, Л. В. Криволапова указывает, что «поскольку объектом гражданского оборота является имущество в широком понимании, то любое юридически значимое действие, основанное на нормах гражданского права, совершаемое в отношении имущества, будет происходить в рамках гражданского

¹ См.: Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 23.

² Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота... С. 55.

³ Там же.

⁴ См.: Там же.

оборота; а следовательно, любая гражданско-правовая сделка, влекущая обременение имущества новыми правами либо связанная с переходом прав на имущество или с переходом самого имущества от одного лица к другому, автоматически включается в круг отношений, составляющих гражданский оборот»¹.

Е. А. Суханов определяет гражданский оборот как динамику имущественных правоотношений, то есть как «переход вещей и иных объектов гражданских правоотношений от одних участников (субъектов) к другим»². Данная позиция соответствует законодательству, а именно положению ч. 1 ст. 129 ГК РФ, предусматривающему возможность отчуждения или перехода именно для объектов гражданских прав.

Вместе с тем согласимся с точкой зрения В. А. Белова на гражданский оборот как на оборот субъективных прав. «Традиционно в юридическое понятие гражданского оборота включают только... правоотношения, отражающие динамику субъективных гражданских прав»³. Динамика же гражданских правоотношений проявляется в процессе правопреемства. Поэтому, как представляется, гражданский оборот состоит из совокупности результатов реализации способностей к правопреемству. Однако это не означает, что его объектами являются переходящие в порядке правопреемства субъективные права.

При этом В. А. Белов утверждает, что «имущественные права вообще не являются объектами гражданских прав, а значит, не обладают таким важным качеством, как оборотоспособность, т. е. не могут переходить от одного их обладателя к другому»⁴. Рассматривая гражданский оборот как оборот субъективных прав, В. А. Белов исключает из него имущественные права, полагая, что они необоротоспособны.

¹ Криволапова Л. В. Правовая специфика гражданского оборота // Вестн. Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2012. № 6 (38). С. 246.

² Российское гражданское право. Т. 1. С. 492.

³ Криволапова Л. В. Указ. соч. С.245.

⁴ Белов В. А. Правопреемство в связи с законодательной концепцией квалификации имущественных прав как объектов гражданских прав // Законодательство. 1998. № 6. С. 85.

Данная точка зрения основана, как представляется, на смешении понятий «объект гражданского права» и «объект гражданского оборота». Определив, что объектами гражданского оборота являются субъективные права и обязанности, а любое имущественное право прежде всего есть субъективное право какого-либо лица, невозможно отрицать его оборотоспособность. Вопрос здесь в том, действительно ли следует относить имущественные права к объектам гражданских прав.

В. А. Белов отмечает, что этот вопрос сводится к следующему: «составляют ли субъективные права и юридические обязанности содержание правового отношения или занимают в нем какое-то иное место»¹. Исследователь придерживается точки зрения, согласно которой «субъективные права и юридические обязанности не могут быть объектами иных субъективных прав и обязанностей»². Обосновывая свою позицию, автор утверждает, что рассмотрение имущественных прав в качестве объектов гражданских прав бессмысленно, так как «все правомочия, которые могли бы образовать состав „права на право“, всегда входят во всякое субъективное право»³.

Интерес представляет позиция А. В. Пушкиной, которая, толкуя норму ст. 128 ГК РФ, отмечает, что «в юридическом смысле имущественное право – это разновидность субъективного права, и объектом права оно быть не может. В экономическом же смысле имущественное право – это разновидность имущества, и оно вполне может выступать как объект права». Затем автор делает вывод, что имущественное право по смыслу ст. 128 ГК РФ – юридическая фикция «объекта права, которым в действительности будет объект самого имущественного права, т. е. для права требования – действия должника»⁴.

Как отмечает О. М. Родионова, «деятельностное понимание объектов гражданских прав ставит под сомнение отнесение к ним имущественных

¹ Там же. С. 83.

² Белов В. А. Правопреемство в связи с законодательной концепцией квалификации имущественных прав как объектов гражданских прав. С. 84.

³ Там же. С. 85.

⁴ Пушкина А. В. Уступка требования как форма правопреемства в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 13.

прав. Несмотря на поддержку законодателя (ст. 128 ГК РФ), его давно активно критикуют ученые, поскольку оно порождает, по сути, дуализм объектов в гражданском праве»¹.

Действительно, вызывает сомнение необходимость включения прав и обязанностей в число объектов гражданских прав, а легальное закрепление за ними оборотоспособности требует толкования.

Неоднозначны позиции исследователей и по поводу того, что является объектом правоотношения. В. А. Белов утверждает, что «объекты гражданских правоотношений суть любые функционально годные для этой роли субстанции, исключая субъектов и содержание правоотношений, а также юридические факты»². По его мнению, объекты гражданско-правовых отношений – это те же объекты гражданских прав, за исключением имущественных прав, которые, являясь субъективными правами, представляют собой содержание правоотношения, т. е. вещи.

В результате своих размышлений В. А. Белов приходит к выводу о том, что существование безобъектных правоотношений «следует считать абсолютно нормальным и естественным положением вещей»³. Такая позиция противоречит в принципе общепринятой точке зрения на структуру правоотношения. «Объект является необходимым элементом гражданских правоотношений; безобъектные гражданские правоотношения невозможны»⁴.

О. С. Иоффе выделяет в правоотношении три объекта: волевой, юридический и материальный. Юридический объект – это «определенное поведение обязанного лица». Если же в обязательстве «оба участника выступают в качестве кредиторов и должников одновременно, налицо два юридических объекта – действия каждого участника, совершаемые ими при выполнении функции должника». Материальный же объект может быть в правоотношении один (в

¹ Родионова О. М. Указ. соч. С. 301.

² Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота... С. 55.

³ Там же. С. 37.

⁴ Родионова О. М. Указ. соч. С. 295.

том числе и при наличии двух юридических объектов), два (в любом случае при наличии двух юридических объектов) и вообще отсутствовать¹. Выделение волевого объекта, как будет обосновано далее, излишне, хотя, безусловно, имеет существенное значение. Что касается утверждения о существовании в правоотношении юридического и материального объекта, необходимо отметить следующее. Такая позиция приводит к мысли о множественности объектов в правоотношении. Однако, по нашему мнению, объект правоотношения всегда один, при этом, можно сказать, он имеет две стороны: юридическую и материальную. Их содержание вполне соответствует сущности юридического и материального объектов, выделенных О. С. Иоффе. Данная позиция соответствует и поддерживаемому нами взгляду на правоотношение как на единство идеологической и материальной формы.

Следует согласиться с позицией, согласно которой «объект гражданских правоотношений – это мыслительное (идеальное) отражение реальной деятельности субъектов гражданского права». В то же время такая деятельность «имеет свой объект (предмет): материальные и нематериальные блага»².

Следовательно, объект правоотношения имеет два аспекта: как идеологическая категория он представляет собой не какой-либо овеществленный предмет, а представление о деятельности, которая в свою очередь предметна, что отражает материальный, фактический аспект объекта, но не его юридическую суть. В правоотношении правопреемства объект – это представление о направленной на замену лица в правоотношении деятельности, важность которой (при последующем воплощении в жизнь) определяется ее юридически значимым волевым характером, выражающимся в совершении сделок. При этом происходящее в реальности волеизъявление в рассматриваемом случае представляет собой реализацию лицом способности к правопреемству как права общего типа, аналогичного по своей структуре субъективному праву, последствием чего является изменение в субъектном составе конкретного

¹ См.: Иоффе О. С. Указ. соч. С. 13–14.

² Родионова О. М. Указ. соч. С. 294.

вещного правоотношения. Его возникновение влечет уже совершенное волеизъявление, которое приобретает (в зависимости от соответствия закону) значение юридического факта (действительной или недействительной сделки).

Содержанием правоотношения правопреемства, как и любого другого правоотношения, являются субъективные права и обязанности.

Н. И. Матузов, проводя анализ точек зрения на место субъективных прав, выделяет два основных подхода, сложившихся в науке. Сторонники первого из них относят субъективные права к содержанию исключительно конкретных правоотношений. Если же какое-либо субъективное право не укладывается в рамки такого правоотношения, то оно «обычно не рассматривается как субъективное, а то и вообще как право, а лишь как правоспособность или, что одно и то же, „элемент” правоспособности». Представители второго подхода полагают, что субъективные права не являются элементом правоотношения и существуют вне его. Сам исследователь приходит к справедливому выводу о том, что рассматривать место субъективных прав необходимо более широко. Он отмечает, что «далеко не все субъективные права могут и должны находиться в составе конкретных правоотношений». В то же время правоотношения общего характера «охватывают все субъективные права»¹, т. е. исследователь отрицает возможность существования субъективных прав вне всяких правоотношений. Вопрос лишь в том, содержание правоотношений какого типа они составляют.

Субъективные права и обязанности, составляющие содержание общих правоотношений, можно назвать общими. Данное обозначение достаточно условно, поскольку они в любом случае принадлежат каждому конкретному лицу. Как отмечает С. С. Алексеев, «общее субъективное право потому и является субъективным, что имеет личный характер, т. е. принадлежит не только всем субъектам, но и каждому субъекту в отдельности. Точно так же наличие

¹ См.: Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1964. С. 8–9.

общих обязанностей означает, что каждое лицо находится в специфическом положении ко всем другим лицам»¹.

Сущность обязанностей общего типа, которые в общих правоотношениях корреспондируют правоспособности как праву общего типа, Т. С. Яценко описывает следующим образом: она «заключается в необходимости воздерживаться от общественно вредных действий; это обязанность каждого субъекта гражданского права не нарушать положений законодательства, уважать правила общежития и морали, не осуществлять субъективные гражданские права в противоречии с их назначением»². А. С. Ворожевич также отмечала, что «подобная обязанность входит в содержание общерегулятивного отношения: приобретая гражданскую правоспособность как субъективное право общего типа, лицо вместе с тем принимает на себя и общие обязанности перед государством»³.

Общее субъективное право в правоотношении правопреемства общего характера заключается в способности к правопреемству, т. е. потенциальной возможности стать правопреемником или правопреемником в конкретном правоотношении. Общая субъективная обязанность в таком случае не препятствовать осуществлению каждым лицом такой своей способности.

Особенностями обладает и ответственность за нарушение прав при правопреемстве. Способность к правопреемству как право общего типа, аналогичное по своей структуре субъективному праву⁴, включает в том числе и право-

¹ Алексеев С. С. Указ. соч. Т. 2. С. 68.

² Яценко Т. С. Гражданско-правовая защита публичных интересов : монография. М., 2016. С. 39.

³ Ворожевич А. С. Правовая охрана изобретений и полезных моделей : учебное пособие для магистров. М., 2017. С. 72.

⁴ С. А. Сеницын пишет: «Правоспособность должна быть воспринята не в контексте понятия субъективного гражданского права или конкретного вида последнего, а только как необходимое и базовое условие для возникновения любого субъективного права – как устойчивая правовая связь между лицом и порядком, взаимность которой обеспечивает приобретение первым статуса субъекта права и причитающимся ему в этом статусе правовых гарантий, а вторым адресата властных велений, обязанностей и правонаделений, выраженных в нормах объективного права». Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 45.

мочие на защиту. Так, например, законом установлена возможность обращения лица, права или законные интересы которого нарушены завещанием, в суд с иском о признании этого завещания недействительным (ч. 2 ст. 1131 ГК РФ). Такая ситуация может возникнуть, в частности, в случае непризвания к наследованию лица, обладающего правом на обязательную долю в наследстве. Еще один пример: право участника долевой собственности при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя (ч. 3 ст. 250 ГК РФ).

Вместе с тем, поскольку правопреемство как правоотношение общего типа является элементом правоспособности лица, то речь здесь может идти и о защите правоспособности в целом, которая обладает некоторой спецификой. Так, О. М. Родионова относит к охранительным правомочиям, в рамках которых осуществляется такая защита, «требования о признании права; признании оспоримой сделки недействительной и применении последствий ее недействительности; применении последствий недействительности ничтожной сделки; признании недействительным решения собрания; признании недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления; неприменение судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону; прекращение или изменение правоотношения и др.». При этом она отмечает, что «указанные способы защиты определены нормами гражданского права императивно и реализуются только в рамках юрисдикционной формы»¹.

О. М. Родионова обозначает гражданско-правовую ответственность как обязанность общего типа², которой «должно соответствовать право (способность) на привлечение к ответственности», представляющее собой «право общего типа». По ее мнению, «способность привлечения к ответственности имеет значение, аналогичное правомочию защиты в рамках субъективных

¹ Родионова О. М. Указ. соч. С. 408–409.

² Там же. С. 418–419.

гражданских прав, и соответственно может быть обозначено в качестве правомочия на защиту общего типа»¹. Такому правомочию корреспондируют меры гражданско-правовой ответственности. «В качестве основных мер гражданско-правовой ответственности выступают восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, поскольку определены максимально обобщенно и потому способны обеспечить осуществление гражданской правосубъектности в различных конфликтных ситуациях»².

Таким образом, полагаем, что способность к правопреемству может быть защищена как посредством реализации правомочия на защиту, входящего в состав права общего типа (способности к правопреемству), аналогичного по своей структуре субъективному праву, так и с помощью реализации правомочия на защиту общего типа.

При осуществлении способности к правопреемству у правопреемника после выражения его воли передать свои права другому лицу, возникает, по общему правилу, субъективная обязанность не препятствовать вступлению его в правоотношение. В частности, в п. 2 ст. 390 ГК РФ в качестве одного из условий цессии обозначено то, что cedent не совершал и не будет совершать никакие действия, которые могут служить основанием для возражений должника против уступленного требования.

В свою очередь у правопреемника возникает соответствующее субъективное право, включающее правомочие требования к правопреемнику воздержания от совершения противоправных действий и правомочие на защиту в том случае, если они все же были совершены.

В ситуациях, когда права передаются возмездно, у правопреемника возникает обязанность произвести оплату, а у правопреемника появляется соответствующее право требования. Однако такое обязательство лишь опосредует процесс реализации способности к правопреемству, то есть порождает

¹ Там же. С. 419–420.

² Там же. С. 427.

относительные правоотношения при реализации абсолютных правоотношений правопреемства.

Следует оговориться, что в ситуациях наследственного правопреемства складываются два правоотношения, поскольку вступление правопреемника (наследника) в правоотношение становится возможным только после смерти правопредшественника – наследодателя, поэтому он взаимодействует не с наследником, а с неограниченным кругом лиц, для которых в законе предусматривается запрет препятствования ему в совершении завещания. И наследник в свою очередь также оказывается в правоотношении с неограниченным кругом лиц, которые обязаны не препятствовать его вступлению в наследство. При этом наследственное правопреемство не совершится без совокупности действий, определяемых в качестве юридических актов прежде всего в рамках реализации способности к совершению завещания наследодателем и принятию наследства наследником. В связи с этим рассматриваемое правопреемство может быть квалифицировано лишь как система правоотношений общего типа и юридических фактов, а в более широком смысле (при включении в нее положений наследственного права) – в качестве основы механизма правового регулирования наследственных отношений.

Такое широкое определение наследственного правопреемства позволяет утверждать, что любое правопреемство не сводится к правоотношению, но включает и юридические факты, и нормы права, образуя основу механизма правового регулирования отдельных отношений.

Таким образом, процесс правопреемства в зависимости от хода реализации способности к правопреемству проходит в несколько стадий. На начальной стадии лицами, намеревающимися вступить в отношения, связанные с правопреемством, фактически констатируется, что они обладают соответствующей способностью, относящейся к сфере их правоспособности, и отсутствуют какие-либо препятствия для ее реализации. Способность к правопреемству на этой стадии является лишь абстрактной. Конкретной она становится

при реализации ее правопродшественником и правопреемником, когда последний заменяет правопродшественника в правоотношении. Однако представляется, что следует выделять еще одну – промежуточную – стадию. Это такое состояние субъектов правопреемства, когда их способность к правопреемству становится более конкретизированной (но еще не конкретной), оставаясь в сфере правоспособности.

Данная позиция опирается на концепцию динамической правоспособности М. М. Агаркова и взгляды развивавшего эту концепцию В. А. Белова. Так, М. М. Агарков писал: «Неправильно представлять себе правоспособность статически и думать, что в любой момент лицо может оказаться субъектом любого гражданского правоотношения. ...Гражданская правоспособность для каждого данного лица в каждый определенный момент означает возможность иметь определенные конкретные права и обязанности в зависимости от его взаимоотношений с другими лицами»¹.

В. А. Белов в этом контексте разделяет правоспособность на две составляющие: статическую и динамическую. Первая одинакова и постоянна для всех субъектов, вторая – индивидуальна и непрерывно изменяется для каждого субъекта. В соответствии с этим автор разграничивает возможности (элементы правоспособности) на абстрактные (статические) и конкретизированные (динамические), т. е. гражданская правоспособность складывается из статической составляющей, которую образуют возможности иметь права вообще, права определенных типов, и динамической составляющей, которую образуют возможности иметь определенные (конкретные) субъективные гражданские права. При этом складывается следующая цепочка: статические возможности (наиболее абстрактные) отсылают к возможностям динамическим (более конкретизированным), а последние – к конкретным правам и обязанностям².

¹ Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. М., 1940. С. 71–72.

² См.: Белов В. А. Частное право. Материалы для изучения : учебное пособие для вузов : в 3 т. Т. 1 : Общая часть. Проблемы учения об абсолютных правах. М., 2019. 738 с. URL: <https://>

В. А. Белов говорит, что динамические (конкретизированные) возможности «характеризуют правовой статус или юридическое состояние конкретного лица в конкретный момент времени». Правовой статус «складывается не из всяких вообще юридически защищенных возможностей и долженствований, а лишь из тех, которые могут быть названы субъективными правами и юридическими обязанностями»¹.

В. А. Дозорцев также выделял категорию, занимающую промежуточное положение между абстрактной правоспособностью и субъективным правом. Автор определял данную категорию как «конкретная правоспособность»².

В. П. Емельянцев указывает: «Учитывая, что способность к приобретению наше законодательство не определяет для всех лиц одинаково, то общей правоспособности недостаточно; нужно, чтобы лицо было способно к приобретению именно данного права»³.

Для правоспособности (как права общего типа) необходимо определить ее пределы, которыми обладает любое право, как мера дозволенного поведения. К таким пределам, наряду с существованием самого субъекта, правопорядка, следует относить дееспособность.

Данная позиция находит поддержку в научной литературе. А. Я. Рыженков, отрицая необходимость выделения категории «правоспособность», отмечает, что «объем подлинно доступных индивиду гражданских прав всецело определяется границами его дееспособности»⁴. О. А. Красавчиков указывал, что дееспособность «служит критерием, мерой, определяющей

[//studme.org/338474/pravo/chastnoe_pravo_materialy_dlya_izucheniya_v_3_t_tom_1_obschaya_chast_problemy_ucheniya_ob_absolyutnyh_prava](http://studme.org/338474/pravo/chastnoe_pravo_materialy_dlya_izucheniya_v_3_t_tom_1_obschaya_chast_problemy_ucheniya_ob_absolyutnyh_prava). – Загл. с экрана.

¹ Там же.

² Дозорцев В. А. Права государственного промышленного предприятия на закрепленное за ним имущество : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955. С. 16.

³ Емельянцев В. П. Универсальное правопреемство в гражданском праве. М., 2010. С. 57.

⁴ Рыженков А. Я. Основания гражданской правосубъектности: теоретико-философский аспект // Вестник Калмыцкого университета. 2017. № 35 (3). С. 143.

способность лица к совершению действий по осуществлению правоспособности»¹; «отсутствие дееспособности или ее наличие в ограниченном объеме не тождественно отсутствию (ограничению) правоспособности, которое означает невозможность приобретения прав вообще (частично)»².

Указанные способности, входящие в состав правоспособности, могут быть реализованы гражданами (на конкретной стадии) в пределах их дееспособности в зависимости от ее объема (полная, частичная, ограниченная).

При правопреемстве в вещных правоотношениях способность к правопреемству становится конкретизированной, когда правопредшественник по крайней мере имеет вещь на праве, предполагающем возможность распоряжаться ею, а правопреемник имеет возможность и интерес в ее приобретении (получении), то есть в замене правопредшественника в соответствующем вещном правоотношении, предметом которого является данная вещь (при условии наличия у данных лиц необходимого объема дееспособности либо возможности восполнения недостающей (или полностью отсутствующей) дееспособности действиями других лиц). Тем не менее в каждой ситуации юридическое состояние правопредшественника и правопреемника может быть различным.

Так, например, юридическое состояние потенциальных правопредшественника и правопреемника будет отличаться при продаже доли в праве общей собственности на недвижимость, находящуюся в долевой собственности, и недвижимости, находящейся в собственности только правопредшественника. В первом случае возможность реализации способности к правопреемству потенциальными субъектами правопреемства будет ограничена правом преимущественной покупки остальных участников долевой собственности. Так, способность правопредшественника ограничена обязанностью известить других участников долевой собственности о намерении продать свою долю постороннему лицу, а потенциальному правопреемнику (не из числа других

¹ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958. С. 38.

² Там же. С. 43.

участников долевой собственности) для реализации способности к правопреемству необходимо дождаться отказа всех участников долевой собственности от реализации преимущественного права покупки продаваемой доли. При продаже же недвижимости, находящейся в собственности только у правопреемника, субъекты правопреемства свободны в реализации своей способности, важно лишь наличие у правопреемника соответствующей вещи на праве, предполагающем возможность распоряжения, а у правопреемника – возможности приобретения и интереса к ней.

При наследовании юридическое состояние потенциальных субъектов правопреемства также будет отличаться в разных ситуациях. Для потенциальных наследодателей способность к правопреемству становится конкретизированной при составлении завещания, совместного завещания супругов, заключении наследственного договора или учреждении наследственного фонда. При этом собственник имущества (потенциальный наследодатель) имеет возможность завещать свое имущество одному или нескольким наследникам, подназначить наследника, определить их доли в наследстве, лишить кого-либо из наследников по закону наследства, установить завещательный отказ, завещательное возложение, определить порядок управления имуществом на случай смерти (при создании наследственного фонда), а при заключении наследственного договора также указать условие о душеприказчике и возложить на участвующих в наследственном договоре лиц, которые могут призываться к наследованию, обязанность совершить какие-либо не противоречащие закону действия имущественного или неимущественного характера.

После составления завещания у завещателя возникают иные конкретизированные возможности: сохранить завещание в силе до момента смерти, изменить его или отменить. После заключения наследственного договора возникают такие конкретизированные возможности, как изменение или расторжение наследственного договора, совершение потенциальным наследодателем одностороннего отказа от него (при соблюдении условий, закрепленных в ст. 1140.1 ГК РФ).

Способность к правопреемству для потенциальных наследников становится конкретизированной при наступлении юридического факта – смерти наследодателя. Как наследники по закону, так и наследники по завещанию и наследственному договору имеют следующие возможности: принять или не принять наследство, отказаться от него (в том числе в пользу других лиц, за исключением случаев наследования по наследственному договору), оспорить завещание или наследственный договор (при наследовании по завещанию и наследственному договору). Возможность реализации способности к правопреемству потенциальных наследников ограничивается правом на обязательную долю в наследстве отдельных участников наследственного правопреемства.

Недостойные наследники, сохраняя свою абстрактную способность к правопреемству, при признании их недостойными лишаются именно рассматриваемой конкретизированной способности к правопреемству и не имеют возможности принять/не принять или отказаться от наследства умершего конкретного наследодателя.

Отличается и юридическое состояние потенциального наследника, обладающего правом на обязательную долю в наследстве и являющегося одновременно выгодоприобретателем наследственного фонда. Такое лицо имеет следующие возможности: стать выгодоприобретателем наследственного фонда и утратить право на обязательную долю либо отказаться от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда и получить обязательную долю.

Юридическое состояние отказополучателя предусматривает возможности получить завещательный отказ или отказаться от его получения, но не в пользу других лиц. При этом такие возможности существуют одновременно с возможностями данного отказополучателя как наследника.

Юридическое состояние сонаследников также будет отличаться, если в состав наследства входят неделимая вещь и предметы обычной домашней об-

становки и обихода. Это связано с тем, что при разделе наследства преимущественным правом на получение в счет своей наследственной доли будут обладать:

- наследник, обладавший совместно с наследодателем правом общей собственности на неделимую вещь, в отношении этой вещи (если другие наследники ранее не являлись участниками общей собственности, независимо от того, пользовались они этой вещью или нет);

- наследник, постоянно пользовавшийся неделимой вещью, в отношении этой вещи (если другие наследники не пользовались этой вещью и не являлись ранее участниками общей собственности на нее);

- наследники, проживавшие в жилом помещении ко дню открытия наследства и не имеющие иного жилого помещения, в отношении жилого помещения, раздел которого в натуре невозможен (если другие наследники не являются собственниками такого жилого помещения);

- наследник, проживавший на день открытия наследства совместно с наследодателем, в отношении предметов обычной домашней обстановки и обихода.

После реализации потенциальными субъектами правопреемства рассмотренных возможностей, входящих в состав конкретизированной способности к правопреемству, эти лица становятся субъектами уже конкретных вещных правоотношений и наступает завершающая стадия процесса правопреемства – замена правопреемником правопреемника в таком правоотношении.

Особенностями обладают и способы защиты конкретизированной способности к правопреемству. Так, при продаже доли с нарушением преимущественного права покупки любой другой участник долевой собственности имеет право в течение трех месяцев требовать в судебном порядке перевода на него прав и обязанностей покупателя (ч. 3 ст. 250 ГК РФ). Как указывает П. В. Крашенинников, «в этом случае преимущественное право покупки со-

стоит не в аннулировании продажи, а во вступлении в этот действующий договор на стороне покупателя»¹. Управомоченное лицо не имеет права на удовлетворение иска о признании сделки недействительной, поскольку гражданским законодательством предусмотрены иные последствия нарушения² (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г.). Е. А. Суханов отмечает, что такая юридическая конструкция, как перевод прав и обязанностей покупателя, представляет собой «разновидность более общей категории гражданского права, известной под названием «платеж с вступлением в права кредитора»³.

Что касается нарушения конкретизированной способности к правопреемству наследников, можно выделить следующие способы защиты, указываемые исследователями. С. Г. Лиджиева относит к способам восстановления наследственных прав «признание завещания недействительным; признание постановления нотариуса незаконным; восстановление срока для принятия наследства; признание свидетельства о праве на наследство недействительным; признание отказа от наследства недействительным; признание нотариально удостоверенного соглашения о разделе наследства недействительным; признание права на обязательную долю и др.»⁴. Д. Н. Кархалев выделяет такие способы, как «признание наследственного права (например, признание права на обязательную долю); восстановление положения, существовавшего до

¹ Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Высш. арбитраж. Суда РФ № 22 от 29 апр. 2010 г. // Рос. газ. 2010. № 109.

³ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М., 2017. 560 с. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Лиджиева С. Г. Восстановление наследственных прав по российскому гражданскому законодательству // Адвокат. 2016. № 4. С. 52.

нарушения наследственного права; пресечение действий, нарушающих указанное право или создающих угрозу его нарушения; признание завещания недействительным и применение последствий его недействительности...»¹.

Анализ гражданского законодательства и судебной практики его применения позволяет выделить, в частности, следующие способы защиты: восстановление положения, существовавшего до нарушения права²; признание права на обязательную долю в наследстве³; признание права собственности в порядке наследования⁴.

Представляется, что конструкцию перевода прав можно применить и к ситуациям нарушения конкретизированной способности к правопреемству при наследовании. Обратимся к судебной практике. Наследниками по закону первой очереди П. являются его супруга Н., дочь Е., которые отказались от наследства, а также сын М. После смерти гражданина П. его супруга Н. зарегистрировала право собственности на земельный участок и расположенный на нем жилой дом, а затем Н. подарила указанное имущество своей матери – Г., которая зарегистрировала право собственности на него. Т., действуя в интересах несовершеннолетнего М., обратилась в суд с иском к Н. и Г., указав, что Н. не имеет права на получение доли в праве собственности на недвижимое имущество как переживший супруг, поскольку данное имущество не являлось совместной собственностью супругов. В решении Судебной коллегии по гражданским делам Алтайского краевого суда было, в частности, указано следующее: прекратить право собственности Г. на земельный участок и жилой дом; признать за М. право собственности на земельный участок и жилой дом; ис-

¹ Кархалев Д. Н. Способы защиты наследственных прав // Наследств. право. 2013. № 2. С. 35.

² См.: Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24 марта 2020 г. по делу № 88-6767/2020.

³ См.: Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 февраля 2020 г. № 88-535/2020.

⁴ См.: Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 09 июля 2019 г. по делу № 33-6206/2019.

требовать от Г. земельный участок и жилой дом и передать имущество законному представителю несовершеннолетнего М. – Т.¹ То есть можно сказать, что произошел перевод прав на земельный участок и жилой дом с Г. на М. и передача соответствующего имущества.

Тем не менее рассматриваемую юридическую конструкцию невозможно применить к случаям, когда наследник пропустил срок принятия наследства и обращается в суд с требованием восстановить соответствующий срок. К примеру, В. обратился в суд с иском к Д. о восстановлении срока для принятия наследства, признании недействительным свидетельства о праве на наследство и признании права собственности на обязательную долю в наследстве. Требования мотивировал тем, что после смерти Ф. открылось наследство в виде квартиры. В. является родным сыном умершего и единственным наследником по закону первой очереди и независимо от завещания как инвалид с детства имеет право на обязательную долю в наследстве. Однако им был по уважительной причине пропущен установленный законом срок для вступления в наследство. Судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда вынесла решение об удовлетворении иска В. о восстановлении истцу срока для принятия наследства. При этом остальные требования истца не подлежат удовлетворению, поскольку, учитывая, что Д. продал спорную квартиру, требования о признании за В. права собственности в порядке наследования на 1/2 долю в праве общей долевой собственности на указанную квартиру не подлежат удовлетворению.

Согласно п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»², если при принятии наследства после истечения установленного срока с соблюдением правил ст. 1155 ГК РФ возврат наследственного имущества в натуре невозможен

¹ См.: Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 09 июля 2019 г. по делу № 33-6206/2019.

² См.: О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Рос. газ. 2012. № 127.

из-за отсутствия у наследника, своевременно принявшего наследство, соответствующего имущества независимо от причин, по которым наступила невозможность его возврата в натуре, наследник, принявший наследство после истечения установленного срока, имеет право лишь на денежную компенсацию своей доли в наследстве (при принятии наследства по истечении установленного срока с согласия других наследников – при условии, что иное не предусмотрено заключенным в письменной форме соглашением между наследниками). В этом случае действительная стоимость наследственного имущества оценивается на момент его приобретения, т. е. на день открытия наследства (ст. 1105 ГК РФ).

Соответственно истец вправе защищать свое нарушенное право иным, предусмотренным ст. 12 ГК РФ, способом¹.

В данном случае перевод прав на квартиру с конечного приобретателя на В. не представляется возможным в связи с пропуском срока на принятие наследства.

Таким образом, полагаем, что при нарушении конкретизированной способности к правопреемству лицо, чья способность нарушена, по общему правилу может воспользоваться таким специфическим способом защиты, как перевод прав. При этом названный способ защиты не будет применяться при пропуске лицом срока на реализацию соответствующей способности.

Из сказанного следует, что категория «правопреемство» является достаточно спорной в науке и сегодня. В современной отечественной цивилистике не выработано однозначного подхода к данному понятию. При его определении необходимо отталкиваться от идеальной правовой природы указанной конструкции. Правопреемство – это последствие юридических фактов, не сводимое к возникновению, прекращению правоотношений, но ведущее к замене в них лиц. Исходя из выработанного определения понятия правопреемства необходимо выделять признаки, характеризующие сущность данной правовой

¹ См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 10 июля 2019 г. по делу № 33-22726/2019.

категории. Представляется, что способность к правопреемству относится к правоотношениям общего типа, на основе которого в свою очередь возникают более конкретные правоотношения. Правоотношение в рамках правопреемства имеет определенную структуру, состоящую из таких элементов, как субъекты (правопредшественник и правопреемник), объект (представление о деятельности, направленной на замену лица в правоотношении), содержание (субъективные права и обязанности). При этом спецификой обладает защита способности к правопреемству как права общего типа, аналогичного по своей структуре субъективному праву.

2 МЕХАНИЗМ ПРАВОПРЕЕМСТВА В ВЕЩНЫХ ПРАВАХ

2.1 Понятие, система и структура механизма правопреемства в вещных правах

Исходя из того, что способность к правопреемству определяется в рамках гражданского правоотношения общего типа, очевидно, что его исследование невозможно без связанных с ним фактических обстоятельств и норм гражданского права, образующих в совокупности механизм правопреемства, в том числе в вещных правах. Указанные явления, на наш взгляд, образуют систему, элементы и связи которых требуют исследования, что в свою очередь может привести к разрешению гражданско-правовых проблем, связанных с преемством в вещных правах.

Представляется, что способность к правопреемству в целом возникает и прекращается на основании юридических фактов. Она, как и иные способности, входящие в гражданскую правоспособность, возникает в момент рождения и прекращается со смертью физического лица. Для исследования правопреемства в вещных правах особую значимость имеют те основания, с которыми связана реализация способности к правопреемству, поскольку, как и любые права, она чаще всего может быть нарушена именно в этом состоянии и, соответственно, потребовать защиты.

Говоря об основаниях правопреемства, исследователи, имея в виду именно реализацию способности к правопреемству, называют отдельные юридические факты или их совокупности – юридические составы. Так, Б. Б. Черепахин обоснованно относил к основаниям правопреемства сделки, административные или юрисдикционные акты, юридические события¹.

В то же время, по нашему мнению, необходимо акцентировать внимание на таких элементах действий (актов), которые необходимы для реализации

¹ См.: Черепахин Б. Б. Указ. соч. С. 24–37.

способности к правопреемству. Прежде всего к ним относится воля. Как обоснованно отмечает О. М. Родионова, «любое действие в гражданском праве предполагается волевым»¹.

Д. Ричард указывал: «Принцип воли в правопреемстве играет решающую роль, так как в случае игнорирования категории «воля» в праве институт правопреемства будет иметь характер лишь коммерческого приобретения (из сделок). Из этого выходит, что основой правопреемства является воля, тогда как основой приобретения права собственности – факты»².

Полагаем, что волю следует рассматривать как наиболее общий, абсолютный элемент при реализации способности к правопреемству, свойственный любому случаю замены лиц в правоотношениях, поскольку такая способность реализуется волевыми действиями. Следовательно, можно констатировать сходство реализации способности к правопреемству и дееспособности. Тем не менее, как было отмечено выше, правоспособность, относясь к правам общего типа, возникает у физических лиц с момента рождения (а не при достижении определенного возраста). Так, наследодателями по закону и наследниками по закону, по завещанию и по наследственному договору могут быть недееспособные, ограниченно дееспособные лица и несовершеннолетние. Эти лица не обладают юридически значимой волей, а их недостающая дееспособность при реализации способности к правопреемству восполняется их законными представителями.

Определим, что воля – это желание лица совершить какое-либо действие. Волеизъявление – это выражение соответствующей воли лица вовне, имеющее целью сделать ее доступной для любых других участников гражданских правоотношений.

¹ Родионова О. М. Указ. соч. С. 349.

² Ричард Д. Х. Специфика категорий «воля» и «правопреемство» в приобретении права собственности коммерческой организацией // *Вопр. экономики и права*. 2013. № 12. С. 26.

В правоотношении воля направлена на продолжение его существования, на исполнение существующих обязанностей и осуществление прав¹. Осуществление же прав происходит в том числе по общему правилу, в процессе совершения волевых действий, направленных на выбытие правопродшественника из правоотношения и включение в него правопреемника. При этом первоначальное правоотношение сохраняется, изменяясь по воле правопродшественника и правопреемника.

Высказанная нами позиция относительно воли как общего элемента правопреемства вызывает критику отдельных исследователей. Заключается она в основном в сомнении о возможности разграничения первоначальных и производных способов приобретения прав по волевому критерию. По нашему мнению, если правопреемство и есть производное правоприобретение, а одним из элементов реализации способности к правопреемству является воля, то и критерий разграничения первоначальных и производных способов правоприобретения – воля. Однако Б. Б. Черепяхин говорил о том, что «сущность производного правоприобретения не в субъективной стороне (зависимости или независимости от воли предшествующего собственника), а в объективной стороне (зависимости права приобретателя от права правопродшественника)»². Не вызывает сомнения, что производное правоприобретение (правопреемство) отражает зависимость права правопреемника от права правопродшественника, что наиболее ярко демонстрируется теорией транзитивности. Тем не менее это не дает оснований полагать, что воля не является элементом правопреемства.

С. С. Каширский, рассуждая о разграничении первоначальных и производных способов приобретения прав, отмечает, что «критерий “воля” плох тем, что, во-первых, его не во всех случаях можно подтвердить. Во-вторых, применение воли исключает единый подход в разграничении способов приобретения права собственности»³. Данная позиция основана на узком подходе к

¹ См.: Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации... С. 42.

² Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 5.

³ Каширский С. С. Указ. соч. С. 168.

категории «воля». Скорее всего, речь идет о необходимости учитывать только одновременное выражение воли двумя субъектами правоотношения, что характерно для случаев договорного сингулярного правопреемства.

Однако волю как наиболее общий элемент правопреемства следует рассматривать более широко. Подтверждая данную точку зрения, необходимо отметить следующее. В ситуациях двустороннего волеизъявления (прежде всего это передача прав по договорам) вопросов не возникает. В таких случаях договор является фактическим основанием правопреемства, а воля – общим элементом. Ф. К. фон Савиньи в качестве одного из способов выражения волеизъявления выделяет волю участника, совпадающую с волей одного или нескольких других лиц, т. е. как договор¹.

Трудности возникают при рассмотрении ситуаций универсального правопреемства. Разграничиваются следующие варианты наследования: по завещанию, по наследственному договору и по закону. При наследовании по завещанию или по наследственному договору собственник имущества (потенциальный наследодатель – правопредшественник) прямо выражает свою волю на переход его прав определенным в завещании или в наследственном договоре лицам – наследникам (правопреемникам). В случае же наследования по закону воля наследодателя не выражена. Тем не менее, поскольку при смерти лица, являющегося при жизни субъектом различных правоотношений, нельзя допустить возможности «бессубъектного» существования его прав (речь не идет о неимущественных правах, которые тесно связаны с личностью наследодателя), применяется институт наследования по закону. Один из принципов наследственного права – принцип учета не только действительной, но и так называемой предполагаемой воли наследодателя, т. е. законом закреплен такой порядок наследования, который отражает «предполагаемую волю» наследодателя в ситуациях, когда он не оставил завещания либо оно признано недействительным.

¹ См.: Система современного римского права. Т. 2. С. 214.

В любом случае наследственного правопреемства необходимо волеизъявление наследника (правопреемника) на принятие соответствующей доли наследства. Данное положение обосновывается О. М. Родионовой, указывающей, что «воля, влекущая возникновение прав в рамках правопреемства, может быть выражена не только правообладателем, но и его преемником. Такая ситуация возникает при наследовании по закону, когда наследодатель не составил завещание или оно было признано недействительным»¹.

Таким образом, при наследовании по завещанию и по наследственному договору для правопреемства необходимо наличие совокупности юридических фактов, представляющих собой юридический состав, являющийся фактическим основанием правопреемства: завещание наследодателя (односторонняя сделка) или наследственный договор (двусторонняя сделка) и смерть наследодателя как юридическое событие. Общий элемент правопреемства при наследовании по завещанию и по наследственному договору – воля наследодателя, выраженная в завещании или в наследственном договоре, и воля наследника, изъявленная им, как односторонняя сделка. При наследовании по закону фактическое основание – только смерть наследодателя, общий элемент – предполагаемая воля наследодателя, закрепленная в законе, и воля наследника на принятие наследства.

Высказанная нами позиция находит поддержку в научной литературе. Особо последовательно она отстаивалась еще в XIX в. К. П. Победоносцевым, который, помимо взаимного выражения двух волей (при заключении договоров), выделяет также «неравномерное соединение двух волей» при «преемстве завещательном». Но даже в последнем случае, несмотря на только пассивное участие наследника в таком правопреемстве, исследователь выделяет две воли: «воля дающего» (наследодателя-правопредшественника) и «воля принимающая» (наследника-правопреемника). При правопреемстве по закону автор также выделял предполагаемую волю, обозначая такое правопреемство

¹ Родионова О. М. Указ. соч. С. 366.

как «необходимое», определяющееся «общим сознанием, общественной волей». В таких ситуациях «воля передающего не выразилась положительно, разве только предполагается, так что мимо положительного ее выражения предмет права не передается, а сам собой переходит, вследствие необходимости общественной и юридической»¹.

При этом высказывается мнение, согласно которому при наследственном правопреемстве воля является односторонней и изъявляется только наследодателем как правопредшественником². Но и в этом случае подтверждается рассмотрение воли в качестве необходимого элемента правопреемства. В то же время Б. Б. Черепахин разграничивал категории «восприятие» и «принятие». Автор указывал, что восприятие – это «доведение ее (односторонней сделки) до сознания другого лица (или других лиц)», а принятие является актом волевым, волеизъявлением. Б. Б. Черепахин утверждал, что «к числу односторонних сделок, нуждающихся в восприятии, следует, в частности, отнести принятие наследства и отказ от наследства», при этом завещание, которое устанавливает права на принятие наследства также и в пользу наследников, не знающих о нем или о его содержании, он относит «к сделкам, не нуждающимся в восприятии»³. Однако возникает вопрос: если принятие наследства с некоторой долей условности еще можно назвать восприятием, то каким образом можно назвать отказ от наследства восприятием? По нашему мнению, и принятие наследства, и отказ от него следует считать волеизъявлением наследника (правопреемника), то есть односторонней сделкой, которая может быть признана недействительной (например, если такая сделка совершена недееспособным лицом). «Субъективное право наследования включает возможности принять наследство или отказаться от наследства. Осуществление этих возможностей недопустимо помимо воли или вопреки воле наследников»⁴.

¹ Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 99, 100.

² См.: Система современного римского права. Т. 2. С. 214.

³ Черепахин Б. Б. Указ. соч. С. 29.

⁴ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 56.

При этом «принятие наследства – это одностороннее волевое действие лица, призванного к наследованию по завещанию и (или) по закону, направленное на приобретение причитающегося ему наследства, совершаемое в установленном порядке в сроки и способами, определенными законом»¹, а «отказ от наследства – это односторонняя сделка наследника, выражающая автономную и свободную волю наследника не принимать на себя права и обязанности, составляющие наследство»². Поэтому верной считаем позицию К. П. Победоносцева: «всякое приобретение есть прежде всего – акт воли приобретающей»³.

Что касается реорганизации, то также необходимо отметить наличие воли реорганизуемого юридического лица на переход его прав и обязанностей в порядке универсального правопреемства. Так, Б. Б. Черепахин указывал, что «движение имущества между социалистическими организациями происходит в результате сознательных и разумных целенаправленных волевых актов»⁴. Полагаем, что высказанное положение справедливо как для случаев перехода имущества по договорам, так и для ситуаций реорганизации.

П. А. Марков, ссылаясь на данные судебной практики⁵, также обоснованно утверждает, что реорганизация представляет собой «процесс, имеющий целью правовые и социально-экономические преобразования общества, выраженные в активных волевых действиях органов акционерного общества в виде решений, сделок, действий иных лиц и разработки документов, опосредующих реорганизацию»⁶.

¹ Долганова И. В. Наследственное право : учеб.-практ. пособие. М., 2014. С. 44.

² Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 74.

³ Победоносцев К. П. Указ. соч. С. 99.

⁴ Черепахин Б. Б. Указ. соч. С. 35.

⁵ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 14 января 2004 г. по делу № КГ-А40/9804-03. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Марков П. А. Реорганизация коммерческих организаций в российском праве // Право и экономика. 2011. № 9. С. 15.

Отметим также позицию О. С. Иоффе, который говорит о воле не как об элементе реализации способности к правопреемству, а как об объекте правоотношения. Так, рассматривая объект договора купли-продажи, он выделяет материальный, юридический и волевой объект, определяя последний как «индивидуальную волю продавца и покупателя в пределах, в каких она подчинена регулируемому их отношения законодательству»¹. Данная позиция подчеркивает необходимость разграничения воли в материальном (как объект правоотношения) и юридическом (как совершение сделок, условие реализации способности к правопреемству) смыслах.

При анализе оснований реализации способности к правопреемству становится очевидным, что понимание последней невозможно без исследования и иных правовых явлений, тесно связанных с ней и обычно относимых к элементам механизма гражданско-правового регулирования. Так, А. А. Тебряев называет их «общими предпосылками» и относит к ним нормы права, правосубъектность, правоотношения. При этом автор обоснованно утверждает, что юридические последствия (в рассматриваемом случае – изменение гражданского правоотношения) могут наступить только в случае взаимодействия таких общих предпосылок с юридическими фактами, а не отдельно сами по себе. Конкретный же «набор» общих предпосылок и юридических фактов неодинаков в различных ситуациях. «В любом случае в правопреемстве в отсутствие необходимых общих предпосылок никакой юридический факт не может повлечь за собой юридических последствий»².

Соответственно все те явления, которые обеспечивают замену лиц в имущественных правоотношениях, могут быть объединены в рамках механизма правопреемства, выступая в качестве его элементов.

¹ Иоффе О. С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 210.

² Тебряев А. А. Юридический состав – основание правопреемства // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Гуманитар. и обществ. науки. 2010. № 2. С. 63.

При этом необходимо разделить основания правопреемства и иные элементы механизма правопреемства. Представляется, что к наиболее общим элементам механизма гражданского правопреемства следует относить волю, нормы гражданского права, способность к преемству в правах, а также существование первоначального правоотношения. Так, наличие норм права является необходимым, поскольку именно в них содержится дозволение «передать» соответствующее субъективное право.

Что касается способности к правопреемству, укажем следующее. В ст. 18 ГК РФ из всех способностей к правопреемству упомянута лишь способность к наследованию. Представляется, что последняя выделена в силу особого ее значения для гражданско-правового воздействия на общественные отношения. Однако это не означает, что иные способности к правопреемству отсутствуют: они косвенно закреплены в положениях о вещных, обязательственных и иных гражданских правах. Так, перемене лиц в обязательствах (преемству в обязательствах) посвящена глава 24 ГК РФ. В ряде статей в части четвертой ГК РФ преемство в исключительных правах определено в положениях о порядке распоряжения исключительными правами (ст. 1234–1241, 1282–1286.1, 1307–1308.1, 1318, 1327, 1343, 1365–1369, 1426–1429, 1457.1–1459, 1468–1469, 1547, 1550 ГК РФ).

Оговоримся также, что отчасти преемству в вещных правах посвящены положения о наследовании и о реорганизации юридических лиц, поскольку в указанных порядках также может происходить замена лица в вещных правоотношениях (ст. 58, 59, 1110, 1114, 1152–1160, 1178–1182 и другие статьи ГК РФ).

Именно гражданско-правовые способности к правопреемству позволяют конкретному лицу, а именно правопреемнику, иметь субъективное право, обладателем которого он становится после замены правопреемника в правоотношении. Иначе (в случае ее отсутствия у лица) правопреемство в принципе не может быть реализовано и лицо не станет участником уже существующих конкретных правоотношений (например, стать собственником

вещи в порядке наследования). В этом смысле верно отмечается в литературе: «правоспособность – не право, а способность быть его носителем»; «это лишь предпосылка, необходимое условие правообладания»¹. Очень точным в указанном контексте выглядит и суждение Е. А. Флейшиц о том, что правоспособность выступает некой «бланкетной» возможностью, и только «возникающее на основе правоспособности субъективное право всегда имеет определенное содержание»². Хотя из сказанного выше все же следует, что у любой правовой способности имеется достаточно определенное содержание. Вместе с тем степень его конкретности, конечно, гораздо ниже, чем у любого вещного, обязательственного или, например, исключительного права.

Представляется, что к основным элементам механизма правопреемства следует относить именно способность к преемству, а не к действию (дееспособность), поскольку наличие дееспособности, как было отмечено ранее, не всегда имеет значение для правопреемства. Так, О. М. Родионова указывает, что «дееспособность не всегда необходима. Для участия в гражданском правоотношении достаточно обладание правоспособностью, разумеется, при наличии восполняющей дееспособности другого лица, который участником данного правоотношения не является»³. Такой же позиции придерживается Ж. А. Гордеева, полагая, что «во многих правоотношениях лицу достаточно обладать только правоспособностью, если отсутствующую дееспособность можно восполнить»⁴.

К первоначальным правоотношениям, выступающим в качестве элемента механизма правопреемства, следует отнести те имущественные отношения, урегулированные нормами гражданского права, в которых необходима замена лиц. Так, способность наследников к наследственному преемству в

¹ Матузов Н. И. Указ. соч. С. 11–12.

² Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. М., 2015. Т. 2. С. 166.

³ Родионова О. М. Правовые Указ. соч. С. 246.

⁴ Гордеева Ж. А. «Правоспособность» и «правосубъектность»: к вопросу о содержании и соотношении понятий // Юрист – Правоведь. 2010. № 1. С. 76.

праве собственности на недвижимость не будет реализована, если наследодатель не обладает правом собственности на такое имущество, т. е. если отсутствует соответствующее первоначальное вещное правоотношение (ст. 1112, 1120, 1181 ГК РФ). Так, И. А. Маньковский пишет о том, что правоспособность является «основанием всякого первоначального правоприобретения»¹. Что же касается производного правоприобретения (т. е. в ситуациях правопреемства), то, по его мнению, «обязательным является не только наличие у субъекта правоспособности в соответствующей сфере деятельности, но и существование первоначального правоотношения»².

Действительно, вполне обоснованным является признание первоначального правоотношения, в котором происходит изменение, условием реализации способности к правопреемству. С учетом же того, что без существования первоначального правоотношения невозможно правопреемство, поскольку оно есть производное правоприобретение, то его следует относить к общим элементам, имеющим значение для каждого случая правопреемства.

Следует отметить, что наличие в механизме правопреемства первоначальных правоотношений объясняется вспомогательным характером конструкции правопреемства, которая обеспечивает связь права как явления идеального характера с реальностью: человеческая жизнь может быть короче срока существования вещи, но в идеальном мире права ее собственник перестает быть собой только в случае гибели вещи, а не смерти лица, выступающего в роли собственника. Правопреемство позволяет решить эту проблему, поскольку объединяет нормативные правовые положения, направленные на определение лица, которое будет выступать в указанном статусе.

Отметим, что для порождения правопреемства недостаточно одних только общих элементов механизма. Необходим юридический факт или юридический состав, т. е. основания правопреемства. Справедливо по этому по-

¹ Маньковский И. А. Указ. соч. С. 121.

² Там же. С. 123.

воду высказывается В. А. Белов, отмечая, что правосубъектность является необходимой предпосылкой «к возникновению правоотношений определенного рода и вида, которые, однако, так и останутся предпосылками и никогда не превратятся в правоотношение (не „родят“ правоотношения) без юридического факта»¹.

Таким образом, в целом для реализации способности к правопреемству необходимо наличие общих элементов (воля, норма права, способность к правопреемству, первоначальное правоотношение) в совокупности с юридическим фактом (или юридическим составом).

Значимым для настоящего исследования является то, что в механизм преемства в вещных правах включается такой элемент, как реализационные действия (акты) – действия, связанные с передачей и получением вещи, а также ее владением, пользованием и распоряжением. Именно посредством таких актов происходит приобретение права собственности, поскольку в вещных отношениях, как и следует из их обозначения, определяющее значение имеет вещь, а точнее, обладание ею. Вещное право не имеет смысла, если у правообладателя отсутствует вещь, поскольку только владея, пользуясь и распоряжаясь вещью, собственник может удовлетворить свои соответствующие общественно значимые потребности. Представляется, что этот элемент определяет специфику преемства в вещных правах, в связи с чем данный вопрос будет рассмотрен в рамках третьей главы настоящего исследования.

Выделение названного элемента в механизме преемства в вещных правах позволяет отграничить его от преемства в обязательствах. При цессии и переводе долга отсутствуют какие-либо действия, непосредственно относящиеся к реализации способности к правопреемству в обязательствах. В том числе к таким действиям нельзя отнести заключение договора об уступке права требования.

Д. Д. Гримм указывал, что в римском праве цессия по общему правилу есть акт неформальный. Отношение между актом цессии и основанием цессии

¹ Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве. С. 14.

такое же, как отношение между традицией и *causa traditionis*. Подобно традиции, и цессия есть абстрактный акт, т. е. действительность акта цессии не зависит от действительности или неоспоримости основания цессии¹.

С точки зрения Р. С. Бевзенко, уступка права – это распорядительная сделка, которая влечет в качестве последствия перемену лица в обязательстве. Однако одна лишь эта сделка в силу ее, как правило, абстрактного характера не всегда может объяснить, почему и на каких условиях произошла уступка – было ли право продано, подарено, обменено на иное право и т. п. Для этого необходимо наличие обязательственного договора: например договора купли-продажи, мены, дарения права. Однако сказанное не означает, что стороны должны обязательно заключать два соглашения: одно – о самой уступке, другое – об условиях уступки. Они вполне могут быть объединены в один документ².

Л. А. Новоселова также отмечает, что Высший Арбитражный Суд РФ проводил четкое разграничение между собственно сделкой уступки права (требования) как сделкой распорядительной и соглашением об уступке – обязательственной сделкой, на основании которой осуществляется переход права. При этом исследователь указывает, что нередко сделка цессии и договор, служащий для нее основанием, совершаются одновременно и оформляются единым документом, фактически сливаясь. Но юридически и в этих случаях мы имеем дело с двумя сделками³.

¹ См.: Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права (воспроизводится по пятому изданию Санкт-Петербург, 1916). М., 2003. С. 348, 349.

² См.: Бевзенко Р. Ответственность цедента за действительность уступаемого права // Корпорат. юрист. 2006. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

³ См.: Новоселова Л. А. Комментарий к информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Практика рассмотрения коммерческих споров : Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Вып. 3. М., 2008. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

А. Н. Латыев также выделяет два элемента в механизме сингулярного правопреемства в обязательствах: основание (каузу) и собственно распорядительный факт. По его мнению, «кауза правопреемства представляет собой исключительно относительную связь между правопреемником и правопреемником, предопределяя, в частности, условия, порядок, момент осуществления правопреемства, а также последствия того, что правопреемство не состоится либо окажется в той или иной степени дефектным... В свою очередь, распорядительный факт определяет непосредственно момент правопреемства...». Кроме того, А. Н. Латыев дополняет указанный механизм еще одним элементом, которым должен завершаться процесс сингулярного правопреемства, и обозначает его как «перфекцию сингулярного правопреемства»: «это тот юридический факт, по наступлении которого право, являющееся объектом правопреемства, прочно закрепляется в имущественной сфере приобретателя, а отчуждатель более не может повторно распорядиться им; приобретатель может свободно осуществлять полученное право, начинает восприниматься окружающими как обладатель этого права и, даже если в ходе приобретения имели место некие пороки, все равно может при определенных дополнительных условиях стать законным обладателем права». Исследователь проводит аналогию с преемством в вещных правах, при котором перфекцией перехода права собственности признается получение владения вещью, и приходит к выводу, что «таким моментом для цессии традиционно является уведомление должника о состоявшейся уступке»¹.

Представляется, что договор как основание сингулярного правопреемства в обязательствах выражает реализацию способности к совершению договоров и самостоятельно не ведет к правопреемству, в то время как сама цессия или перевод долга как реализационный факт непосредственно ведут к изменению лица в правоотношении и, следовательно, представляют собой реализа-

¹ Латыев А. Н. Перфекция сингулярного правопреемства в обязательствах: постановка проблемы // Закон. 2021. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

цию способности к правопреемству. На разграничение реализации способности к заключению договоров и реализации способности к правопреемству при сингулярном правопреемстве в обязательствах указывается и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 54: по общему правилу, требование переходит к цессионарию в момент заключения договора, на основании которого производится уступка, например договора продажи имущественного права (п. 2 ст. 389.1 ГК РФ). Однако законом или таким договором может быть установлен более поздний момент перехода требования. Стороны вправе установить, что переход требования произойдет по истечении определенного срока или при наступлении согласованного сторонами отлагательного условия. Например, стороны договора продажи имущественного права вправе установить, что право переходит к покупателю после его полной оплаты без необходимости иных соглашений об этом (п. 4 ст. 454, ст. 491 ГК РФ) (п. 5)¹.

Полагаем, что уведомление должника о состоявшейся уступке не является реализацией способности к правопреемству, но связано с ней, поскольку представляет ее следствие, т. е. правопреемство в обязательствах, в отличие от преемства в вещных правах, происходит вне активных действий.

Из сказанного следует, что под механизмом правопреемства в вещных правах следует понимать совокупность норм гражданского права и конкретных фактических обстоятельств, на основании которых возможна реализация способности к правопреемству. Его элементами выступают воля, нормы гражданского права, способность к преемству в правах, существование первоначального правоотношения, реализационные действия (акты). Именно последний элемент – действия, связанные с передачей и получением вещи, а также ее владением, пользованием и распоряжением, – позволяет отграничить преемство в вещных правах от преемства в обязательствах. Элементы механизма правопреемства связаны системно, т. е. только в их совокупности при наличии

¹ См.: О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 дек. 2017 г. № 54 // Рос. газ. 2017. № 297.

основания (юридического факта или юридического состава) обеспечивают замену лиц в вещных правоотношениях. Таким образом, правопреемство в вещных правах – это производное правоприобретение, заключающееся в изменении лиц в вещном правоотношении посредством перехода субъективных прав и (или) обязанностей от одного лица к другому в рамках одного правоотношения по поводу той же вещи, осуществляемое путем совершения волевых действий, связанных с передачей или принятием вещи.

2.2 Особенности механизма преемства в ограниченных вещных правах

Способность к правопреемству в вещных правах, исследуемая в рамках настоящей работы, обозначена, как уже отмечалось выше, в большей степени в рамках положений о приобретении и прекращении права собственности (главы 14 и 15 ГК РФ), однако ими не исчерпывается. Так, рассматриваемая способность реализуется при приватизации государственного и муниципального имущества (ст. 217, абз. 13 ч. 2 ст. 235 ГК РФ), при национализации (абз. 14 ч. 2 ст. 235 ГК РФ) и в других случаях, указанных в ч. 2 ст. 235 ГК РФ.

Способность к правопреемству имеет некоторые особенности в ограниченных вещных правах, установленных в действующем гражданском законодательстве (главы 13–19 ГК РФ). К вещным правам, помимо права собственности, относятся такие ограниченные вещные права, как право пожизненного наследуемого владения земельным участком, право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком, сервитут, право хозяйственного ведения, право оперативного управления. При этом ограниченные вещные права, как правило, имеют особенности в объекте, субъектах, а следовательно, и в правопреемстве.

Объектом права пожизненного наследуемого владения может быть только земельный участок (ст. 265 ГК РФ). Субъект данного ограниченного вещного права – физическое лицо – наделен законом только правомочиями

владения и пользования. Распоряжение земельным участком, принадлежащим лицу на данном праве, не допускается, за исключением перехода права на него в порядке наследования. Соответственно под распоряжением земельным участком, находящимся в пожизненном наследуемом владении (ст. 267 ГК РФ), понимается определение порядка наследования этого имущества по завещанию и по наследственному договору; т. е. можно выделить две особенности преемства в данном ограниченном вещном праве: правопродшественником и правопреемником могут быть только физические лица, а замена последним правопродшественника в правоотношении возможна только в порядке универсального правопреемства.

Право постоянного (бессрочного) пользования предоставляется только органам государственной власти и органам местного самоуправления, государственным и муниципальным учреждениям (бюджетным, казенным, автономным), казенным предприятиям, центрам исторического наследия президентов РФ, прекративших исполнение своих полномочий (ст. 39.9 Земельного кодекса РФ¹ (*далее – ЗК РФ*)). Объект данного права – также земельный участок. Земельные участки, принадлежащие указанным субъектам на праве постоянного (бессрочного) пользования, согласно ч. 3 ст. 268 и ч. 3 ст. 269 ГК РФ могут стать предметом правопреемства только в случае реорганизации юридического лица, которому земельный участок предоставлен на данном праве. Следовательно, для преемства в праве постоянного (бессрочного) пользования установлено ограничение в части субъектного состава, а само правопреемство может быть только универсальным (посредством реорганизации).

Однако вплоть до настоящего времени существует ряд проблем, связанных с возможностью приобретения земельного участка на праве постоянного (бессрочного) пользования лицом, которое субъектом данного права в соответствии с законодательством быть не может. Так, согласно правилу о единой судьбе земельного участка и находящейся на нем недвижимости при переходе

¹ См.: Земельный кодекс Российской Федерации. Принят 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4147.

права собственности на здание, сооружение, находящиеся на чужом земельном участке, к другому лицу оно приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник (ч. 1 ст. 35 ЗК РФ, ст. 552 ГК РФ¹).

Судебной практикой также подтверждается возможность стать правопреемником земельного участка в таком порядке лицу, не являющемуся субъектом права постоянного (бессрочного) пользования. Например, индивидуальный предприниматель Ж.Т.А. обратился в арбитражный суд с иском к Управлению Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Управление) с заявлением о признании незаконным решения об отказе в государственной регистрации права постоянного (бессрочного) пользования земельным участком. Требования индивидуального предпринимателя были удовлетворены. Ссылаясь на нормы п. 1 ст. 35 ЗК РФ, п. 3 ст. 552 ГК РФ, п. 2 ст. 3 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»², абз. 3 п. 13 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 24 марта 2005 г. № 11³, определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2003 г. № 512-О⁴, суд пришел к выводу, что данные нормы указывают на необходимость в предусмотренный законом срок изменения титула на землю и возможность выбора этого титула землепользо-

¹ См.: Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая). Принят 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 5. Ст. 410.

² См.: О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 137-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44. Ст. 4148.

³ См.: О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства : Постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 11 // Вестн. ВАС РФ. 2005. № 5.

⁴ См.: Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Нижегородской области о проверке конституционности положения абзаца первого пункта 2 статьи 3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» : Определение Конституц. Суда РФ от 25 дек. 2003 г. № 512-О.

вателем, но не свидетельствуют о невозможности государственной регистрации имеющегося права постоянного (бессрочного) пользования.

Подобная ситуация возникает и в случае реорганизации в форме преобразования (ч. 7 ст. 123.22 ГК РФ, ст. 29 Федерального закона от 14 ноября 2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»¹), что также подтверждается судебной практикой². Однако, поскольку данная форма реорганизации не сопровождается правопреемством, не будем останавливаться на этом подробно.

Следующее ограниченное вещное право – право ограниченного пользования чужим земельным участком (сервитут) (ст. 274–277 ГК РФ, ст. 23, главы V.3, V.6, V.7 ЗК РФ). Несмотря на название, примененное законодателем, объектом этого права могут являться не только земельные участки, но и здания, сооружения и иное недвижимое имущество (ст. 274, ст. 277 ГК РФ). Ограничений по субъектам права в законе не установлено.

Сервитут подлежит государственной регистрации, основанием для осуществления которой является соглашение сторон (т. е. договор). Тем не менее это не означает, что между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка возникают исключительно обязательственные правоотношения. Цель данного соглашения – установление ограниченного вещного права. Как указывается в литературе, «такое соглашение не порождает гражданско-правовых обязательств с положительным содержанием и должно рассматриваться не как обязательственный договор, а как распорядительная сделка или «вещный договор»³.

В ГК РФ также установлен ряд ограничений на переход сервитута в по-

¹ См.: О государственных и муниципальных унитарных предприятиях : Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 48. Ст. 4746.

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22 августа 2017 г. № Ф05-9125/2017 по делу № А41-1543/2017.

³ См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. М., 2010. Т. 1. С. 422–423.

рядке правопреемства. Так, в ч. 1 ст. 275 ГК РФ закреплено, что сервитут следует за земельным участком, но согласно ч. 2 той же статьи не может быть передан самостоятельно. Соответственно в отношении сервитута возможно и универсальное, и сингулярное правопреемство при одновременном преемстве в праве собственности на обремененный земельный участок.

Рассматривая перечень ограниченных вещных прав, нельзя не обратить внимания на Проект Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Законопроект № 47538-6), в котором названный перечень существенно изменен. Говоря о сервитуте, следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 301.1 ГК РФ в редакции Законопроекта № 47538-6 сервитут может быть положительным (в силу которого собственник господствующей вещи имеет право самостоятельно пользоваться служащей вещью) или отрицательным (при котором собственник господствующей вещи имеет право запрещать собственнику служащей вещи пользоваться такой вещью определенным образом). Тем не менее все виды сервитутов, установленные в Законопроекте № 47538-6, относятся к положительным сервитутам: сервитуты перемещения (ст. 301.6), строительные (ст. 301.7), сервитут мелиорации (ст. 301.8), горный (ст. 301.9), коммунальный (ст. 301.10). Исходя из этого нельзя не согласиться с Е. А. Махиной в том, что, поскольку отрицательный сервитут не содержит правомочий владения и пользования, он «не может быть нами причислен к вещным правам»².

По поводу отнесения к числу ограниченных вещных прав права хозяйственного ведения и права оперативного управления следует отметить позицию Е. А. Суханова, указывающего, что «они не обеспечивают экономически

¹ См.: О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации: проект Федерального закона № 47538-6.

² Махиня Е. А. Система вещных прав в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации // Вестн. Ом. юрид. акад. 2016. № 1. С. 33.

необходимое участие одного лица в праве собственности на недвижимость другого лица, а представляют собой правовую форму реализации права государственной собственности в условиях плановой экономики». В связи с чем данные права не являются классическими вещными, а в условиях рыночной организации «имущественного (гражданского) оборота эти категории становятся явным анахронизмом, не соответствующим его принципиальным началам»¹. Однако в Законопроекте № 47538-6 предлагается сохранить право оперативного управления. Право же хозяйственного ведения при этом «сливается» по правовому режиму с правом оперативного управления.

Согласно действующему законодательству (ст. 295, 297, 298 ГК РФ) также установлены ограничения на переход имущества, находящегося на праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления, в порядке правопреемства, касающиеся в основном установления требования о получении согласия собственника имущества. Круг субъектов этих прав также ограничен: правом хозяйственного ведения на имущество наделяются государственные и муниципальные унитарные предприятия, а правом оперативного управления – учреждения (частные, автономные, бюджетные, казенные) и казенные предприятия. Таким образом, в отношении права хозяйственного ведения и права оперативного управления возможно универсальное и сингулярное (с согласия собственника имущества) правопреемство с учетом ограничений по субъектному составу этих прав.

К числу ограниченных вещных прав следует относить также некоторые права на использование жилых помещений. Прежде всего это право пожизненного пользования жилым помещением. Субъектом данного права могут быть только граждане. Основание возникновения – либо договор пожизненного содержания с иждивением (ст. 601, 602 ГК РФ, ст. 34 Жилищного кодекса РФ²

¹ Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журн. рос. права. 2006. № 12. С. 45.

² См.: Жилищный кодекс Российской Федерации. Принят 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 14.

(далее – ЖК РФ)), либо завещательный отказ (ч. 2 ст. 1137 ГК РФ, ст. 33 ЖК РФ). Однако в отношении данного права правопреемство невозможно.

Также это право пользования жилым помещением членов и бывших членов семьи собственника приватизированного жилого помещения, которые в момент приватизации имели равные с ним права пользования жильем и дали согласие на его приватизацию (ст. 19 Федерального закона от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»¹) и право пользования жилым помещением несовершеннолетних детей собственника, проживавших совместно с ним (п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации»²). Субъектами названных прав также могут быть только физические лица, и правопреемство в них невозможно.

Одним из самых спорных вопросов в научной литературе является вопрос об отнесении к числу ограниченных вещных прав залога. Так, ряд исследователей полагают, что многообразие объектов залога не позволяет рассматривать его в качестве вещного права. Однако они отмечают, что «допустимо установить элементы, присущие вещному праву, отдельным видам залога с учетом публичности, преимущественного права и права следования за вещью»³. В основном данная позиция связана с тем, что объектом залога могут выступать права требования, в отношении которых вещные права существовать не могут. Таким образом, сторонники этой точки зрения стремятся избежать появления категории «право на право».

¹ См.: О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 г. № 189-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1 (ч. 1). Ст. 15.

² См.: О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 // Рос. газ. 2009. № 123.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринов, Е. А. Бевзюк [и др.]. Справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

Д. И. Мейер также указывал, что «право залога... нельзя относить к правам на чужие вещи» в связи с рядом присущих ему особенностей: «во-первых, и залогоприниматель движимости, точно так же как и залогоприниматель недвижимости, имеет только право требовать продажи залога, во-вторых, хранение движимого залога у залогопринимателя составляет только меру обеспечения этого права, но не дает господства над вещью: залогопринимателю запрещается пользоваться ею, вещь запечатывается»¹.

Другие авторы, напротив, считают залог правом вещным. Д. В. Дождев отмечает, что «если говорить о залоге, то достаточно признания того, что приоритет – это преимущество перед всеми. ... Вот это свойство по своему действию создает такое содержание этого права, что оно овеществляется». В связи с чем залоговое правоотношение – всегда абсолютное².

Е. А. Суханов залоговое право и право удержания относит к особой группе ограниченных вещных прав, называя их «вещные права, обеспечивающие надлежащее исполнение обязательств»³.

Третья группа исследователей, выделяя в залоге как вещно-правовые, так и обязательственно-правовые элементы, относят его к комплексному гражданско-правовому институту⁴. Так, В. А. Белов утверждает, что «залог – это комплекс (система) правоотношений, сердцевиной которого является совокупность абсолютных правоотношений, обеспечивающих посредством установления ограниченного господства залогодержателя над чужим имуществом удовлетворение его требований по обеспеченному обязательству». При этом, по мнению автора, относительные правоотношения, «подстегивающие заинтересованность залогодателя в обеспечении сохранности заложенного имуще-

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право. Пг., 1914. С. 296.

² Пискунов Я. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей (интервью с Д. В. Дождевым, ведущим научным сотрудником Института государства и права РАН) // Закон. 2016. № 6. С. 7–8.

³ Российское гражданское право. Т. 1. С. 601.

⁴ См.: Ахметьянова З. А. О вещном праве и реформе российского законодательства // Власть Закона. 2021. № 2 (46). С. 43–44.

ства», в данной системе не являются основными. К тому же В. А. Белов отмечает, что совокупность абсолютных и относительных правоотношений, составляющих институт залога, имеет общую цель (обеспечение исполнения обязательства), основание (обычно – договор), объект (заложенное имущество – предмет залога)¹.

Сходной позиции придерживается И. С. Рудаков, полагающий при этом, что «центром тяжести» в системе правомочий участников залогового правоотношения, выражающим его цель, выступают все же не обязательства сторон по обеспечению сохранности предмета залога, его страхованию и т. д., а принадлежащее залогодержателю право обращения взыскания на вещь с возможностью отстранить от воздействия на нее всех третьих лиц, в особенности непривилегированных кредиторов должника». В этом автор находит вещный характер права залога как одного из прав залогодержателя².

Еще одна позиция о характере залога представлена А. О. Рыбаловым, который считает, что в качестве института вещного права гипотетически может рассматриваться только залог вещей. В то же время автор отмечает, что поскольку «реализация правомочия залогодержателя не поставлена в зависимость от поведения обязанных лиц» (так как обращение взыскания на предмет залога – это возможность прекращения правоотношения односторонним волеизъявлением), то «это сближает право залога (вне владения и пользования предметом залога) с правопреобразовательными правомочиями (вторичными правами)», следовательно, это не субъективное право и «говорить о его вещном или ином характере не приходится»³.

В ныне действующем ГК РФ нормы о залоге включены в раздел III «Общая часть обязательственного права». В Законопроекте № 47538-6 положения о залоге относятся к тому же разделу (при этом понятия «залог» и «залоговое

¹ См.: Белов В. А. Залоговые правоотношения: содержание и юридическая природа // Законодательство. 2001. № 11. С. 13, 14, 15.

² Рудаков И. С. Вещная суброгация в залоговом правоотношении // Рос. юрид. журн. 2017. № 3. С. 136.

³ Рыбалов А. О. Ограниченные вещные права: проблемы определения // Закон. 2007. № 2. С. 121, 122, 123.

обязательство» рассматриваются как синонимы), однако отдельно выделены нормы об ипотеке и помещены в раздел II «Вещное право», поскольку последняя рассматривается в качестве ограниченного вещного права. В ст. 303.4 ГК РФ (в редакции Законопроекта № 47538-6) определено, что предметом ипотеки могут быть недвижимые вещи, право собственности на которые зарегистрировано в установленном порядке, или доли в праве собственности на такие недвижимые вещи, а также право постоянного землевладения и право застройки. Предметом ипотеки не могут быть вещи и права, которые возникнут в будущем.

Однако, как справедливо указывает Е. А. Махиня, «так как правами вещными являются только права на индивидуально-определенные вещи, ипотека долей и прав не может, по нашему мнению, иметь вещно-правовой природы»¹.

Таким образом, залог вещей соответствует основным признакам ограниченных вещных прав (в частности, обременяет вещь и следует за ней, имеет в качестве объекта индивидуально-определенную вещь). Однако в связи с многообразием объектов залога к ограниченным вещным правам, полагаем, следует относить только залог вещей (то есть объект залога должен соответствовать объекту вещных прав), а иные виды залога необходимо рассматривать как права, имеющие обязательственный характер. Представляется, что при залоге вещи возможно правопреемство в случае замены лица, замещающего место субъекта данного ограниченного вещного права (залогодержателя). Законодательное положение о сохранении залога при переходе прав на заложенное имущество к другому лицу (ст. 353 ГК РФ) подтверждает особенность механизма правопреемства в ограниченных вещных правах, поскольку залог не прекращается при преемстве в праве собственности на обремененную вещь.

Еще одно новшество, предлагаемое в Законопроекте № 47538-6, – закрепление владения в разделе II «Вещное право». Помещение норм о владении в названном разделе позволяет предположить отнесение его к числу институтов вещного права. Тем не менее владение не включено в перечень вещных и

¹ Махиня Е. А. Указ. соч. С. 34.

ограниченных вещных прав. Владение предлагается относить к фактическому отношению, которому предоставляется защита (при этом как законному, так и незаконному). Однако разграничение самого владения и права на объект владения проводится законодателем непоследовательно. Так, в ч. 2 ст. 215 ГК РФ (в редакции Законопроекта № 47538-6) указывается, что право на защиту своего владения имеет любой владелец независимо от того, принадлежит ли ему право на объект владения, включающее правомочие владения. Также установлено, что приобретение права на объект владения не означает приобретения владения этим объектом (ч. 2 ст. 209). С другой стороны, подразделяя владение на законное и незаконное (добросовестное и недобросовестное), законодатель отмечает, что владение признается законным, если оно осуществляется на основании права собственности или иного вещного права, включающего правомочие владения, либо соглашения с собственником или с обладателем иного вещного права, включающего правомочие владения. Признается, таким образом, что любое законное владение есть не что иное, как правомочие владения, входящее в состав вещного права. К тому же, как отмечает Л. Ю. Василевская, «определение понятия владения как фактического господства лица над вещью, по существу, не отличается от определения понятия вещного права как непосредственного господства над вещью»¹.

В научной литературе не сложилось единого подхода к институту владения: его рассматривают либо как факт, либо как право.

Следует отметить, что в римском праве проводилось четкое разграничение между владением и держанием по наличию или отсутствию субъективного фактора. И при владении, и при держании лицо фактически обладает вещью, однако намерение ею обладать наличествует лишь при владении. При этом, как отмечает И. Б. Новицкий, фактическое обладание не всегда связывалось с «физическим держанием вещи». Приобретение владения могло выражаться и

¹ Василевская Л. Ю. Реформирование законодательства о вещных правах и об их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 9. С. 110–111.

в охвате вещи глазами или намерением, и в простом указании на эту вещь с какого-либо высокого места (например, башни). Соотношение же между владением и правом собственности, по определению автора, выражалось так: владение есть «видимость собственности»¹.

Г. Ф. Шершеневич усматривал во владении именно право. Признавая, что оно в определенных ситуациях совпадает с правом собственности, он также отмечал, что это происходит не всегда и именно в таких случаях его следует рассматривать как самостоятельный правовой институт, юридическое значение которого заключается в том, «...1) что оно охраняется законом от посягательств посторонних лиц само по себе, независимо от вопроса о праве собственности и 2) что, продолжаясь известное время, оно превращается в право собственности»². Также в подтверждение своей позиции исследователь указывал, что «владение приобретается и утрачивается, а к этому факты неспособны»; к тому же «владение передается по наследству, а наследство составляет совокупность прав и обязанностей, но не фактов»³.

Исследуя различные точки зрения на владение, В. В. Вороной отмечает, что те исследователи, которые рассматривают владение как право, ссылаются в основном на бесспорную связь владения с определенными юридическими последствиями: интердиктной защитой и приобретательной давностью⁴.

Однако еще Д. И. Мейер указывал, что, несмотря на закрепленную в законодательстве возможность защиты владения, оно, несомненно, является фактом, а не правом. Исследователь отмечал: «...для того чтобы фактическое отношение обратилось в право, нужно, чтобы владение охранялось не только от насилия и самоуправства, а от всякого притязания на вещь; ...законодательство охраняет от них, по поводу ли владения или по другому какому поводу они встретятся, – так что охраняется собственно лицо владельца, человек, а не

¹ Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права. М., 2007. С. 73–74.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М., 1911. С. 222.

³ Там же. С. 223.

⁴ См.: Вороной В. В. Феномен владения в цивилистической науке // Законодательство. 2002. № 10. С. 11–12.

самое владение»¹. Сторонники сходной позиции отмечают также, что «владельческая защита (владения) – не является абсолютной (исключается против собственника, титульного владельца) и вещной (не следует за вещью, а переходит в порядке личного правопреемства)»².

В. В. Витрянский вслед за авторами Законопроекта № 47538-6 фактически приравнивает владение и правомочие владения, входящее в состав права собственности или иного вещного права, рассматривая владение как факт³.

З. А. Ахметьянова, анализируя указанный законопроект, приходит к выводу, что «речь идет о владении не как о субъективном гражданском праве, не как об одном из правомочий собственника или обладателя иного права на вещь, а как о факте, фактическом отношении, доступном любому лицу»⁴.

А. В. Рыжик отмечает, что «из смысла ст.ст. 301 и 305 ГК РФ следует, что так же, как и в законодательных актах советского и переходного периодов, право владения защищается, как отмечалось, в составе ограниченных вещных прав, то есть как только законное владение, основанное на определенном титуле (юридическом основании)... В то же время, ни в прежнем, ни в действующем законодательстве советской и постсоветской России защите не подлежало владение как самостоятельное вещное право, то есть фактическое владение»⁵.

В. В. Вороной также приходит к выводу о том, что «правовому воздействию подлежит правоотношение, возникающее из факта владения». Автор предлагает рассматривать обозначение «право владения» условно, поскольку само владение является либо элементом каких-либо правовых институтов

¹ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 210–211.

² Вороной В. В. Указ. соч. С. 14–15.

³ См.: Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М., 2018. С. 481.

⁴ Ахметьянова З. А. Указ. соч. С. 40.

⁵ Рыжик А. В. К вопросу о гарантиях, предоставляемых законом для обладателей ограниченных вещных прав // Аграр. и земельное право. 2022. № 1 (205). С. 90–91.

(права собственности, институтов договорного права), либо правомочием в составе субъективного гражданского права. Но ни то ни другое «не предопределяет правовую природу владения»¹.

Также существует точка зрения, согласно которой владение есть и право, и факт одновременно. Сторонники этого подхода усматривают факт в «реальном и объективном обладании вещью», а право – в «законодательно закрепленной возможности владеть вещью не собственником». В результате владение определяется как «фактическое состояние, порождающее юридические отношения прежде всего по защите»². С позиции иных исследователей, поддерживающих такую «примирительную» точку зрения, владением следует считать «фактические действия, осуществленные в целях удержания вещи на праве собственности»³. По сути, владение и право собственности рассматриваются этими авторами как единое целое: владение – неотъемлемая составляющая права собственности, т. е. правомочие в его составе.

Действительно, владение можно рассматривать как факт и право одновременно. При этом не следует отграничивать владение от права собственности и представлять их как отдельные и несвязанные институты. В таком случае владение как факт есть само осуществление права собственности в его целостности, в то же время владение как право представляет собой правомочие в составе права собственности, заключающееся в господстве над вещью. Но такое господство может осуществлять только обладатель права собственности (собственник), а не отдельного правомочия владения как части права собственности.

Вопрос о том, является ли владение фактом или правом, имеет важное значение в рамках настоящего исследования. Поскольку правопреемство воз-

¹ Вороной В. В. Указ. соч. С. 15.

² Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость : науч.-практ. пособие по применению гражд. законодательства / под общ. ред. В. Н. Соловьева ; науч. ред. С. В. Потапенко. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2012.

³ Вороной В. В. Указ. соч. С. 11–12.

можно только в правах, то, если рассматривать владение как фактическое состояние, возникает вопрос о порядке смены лица, занимающего место субъекта владения: будут ли применяться общие правила о правопреемстве? Так как в настоящее время действующим гражданским законодательством отдельно урегулировано лишь давностное владение, то интересна позиция Ю. Н. Андреева, предлагающего рассматривать «присоединение срока давностного владения к сроку владения нового владельца в силу п. 3 ст. 234 ГК РФ», являющееся единственным последствием смены владельца, как квази-преемственность, отличающуюся от классического правопреемства¹. Однако поскольку давностное владение – это факт, то и правопреемство в нем невозможно. Правопреемник может занять место правопреемника только в правоотношении собственности в целом, а не одной его части (правомочии владения).

Что же касается отнесения давностного владения в целом к первоначальным способам приобретения права, полагаем более справедливой позицию, выраженную Д. И. Мейером: поскольку «до последнего момента давностного срока вещь, состоящая в давностном владении, считается собственностью ее хозяина», то и сама «давность представляется производным способом приобретения права собственности»², а следовательно, к ней должны применяться правила о правопреемстве с некоторыми оговорками. К тому же нельзя забывать об ограниченных вещных правах, которые могут обременять вещь, право собственности на которую возникнет в силу давностного владения, так как они следуют за ней и также переходят в порядке правопреемства. Следовательно, по истечении срока приобретательной давности происходит смена лица, занимающего место субъекта правоотношения собственности, и завершается правопреемство, а само право собственности возникает у правопреемника, таким образом, производным способом.

¹ Андреев Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты : монография. М., 2013. С. 216–217.

² Мейер Д. И. Указ. соч. С. 254.

В соответствии с Законопроектом № 47538-6 в ГК РФ предлагается ввести еще ряд ограниченных вещных прав. Перечислим их, указывая возможности реализации в отношении таких прав способности к правопреемству:

1) право постоянного землевладения – эфитевзис (субъект этого права может его отчуждать, передавать его в залог или распоряжаться иным образом; в отношении него возможно универсальное и сингулярное правопреемство);

2) право застройки (так же как и эфитевзис, данное право может быть отчуждено, передано в залог, его субъект вправе распорядится им иным способом; установлена возможность его перехода в порядке универсального и сингулярного правопреемства);

3) право личного пользования – узуфрукт (данное право не может быть передано другому лицу, в том числе в порядке универсального правопреемства или по сделке);

4) право приобретения чужой недвижимой вещи (субъект этого права может передать это право другому лицу с одновременной передачей этому же лицу своих прав и обязанностей по договору, предусматривающему отчуждение вещи в его собственность);

5) право вещной выдачи (необоротоспособно, поскольку важное значение имеет личность субъекта данного права);

6) право ограниченного владения земельным участком (необоротоспособно отдельно от недвижимости, находящейся на земельном участке, обремененном данным правом; в настоящее время данные правила закреплены в ст. 271 ГК РФ).

Однако по поводу некоторых предлагаемых к введению в ГК РФ ограниченных вещных прав в научной литературе высказываются сомнения. Так, Е. А. Махиня в отношении права вещной выдачи отмечает, что «интерес обладателя данного права удовлетворяется за счет действий конкретного обязанного лица», в связи с чем «это право относительное (стороны правоотношения строго определены) и, возможно, обязательственное». К тому же у субъекта

данного права отсутствует правомочие владения. Единственное сходство права вещной выдачи с вещными правами заключается в установленной возможности распорядиться вещью путем обращения на нее взыскания в порядке, предусмотренном для ипотеки, в случае неполучения предоставления¹.

В. В. Витрянский также указывает на большую близость данного права с правами обязательственными, анализируя нормы о последствиях нарушения собственником недвижимой вещи обязанности по имущественному представлению². Действительно, согласно норме ст. 305.5 ГК РФ (в редакции Законопроекта № 47538-6) в случае таких нарушений к отношениям сторон применяются нормы об ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств, а в некоторых ситуациях – правила о последствиях нарушения отдельных видов договоров. К тому же в соответствии с ч. 2 ст. 305.1 порядок имущественного предоставления на основании права вещной выдачи определяется правилами о соответствующих видах договоров, на основании которых передаются такие товары, выполняются работы или оказываются услуги. Все это подтверждает сомнения в возможности отнесения права вещной выдачи к ограниченным вещным правам.

Что касается права приобретения чужой недвижимой вещи, отметим следующее. Е. А. Махиня не относит его к категории вещных на том основании, что это право дает возможность приобрести не саму вещь, а скорее права на нее. В обоснование своей позиции автор ссылается на то, что по правилам о праве приобретения чужой недвижимой вещи могут также быть приобретены ипотека или право застройки на чужую недвижимую вещь, «то есть по правилам о приобретении вещи приобретаются некоторые иные вещные права». К тому же субъект данного права лишен возможности господствовать над вещью, следовательно, у него отсутствует правомочие владения³.

¹ Махиня Е. А. Указ. соч. С. 35.

² См.: Витрянский В. В. Указ. соч. С. 513–521.

³ Махиня Е. А. Указ. соч. С. 35.

По своей сути право приобретения чужой недвижимой вещи относится к категории преимущественных прав покупки недвижимой вещи, о правовой природе которых в литературе до сих пор ведутся дискуссии. Ряд авторов безоговорочно относят такие преимущественные права к вещным¹. Однако существует и мнение, согласно которому преимущественное право покупки включает и обязательственные элементы. С. А. Сеницын, исследуя категории преимущественных прав и прав преимущества, приходит к следующим основным выводам.

1. Обязательственно-правовая составляющая права собственника на выкуп отчуждаемой доли в общем имуществе заключается в том, что «речь идет о правах и обязанностях собственников, в соответствии с которыми на одного собственника возложена обязанность уведомить другого о намерении продать принадлежащую ему долю в общем имуществе, а последний приобретает право требования к совершению данного действия»².

2. В то же время преимущественное право покупки соответствует таким признакам ограниченных вещных прав, как наличие права следования; установление его содержания непосредственно законом и необходимость регистрации; бессрочный характер; зависимость от существования права собственности как от основного вещного права; ограничение свободы собственника в распоряжении принадлежащим ему земельным участком и обременение последнего непосредственно; неотчуждаемость в отрыве от земельного участка³.

3. Права преимущества нельзя квалифицировать однозначно как вещные или обязательственные. Их следует рассматривать как «довольно редкое исключение из основополагающего принципа равенства субъектов гражданского права в связи с выделением и охраной интереса, подлежащего особой

¹ См.: Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве. С. 48; Пискунов Я. Указ. соч. С. 7–8.

² Сеницын С. А. Вещная природа преимущественных прав // Законодательство. 2008. № 10. С. 11.

³ Сеницын С. А. Указ. соч. С. 12–13.

регламентации и защите во имя обеспечения баланса имущественных отношений в обороте»¹.

4. Преимущественные права могут быть вещными (преимущественное право покупки земельного участка), обязательственными (ч. 3 ст. 522, ст. 621 ГК РФ), корпоративными (ст. 85, 93, 97 ГК РФ) и исключительными (ст. 1060 ГК РФ).

В итоге своих рассуждений С. А. Сеницын приходит к выводу о том, что право преимущественной покупки земельного участка имеет вещно-правовую природу, а права (правомочия) преимущества следует рассматривать в качестве «правомочия, входящего в состав конкретного субъективного гражданского права», но не как универсальный признак вещного права².

Подход к рассмотрению преимущественного права покупки в качестве ограниченного вещного права находит широкую поддержку в научной литературе, но в разных интерпретациях. Н. В. Зубарева, утверждая, что преимущественное право покупки имеет черты и абсолютного, и относительного права, все-таки склоняется к вещному его характеру. Автор говорит о том, что «преимущественное право покупки устанавливает два типа правовых связей правообладателя... первый – относительное право правообладателя, в котором обязанными лицами являются потенциальные продавцы (продавец) указанного в законе имущества и второй – абсолютное право правообладателя в отношении такого имущества, от нарушения которого должны воздерживаться все третьи лица, не имеющие аналогичного права»³. Однако далее Н. В. Зубарева отрицает рассмотрение продавца объекта преимущественного права покупки в качестве обязанного лица, в частности, потому, что законодательно не закреплена его обязанность продать такой объект именно лицу, обладающему преимущественным правом покупки, а не третьему лицу⁴. Следовательно, автор

¹ Там же. С. 14–15.

² Там же. С. 15.

³ Зубарева Н. В. Правовая природа преимущественного права покупки // Правосудие в Поволжье. 2006. № 3. С. 108.

⁴ Там же. С. 109.

исключает относительный характер рассматриваемого права. Также Н. В. Зубарева обоснованно отвергает и один из основных аргументов против отнесения преимущественного права покупки к числу вещных прав, а именно «невозможность защиты такого права вещным (виндикационным) иском». Она приводит следующие аргументы в подтверждение своей точки зрения: «...безусловно, вещное право – сервитут также не защищается виндикационным иском, поскольку владеть сервитутом как вещью невозможно, но однако защищать право на чужую вещь – сервитут можно и против собственника и против любого третьего лица, препятствующего отправлению сервитута... виндикационный иск – это требование лица, обращенное к суду об отобрании вещи у владельца, с которым истец не состоит в каких-либо обязательственных отношениях, и передаче ее истцу», а суть иска о переводе прав и обязанностей по сделке в случаях нарушения преимущественного права покупки заключается именно в этом¹.

В. А. Майборода считает, что «можно отклонить доводы о том, что преимущественное право покупки земельного участка представляет собой обязательственное отношение, поскольку в таком случае оно связывало бы лишь участников соответствующего правоотношения, не распространяя свое действие на всех третьих лиц»².

Л. Ю. Леонова выделяет такие признаки ограниченных вещных прав, которым соответствует преимущественное право покупки: «...оно существует до тех пор, пока сохраняется право общей собственности на вещь, оно следует за вещью, а не за обязанным лицом... осуществление права преимущественной покупки не влечет за собой его прекращения (при существовании общей собственности), поскольку при смене участника общей собственности продолжает действовать право преимущественной покупки при продаже доли посто-

¹ Там же. С. 111.

² Майборода В. А. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ронному лицу. Таким образом, существование преимущественного права покупки обусловлено не конкретными лицами и не действиями по его исполнению, а наличием права общей собственности на вещь»¹.

И. А. Емелькина считает, что «вещное участие управомоченного лица в силу преимущественного права покупки „в праве собственности другого” заключается не в возможности владения и (или) пользования, а в возможности приобретения чужого недвижимого имущества преимущественно перед всеми третьими лицами при определенных условиях»². Исследователь приходит к выводу о необходимости разграничения обязательственного и вещного преимущественного права покупки, последнее из которых в классической интерпретации и является ограниченным вещным правом. Однако, чтобы оно было безусловно признано таковым, необходимо внести некоторые изменения в российское гражданское законодательство, а именно установить необходимость государственной регистрации права, закрепить свойства следования, распространить принцип закрытого перечня и закрепления содержания законом, предоставить вещно-правовую защиту³.

Также в научной литературе возникает вопрос о правовой природе преимущественного права покупки, установленного договором. Сложились две противоположные точки зрения. Н. В. Зубарева считает, что такое право «не создает никаких правовых связей с третьими лицами и влечет правовые последствия только для участников договора», а следовательно, является относительным⁴. Как представляется, наиболее обоснована вторая точка зрения, которой придерживается, в частности, И. А. Емелькина, полагающая, что и «договорное» преимущественное право покупки должно иметь характер огра-

¹ Леонова Л. Ю. Преимущественное право покупки: история возникновения, осуществление и защита // Законодательство. 2002. № 9. С. 23–24.

² Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок : монография. М., 2011. С. 193.

³ Там же. С. 188.

⁴ См.: Зубарева Н. В. Указ. соч. С. 114.

ниченного вещного права, но для этого также необходима государственная регистрация таких прав, чтобы они стали известны всем третьим лицам и не было сомнения в их абсолютном характере¹.

Полагаем, что преимущественное право покупки обладает признаками ограниченных вещных прав и его следует относить к их числу. Следовательно, права приобретения чужой недвижимой вещи (именно права собственности на нее, а не ипотеки или права застройки) справедливо отнесены авторами Законопроекта № 47538-6 к перечню ограниченных вещных прав.

Проблема преемства в ограниченных вещных правах заключается в отождествлении категорий «право следования» и «правопреемство». Так, например, в судебной практике существует точка зрения, согласно которой правопреемство в отношении сервитута невозможно², сервитут переходит не в порядке универсального правопреемства, а в порядке следования права за вещью³.

Представляется, что право следования является самостоятельным правовым институтом и одним из основных признаков ограниченных вещных прав. Оно реализуется при преемстве в праве собственности на обремененную таким ограниченным вещным правом вещь и не влечет правопреемство в самом ограниченном вещном праве. Преемство же в ограниченном вещном праве происходит только при замене лица на месте его субъекта (управомоченного лица) в тех случаях, когда это допускается законом.

Реализация права следования при преемстве в праве собственности подтверждает особенности механизма правопреемства в вещных правах (в отличие от правопреемства в обязательствах). Особенно ярко это проявляется в таком классическом ограниченном вещном праве, как сервитут.

¹ См.: Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. С. 192.

² См.: Апелляционное определение Липецкого областного суда от 30 июня 2014 г. по делу № 33-1707/2014.

³ См.: Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 26 марта 2014 г. по делу № 33-1078/2014.

На основании договора об установлении сервитута возникают несколько правоотношений: одно вещное (так как речь идет об ограниченном вещном праве) и обязательственные. К обязательственным правоотношениям можно отнести условия о платности сервитута, об обязанности сервитутодателя совершать определенные действия (например, поддерживать обремененную сервитутом недвижимость в надлежащем состоянии). Так, Т. С. Краснова отмечает, что «один юридический факт может являться источником нескольких „простых” правоотношений – в одних интерес управомоченного лица удовлетворяется его собственными действиями, в других – действиями обязанного лица»¹.

При преемстве в праве собственности на обремененную вещь сервитут как ограниченное вещное право, безусловно, сохраняется посредством реализации права следования. А. Н. Латыев указывает, что «носитель ограниченного вещного права состоит в отношении не с собственником имущества (хотя, как правило, это отношение тоже имеет место быть, оно не является вещным, а может быть обязательственным или вовсе не гражданско-правовым), а со всяким лицом, на которое распространяется действие конкретной правовой системы. В связи с этим перемена собственника безразлична для существования ограниченных вещных прав, поскольку и прежний собственник, и новый входят в круг обязанных лиц»².

Но возникает вопрос: сохраняются ли обязательственные правоотношения, возникшие из договора об установлении сервитута? Позиции исследователей противоречивы.

Сторонниками сохранения таких обязательственных правоотношений при смене сервитутодателя являются приверженцы концепции вещных обязательств. Т. С. Краснова, анализируя место данной концепции в системе гражданских прав, выделила несколько основных подходов:

¹ Краснова Т. С. Отдельные аспекты учения о сервитуте в современном российском праве // Имуществ. отношения в Рос. Федерации. 2017. № 3. С. 9.

² Латыев А. Н. Право следования в российском гражданском праве. URL: <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article63.html>. – Загл. с экрана.

- вещное обязательство является неотъемлемой составляющей ограниченного вещного права;
- вещное обязательство относится к акцессорным обязательствам по отношению к ограниченному вещному праву;
- вещные обязательства занимают срединную позицию между субъективным вещным правом и субъективным обязательственным правом¹.

Т. С. Краснова утверждает, что «как вещное, так и обязательственные правоотношения, возникающие при установлении сервитута, в итоге опосредуют связь между участниками гражданского оборота по поводу недвижимой вещи. ... Вещное право делает возможным господство сервитуария над чужой вещью, а обязательственные права сервитуария и сервитутодателя – над чужим поведением. Однако господство над чужим поведением предоставляется исключительно для продуктивного и результативного господства над чужой вещью»². Исследователь приходит к выводу о необходимости закрепления в российском законодательстве нормы о сохранении как вещного, так и обязательственных прав при смене субъектов сервитута, если «заинтересованные лица не договорились об ином»³.

А. В. Семякина также отмечает, что «на современном этапе развития права рациональное обоснование надления вещных обязательств свойством следования определяется снижением экономических издержек сторон по сравнению с необходимостью заключать соглашения каждый раз с новым собственником или владельцем земельного участка, а также способствованием кооперации между собственниками соседствующей недвижимости»⁴. Тем не

¹ См.: Краснова Т. С. Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость: зарубежный опыт и новеллы российского законодательства // Вестн. экон. правосудия Рос. Федерации. 2015. № 1. С. 145.

² Краснова Т. С. Отдельные аспекты учения о сервитуте в современном российском праве. С. 9.

³ Там же. С. 10.

⁴ Семякина А. В. Вещные обязательства в отношении недвижимости: опыт правового регулирования в России и Великобритании // Имуществ. отношения в Рос. Федерации. 2020. № 12. С. 71.

менее исследователь приходит к выводу о невозможности замены «конструкции ограниченных вещных прав в Российской Федерации за счет единой категории вещных обязательств»¹.

Представляется недопустимым наделение обязательственных прав, возникающих при установлении сервитута, свойством следования. Согласно фундаментальному правилу обязательственного права «обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц)» (ч. 3 ст. 308 ГК РФ). Как отмечает А. Н. Латыев, это правило представляет собой «проявление основного качества обязательств – относительности этих правоотношений»². В наличии права следования ограниченных вещных прав и проявляется еще одна особенность механизма преемства в вещных правах в отличие от преемства в обязательствах, где свойство следования отсутствует. Это различие является следствием абсолютной природы любых вещных прав, а также особого способа правопреемства в вещных правах, связанного с передачей вещи.

При законодательном регулировании установления и перехода ограниченных вещных прав как прав, обладающих свойством следования, необходимо обеспечить баланс интересов собственников и субъектов ограниченных вещных прав. Как отмечает Т. С. Краснова, важно «согласовать два противоположных фактора. С одной стороны, желание обладать максимально полными правами в отношении чужой вещи, с другой – интерес собственника этой вещи в сохранении прав на нее без ограничений (обременений) или с установлением таковых в минимальном размере»³.

Прежде всего необходимо обеспечить публичность всех ограниченных вещных прав посредством закрепления требования об их обязательной государственной регистрации. Подтверждением существования проблем, связан-

¹ Там же. С. 75.

² Латыев А. Н. Право следования в российском гражданском праве.

³ Краснова Т. С. Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость... С. 156.

ных с отсутствием такого требования, является судебная практика. Так, Европейским судом по правам человека в 2019 году было рассмотрено дело Копыток против Российской Федерации¹. Гражданка Копыток приобрела квартиру, которая согласно договору купли-продажи не была обременена правами третьих лиц. Однако в квартире продолжили проживать бывший собственник квартиры Е. с дочерью, право пользования жилым помещением было и у других детей. Суд первой инстанции постановил выселить бывшего собственника Е. и ее дочь из квартиры, но признал право пользования жилым помещением за остальными детьми (поскольку они являлись членами семьи собственника приватизированного жилого помещения, которые дали согласие на приватизацию жилья). Так как дети бывшего собственника квартиры фактически не реализовали свое право пользования жилым помещением, ЕСПЧ удовлетворил жалобу Копыток частично и вынес постановление о компенсации морального вреда.

В 2015 году Конституционный Суд РФ при проверке конституционности статьи 19 Закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» постановил, что данная статья несовместима с Конституцией РФ в той мере, в какой она подрывает эффективную судебную защиту прав и законных интересов покупателя жилой недвижимости, который не знал и не мог знать о существовании членов семьи бывшего собственника, сохранивших право пользования этим имуществом. Конституционный Суд РФ предложил законодателю создать соответствующую правовую базу для обеспечения максимальной прозрачности информации о любых правах третьих лиц на имущество, в том числе путем введения государственной регистрации таких прав и

¹ См.: Дело «Копыток (Kopytok) против Российской Федерации» (жалоба № 48812/09) : Постановление ЕСПЧ от 15 янв. 2019 г. // Бюл. Европ. Суда по правам человека. Рос. изд. 2019. № 9.

интересов в собственности¹. Тем не менее до настоящего времени достаточная прозрачность информации не обеспечена.

Таким образом, перечень ограниченных вещных прав различается в действующем гражданском законодательстве и Законопроекте № 47538-6. При этом некоторые права, отнесенные названным законопроектом к ограниченным вещным, скорее имеют обязательственно-правовую природу. Законом установлены ограничения для правопреемства в ограниченных вещных правах по субъектному составу, которые на практике, тем не менее, соблюдаются не всегда. Смена лица, которому принадлежит какое-либо ограниченное вещное право (когда законом допускается возможность такой перемены лиц), и есть правопреемство. Наличие у ограниченных вещных прав такого признака, как право следования, обуславливает еще одну особенность механизма преемства в вещных правах (связанного с передачей вещи) в отличие от преемства в обязательствах, где свойство следования отсутствует. При этом само «право следования» можно обозначить в качестве признака ограниченных вещных прав лишь условно, поскольку оно представляет собой законодательное положение, в котором подтверждена самостоятельность ограниченных вещных прав посредством закрепления запрета прекращения ограниченных вещных прав на имущество при преемстве в праве собственности на обремененную вещь.

2.3 Порядок действия механизма преемства в вещных правах

Действие механизма преемства в вещных правах в отдельных фактических ситуациях имеет особенности, которые, на наш взгляд, состоят в основном в специальном порядке реализации способности к правопреемству, отли-

¹ См.: По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева : Постановление Конституц. Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П // Рос. газ. 2015. № 71.

чающемся в различных видах правопреемства. В научной литературе выделяются классификации правопреемства по разным основаниям. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего отметим, что ряд авторов указывают на существование дифференциации понятия «правопреемство» на уровне отраслей права¹. Данная классификация является наиболее общей. В настоящем исследовании осуществление способности к правопреемству рассматривается в рамках гражданского права.

Как отмечал Б. Б. Черепахин, «преемство в праве и преемство в обязанности могут иметь место каждое в отдельности» (например, институты уступки требования и перевода долга) либо «правопреемство может охватывать и определенные совокупности прав и обязанностей» (к примеру, при продаже дома, сданного в аренду, или при продаже заложенной вещи)².

Некоторые исследователи полагают, что правопреемство следует подразделять, в частности, на волевое и принудительное. Основание такого разделения – наличие или отсутствие воли субъекта (правопредшественника или правопреемника) на изменение правоотношения посредством правопреемства. Так, А. В. Козлова считает, что «под волевым правопреемством следует понимать передачу прав и обязанностей правопредшественника к правопреемнику по гражданскому правоотношению, исходя из обоюдного согласия как правопредшественника, так и правопреемника»³. По мнению Д. В. Носова, определяющей для выделения такой разновидности правопреемства, как волевое, является только воля правопредшественника⁴.

Принудительное правопреемство А. В. Козлова определяет как переход прав и обязанностей от правопредшественника к правопреемнику без воли

¹ См.: Ватников Д. Ю. Развитие теорий о правопреемстве в отечественной цивилистике // Вестн. Перм. ун-та. 2013. № 4 (22). С. 7; Закиров Р. Ю. Конструкция правопреемства и ее отраслевая специфика. С. 121–124.

² Черепахин Б. Б. Указ. соч. С. 13.

³ Козлова А. В. Принудительное правопреемство как правовой феномен российского гражданского права // Вестник молодых ученых ПГНИУ. 2016. № 6. С. 352.

⁴ См.: Носов Д. В. Указ. соч. С. 52–53.

кого-либо из них либо при отсутствии воли у обеих сторон исходя из фактических обстоятельств или в силу закона. На основании данного определения автор формулирует следующие признаки принудительного правопреемства: возможность принуждения как со стороны властного субъекта – государства, так и со стороны гражданско-правового субъекта; связанность реализации правопреемства с воздействием угрозы неприятных последствий как для правопреемника, так и для правопреемника; возможность осуществления через правоприменительные акты; основа применения – норма, указанная в ГК РФ¹. А. В. Козлова усматривает наличие такого правопреемства «при реорганизации юридического лица, в договорах цессии, при национализации и реквизиции, а также в иных правоотношениях»².

При этом справедливым представляется замечание Д. В. Носова о том, что принудительное правопреемство имеет место лишь в случаях отсутствия воли правопреемника. Автор в зависимости от вида юридического факта, который становится основанием правопреемства, подразделяет рассматриваемый вид правопреемства на чисто «принудительное» и «правопреемство, происходящее на основании события, которое не связано с волей участников правоотношения»³.

А. В. Козлова в свою очередь выделяет два подвида принудительного правопреемства: преемство, «в котором и правопреемник, и правопреемник не изъявляют воли к переходу прав», и преемство, «исходящее от третьих лиц, то есть правопреемство на основании административного либо судебного акта»⁴.

Н. А. Рябинин и К. Ю. Филипсон определяют принудительное правопреемство как «принудительный процесс изменения субъектного состава правоотношения, при котором в порядке производного приобретения субъективных прав и (или) юридических обязанностей происходит их переход от одного

¹ См.: Козлова А. В. Указ. соч. С. 354.

² Там же. С. 353.

³ Носов Д. В. Указ. соч. С. 52.

⁴ Козлова А. В. Указ. соч. С. 354.

лица (правопредшественника) к государству либо иному лицу (правопреемнику) в отношении одного и того же объекта правоотношения в случаях, прямо предусмотренных законом»¹. К случаям данного вида правопреемства авторы относят обращение взыскания на имущество по обязательствам; отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу; отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием участка; выкуп бесхозно содержимых культурных ценностей, домашних животных; изъятие земельного участка для государственных или муниципальных нужд по решению суда; изъятие земельного участка, используемого с нарушением российского законодательства; прекращение права собственности на бесхозно содержимое жилое помещение и др.².

По поводу данной классификации отметим следующее. Рассматривая в настоящем исследовании гражданско-правовую природу правопреемства, приходим к выводу о нецелесообразности выделения принудительного правопреемства. Эта позиция основана прежде всего на представлении о методе гражданско-правового регулирования как юридическом равенстве сторон. Следовательно, в данном случае правопреемство не может быть подразделено на принудительное и волевое. Оно в любом случае будет волевым. Что касается национализации и реквизиции, то важно указать, что возникающие в таких ситуациях правоотношения имеют иную отраслевую принадлежность (регулируются нормами публичного права). Отсутствие же воли правопреемника при наследовании по закону не делает такое правопреемство принудительным, так как определяющую роль в таком случае играет одностороннее волеизъявление правопреемника. К тому же само принуждение – сфера компетенции органов власти, которые в данной ситуации не относятся к субъектам гражданского права³.

¹ Рябинин Н. А. Принудительное правопреемство: общетеоретическая характеристика // Вестн. Сибир. юрид. института МВД России. 2020. № 3 (40). С. 180.

² См.: Там же. С. 177.

³ См.: Родионова О. М. Указ. соч. С. 385.

Поскольку правопреемство в первую очередь связано с изменением субъектного состава правоотношения, обоснованно замечание Т. М. Нинциевой о том, что «правопреемство может касаться только одной стороны правоотношения, так и обоих лиц взаимодействия, например, при изменении личности кредитора и должника»¹. При этом в зависимости от вида субъекта-правопреемника выделяют правопреемство индивидуальных и коллективных (юридические лица) субъектов правоотношений. Различие двух этих видов правопреемства, как пишет Д. В. Носов, в том, что «индивидуальные субъекты в правоотношении могут изменяться не только на основании своей воли, но и принуждения и такого события, как смерть индивидуального субъекта правоотношения. ...Правопреемство коллективных субъектов права не может происходить на основании события, так как коллективные субъекты правоотношений есть относительно устойчивые объединения людей, характеризующиеся определенной степенью единства воли и цели, а также определенной внутренней организацией»². С последней классификацией, думается, следует согласиться, но с оговоркой. Как указывалось выше, в сфере гражданского права из оснований правопреемства (обоих этих видов) необходимо исключить принуждение, а также иметь в виду, что смерть индивидуального субъекта правоотношения как юридический факт, лежащий в основе универсального правопреемства, не превращает такое правопреемство в принудительное, а является волевым, поскольку учитывается изъявленная правопреемником воля.

Наиболее значимым для настоящего исследования выступает деление на основании объекта правоотношения. Так, исследователи выделяют переход прав на вещи и в обязательствах³, однако при этом упускается из вида правопреемство прав и обязанностей в исключительных и корпоративных правоотношениях.

¹ Нинциева Т. М. Указ. соч. С. 316.

² Носов Д. В. Указ. соч. С. 53.

³ См.: Ватников Д. Ю. Развитие теорий о правопреемстве в отечественной цивилистике. С. 7; Закиров Р. Ю. Понятие и признаки сингулярного правопреемства // Современ. тенденции развития гражд. и гражд. процессуал. законодательства и практики его применения. 2016. № 3. С. 102; Нинциева Т. М. Указ. соч. С. 316.

Однако общепризнанным является выделение сингулярного и универсального правопреемства. Кратко остановимся на их различиях.

Прежде всего неодинаково определяется авторами основание данной классификации. К примеру, Д. В. Носов полагает, что таким основанием является количество правоотношений, в которых заменяется субъект¹. Б. Б. Черепахин указывал на различие в объеме прав и обязанностей, переходящих в порядке правопреемства. Он писал, что «универсальное правопреемство коренным образом отличается от сингулярного (частичного) правопреемства, т. е. преемства в отдельных правах или обязанностях, и от преемства отдельной совокупности прав и обязанностей»². Последняя точка зрения представляется наиболее приемлемой, поскольку правопреемство характеризуется именно как производное правоприобретение, в то время как изменение субъекта правоотношения показывает, каким образом осуществляется этот процесс.

Особенности каждого из указанных видов правопреемства формулируются исследователями по-разному, однако не противоречат друг другу, а, напротив, наиболее полно отражают их сущность. Еще Ф. К. фон Савиньи определял предмет универсального правопреемства – имущество – «как идеальное целое, что означает, что при этом полностью абстрагируются от его особого содержания в виде количества (от денежной стоимости) и качества (от вида содержащихся в нем отдельных прав и предметов этих прав)». Напротив, если при сингулярном правопреемстве переходят и несколько объединенных имущественных прав, «каждое из них переходит само по себе, не вступая в связь с другими вследствие этого случайного общего перехода». Особенность универсального правопреемства заключается также в том, что «это искусственное правоотношение не может применяться по своему усмотрению в лю-

¹ См.: Носов Д. В. О классификации явления правопреемства в теории права // Пермский конгресс ученых-юристов: тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 22 окт. 2010 г.) / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2010. С. 52.

² Черепахин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву. М.: Госюриздат, 1962. С. 14.

бых целях; оно предписано, напротив, только для ряда определенных, отдельных случаев, в которых оно возникает всегда и без учета (возможно, противоположного) личного решения»¹. А С. В. Строк обращает внимание на «особенности тех процессов, в результате которых возникает правопреемство». Так, при универсальном правопреемстве происходит выбытие субъекта из всех правоотношений, участником которых он был, вследствие прекращения правосубъектности гражданина или юридического лица. Поэтому, как считает автор, оно представляет собой всеобщее преемство и присутствует во всех правоотношениях. Следовательно, «применительно к универсальному правопреемству нельзя говорить о какой-либо иной совокупности правоотношений, переходящих к правопреемнику прав и обязанностей, кроме всех, в отношении которых возможно правопреемство»².

Р. Ю. Закиров считает, что универсальное правопреемство представляет собой воспроизводство на стороне нового лица юридической ситуации предшественника как таковой. По его мнению, в отличие от последнего, сингулярное (частное) правопреемство характеризуется тем, что «субъект преемства воспринимает лишь отдельные права, прежде принадлежавшие другому лицу». Справедливо замечание автора и о том, что «различие между сингулярным и универсальным преемством не количественное, а качественное, потому что в первом случае новый субъект отношения занимает место только активного субъекта, тогда как во втором он входит в положение и пассивного субъекта»³.

Таким образом, при сингулярном правопреемстве к правопреемнику переходит только одно право и (или) обязанность либо их совокупность, вследствие чего он заменяет правопредшественника в одном или нескольких правоотношениях. В случаях же универсального правопреемства правопреемник

¹ Система современного римского права. Т. 2. С. 217–219.

² Строк С. В. Правопреемство в порядке наследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 16–18.

³ Закиров Р. Ю. Правопреемство в обязательственном правоотношении. С. 179.

(или правопреемники) замещает правопродшественника во всех правоотношениях, субъектом которых последний являлся, продолжая тем самым его «юридическую личность» во всей совокупности прав и обязанностей, за исключением тесно связанных с личностью правопродшественника. Эта совокупность прав и обязанностей представляет собой «идеальное целое» в отличие от совокупности прав и обязанностей, которая может стать предметом сингулярного правопреемства, так как в этой ситуации каждое право и обязанность являются отдельными, вычлененными из всех иных прав и обязанностей правопродшественника. Основание данной классификации – целостность правовой сферы субъекта, в которой происходит замена лица.

Как известно, универсальное правопреемство имеет место в двух ситуациях: при наследовании и при реорганизации юридических лиц. Анализируя подходы к правовой сущности универсального правопреемства при наследовании, Н. С. Бессараб отмечает, что оно рассматривается как принцип наследственного права, особенность метода правового регулирования наследственных отношений. Автор приходит к выводу о том, что наследственное правопреемство – это «институт наследственного права, который является важнейшим в своей подотрасли, поскольку именно на его основе возникают, изменяются и прекращаются наследственные правоотношения... наследственное правопреемство представляет собой правовую категорию, посредством которой осуществляется переход права от одного лица к другому на открывшееся наследство»¹.

Следует оговориться, что способность к наследованию, так же как и способность к созданию юридических лиц (в рассматриваемом случае – в форме реорганизации), и способность к правопреемству составляют элементы гражданской правоспособности. В ситуациях универсального правопреемства реализация способности к наследованию (в частности, посредством составле-

¹ Бессараб Н. С. Наследственное правопреемство: актуальные вопросы // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. 2013. № 1–2. С. 40–42.

ния завещания) или способности к созданию юридических лиц (в форме реорганизации, в том числе посредством принятия решения о реорганизации) приводит к реализации способности к правопреемству, т. е. осуществление способности к правопреемству является основной частью реализации двух других способностей, которые, тем не менее, им не исчерпываются.

Что касается наследственного правопреемства, то ряд авторов отмечают условность понятий «наследование по завещанию», «наследование по наследственному договору» и «наследование по закону». Это обусловлено тем, что согласно императивной норме п. 1 ст. 1110 ГК РФ имущество умершего переходит в порядке универсального правопреемства. Поэтому эти порядки наследования основаны на законе с тем лишь отличием, что фактический состав, лежащий в основе правопреемства, в случае наследования по завещанию включает (помимо события – смерти наследодателя) еще и одностороннюю сделку – завещание¹, а в случае наследования по наследственному договору – двустороннюю сделку – наследственный договор. Таким образом, наследование по завещанию, по наследственному договору и по закону можно рассматривать в качестве подвидов универсального правопреемства при наследовании, основание выделения которых – порядок определения правопреемников.

Универсальность наследования, по мнению некоторых исследователей, состоит «в целостности наследственного правопреемства, которая не нарушается ни тем обстоятельством, что призывается не один, а несколько наследников, призываются не по одному основанию, но по разным основаниям, ни тем обстоятельством, что наследство распределяется в соответствии с причитающимися наследственными долями»², а также в том, что «наследник не может избирательно принять те или иные права и обязанности, отказавшись от других»³.

¹ См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 18.

² Там же. С. 67.

³ Попова Ю. А. Указ. соч. С. 1660.

Наследственная масса включает актив как совокупность прав (вещных, исключительных, корпоративных, а также обязательственных требований) и пассив как совокупность обязанностей (обязательственные правоотношения, в которых наследодатель участвовал в качестве должника)¹. В то же время, как справедливо отмечается в научной литературе, «целостность имущества, переходящего к наследнику, является ситуационной, временной, призванной подчеркнуть только универсальность перехода прав и обязанностей в момент наследования. Этот термин не предполагает, что наследственная масса является неделимой вещью, сложной вещью, имущественным комплексом, как иногда утверждается»².

Л. А. Лушина, Л. В. Мищенко выделяют следующие признаки универсального правопреемства при наследовании:

- 1) единство наследственной массы;
- 2) непосредственность приобретения наследства;
- 3) неизменность наследства³.

Т. Д. Чепига дополняет этот перечень следующими признаками, или, как их обозначает автор, «характерными свойствами»: «имеет общее единое основание в виде открытия и принятия наследства, в чем бы наследство ни заключалось и где бы оно ни находилось; осуществляется в один и тот же момент – момент открытия наследства, независимо от осложнений, возникающих в связи с приобретением наследства; определяется точным установлением правопреемников, которые становятся субъектами прав и обязанностей взамен наследодателя; отличается императивной регламентацией, включающей правила, обозначающие пределы, условия и формы влияния свободы завещания

¹ См.: Лушина Л. А., Мищенко Л. В. К вопросу об универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях // Юрид. техника. 2011. № 5. С. 299–300.

² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Ч. 3 : учеб.-практ. комментарий / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. М., 2016. С. 4.

³ См.: Лушина Л. А., Мищенко Л. В. Указ. соч. С. 299–300.

на основания и порядок наследственного правопреемства, и правила, определяющие способы, основания, условия осуществления свободы приобретения наследниками наследства»¹.

Однако отмечается наличие ряда исключений из общих правил об универсальности наследственного правопреемства. К ним, в частности, относят следующие: невключение в наследственную массу имущественных прав (обязанностей), тесно связанных с личностью наследодателя; «возможность наследника отказаться от принятия наследства по одному из оснований (по завещанию, по закону, в порядке наследственной трансмиссии)»². Указанные исключения демонстрируют изъятия из принципа единства.

Ряд других исключений касается принципа неизменности. Выделяют две категории таких изъятий. Первая из них направлена на защиту прав и законных интересов третьих лиц. При этом «к наследнику переходит не то право, которое принадлежало наследодателю, а иное право», но связанное с правом наследодателя, то есть модифицированное. В подобных ситуациях в законе устанавливается, что «на место имущественного права, принадлежавшего наследодателю, становится право на получение компенсации за стоимость переходящего права» (ч. 2 ст. 78 ГК РФ, ст. 1179 ГК РФ, п. 5 ст. 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³, п. 3 ст. 7 Федерального закона от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ «О производственных кооперативах»⁴, п. 5 ч. 14 Федерального закона от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»⁵). Вторая категория исключений из принципа неизменности – изъятия, «обусловленные тем, что

¹ Чепига Т. Д. Наследственное правопреемство: некоторые проблемы и решения. С. 59.

² Лушина Л. А., Мищенко Л. В. Указ. соч. С. 299–300.

³ См.: Об обществах с ограниченной ответственностью : Федер. закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

⁴ См.: О производственных кооперативах : Федер. закон от 8 мая 1996 г. № 41-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 20. Ст. 2321.

⁵ См.: О кредитной кооперации : Федер. закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29. Ст. 3627.

закон связывает со смертью обладателя имущественного права изменение срока существования этого права» (ст. 1281 ГК РФ, абз. 2 ч. 2 ст. 1156 ГК РФ)¹.

Существование подобных исключений вызывает неоднозначную оценку исследователей. Некоторые из них полагают, что их наличие «дает основание в определенной мере усомниться не только в полноте реализации принципа универсальности правопреемства в российском наследственном праве, но и в логичности толкования законодателем конституционных норм, предопределяющих возможность и порядок ограничения конституционных прав, одним из которых является право наследования»². Однако, несмотря на некоторое ограничение свободы наследования, такие изъятия «отвечают критериям разумности и соразмерности, установленным в Постановлении КС РФ от 16.01.1996 № 1-П³»⁴. Принцип универсальности указанными исключениями ни в коем случае не нарушается. Этот вывод основан на том, что достигается конечная цель такого правопреемства: наследники заменяют наследодателя во всех правоотношениях, участником которых последний являлся при жизни. Несмотря на некоторые исключения из общих правил, в результате правопреемства не остается прав, обязанностей, долгов, не принадлежащих субъектам их осуществления и исполнения. Другими словами, не возникает ситуаций, при которых могли бы существовать «ничьи», «бессубъектные» права или обязанности. Изъятия же направлены прежде всего на обеспечение интересов самих наследников-правопреемников и третьих лиц, а также на поддержание устойчивости гражданского оборота.

В научной литературе широко распространена точка зрения о возможности перехода при наследовании некоторых имущественных прав в порядке

¹ См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 8.

² Лушина Л. А., Мищенко Л. В. Указ. соч. С. 301.

³ По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. Б. Наумова : Постановление Конституц. Суда РФ от 16 января 1996 г. № 1-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 4. Ст. 408.

⁴ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 10.

сингулярного, а не универсального правопреемства. Однако большинство исследователей сходятся в том, что выделяемые случаи сингулярного правопреемства не исключают универсальность наследственного правопреемства в целом¹.

Прежде всего к таким ситуациям относят завещательный отказ², поскольку, как отмечает С. С. Каширский, по римскому праву «получатель легата становился правопреемником наследодателя в каком-либо праве, при этом переходе в данном случае подвергалось только „чистое” право, свободное от всякой ответственности за долги наследодателя»³. Е. А. Флейшиц также находила сингулярность перехода права посредством завещательного отказа в том, что «в лице легатария возникает в силу завещания одно или несколько определенных прав без возложения на легатарию ответственности по обязательствам наследодателя»⁴. Е. В. Цыпляева обосновывает эту позицию следующим образом: «К легатарию не переходит наследственное имущество как единое целое, а только та его часть, которую предусмотрел в завещании наследодатель, неизменность имущества также не сохраняется»⁵.

Однако, представляется, безосновательно усматривать в завещательном отказе случай сингулярного правопреемства при наследовании. Суть наследственного правопреемства – замещение наследником наследодателя в уже существующих правоотношениях. При завещательном отказе на наследника возлагается обязанность, которая не существовала ранее для наследодателя. «Наследник не заменяет наследодателя в каком-либо правоотношении, так как

¹ См.: Закиров Р. Ю. Понятие и признаки сингулярного правопреемства. С. 100; Попова Ю. А. Указ. соч. С. 1659-1660; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. С. 4; Мукан Б. Н. Наследственное правопреемство и его правовое регулирование // Образование и наука в соврем. условиях. 2017. № 1 (10). С. 366.

² См.: Закиров Р. Ю. Понятие и признаки сингулярного правопреемства. С. 103; Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации : Общая часть. С. 23; Он же. Гражданское право Российской Федерации : Особенная часть. С. 90; Кириллова Е. А. Указ. соч. С. 7–9; Сулейменов М. К. Указ. соч. С. 275.

³ Каширский С. С. Указ. соч. С. 40.

⁴ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 489.

⁵ Цыпляева Е. В. Указ. соч. С. 50.

у него обязанность по выполнению отказа появляется впервые»¹. В результате рассуждений по этому вопросу С. С. Каширский приходит к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что «завещательный отказ не может рассматриваться как случай сингулярного правопреемства, так и случай правопреемства вообще»².

Так как наследодатель совершает завещательный отказ посредством указания его в завещании, то некоторые авторы отмечают производность права отказополучателя. С. С. Каширский указывает, что «в рамках наследования возможно производное приобретение прав и обязанностей, которое не связано с правопреемством», но находит «некий оттенок производности» в том, что при завещательном отказе «фактически имеет место первоначальное возникновение правового взаимодействия, которое, в то же время, было бы немыслимо без выраженной воли наследодателя»³. Тем не менее производность права, как представляется, означает прежде всего непосредственную связь права отказополучателя и правопреемника. Но отказополучатель не является правопреемником наследодателя. Следовательно, непосредственная производность права в данном случае отсутствует. «Отказополучатели не являются субъектами наследственного правопреемства, поскольку их право основывается не на самом завещании, а на факте вступления наследника в наследство ... их обязательства самостоятельны, а процесс приобретения имущества не является наследственным правопреемством»⁴. Они «действуют по отношению к имуществу умершего не как наследники, а как кредиторы наследника, имеющие право требовать от последнего совершения определенных действий»⁵. Таким образом, у отказополучателя возникает новое право в рамках относительного обязательственного отношения между ним и его кредитором – наследником наследодателя, на которого возложен завещательный

¹ Каширский С. С. Указ. соч. С. 86.

² Там же.

³ Каширский С. С. О соотношении понятий «правопреемство» и «наследственное правоотношение» // ДНК права. 2014. № 1. С. 30–31.

⁴ Цыпляева Е. В. Указ. соч. С. 48.

⁵ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. С. 5.

отказ. В рамках этого отношения уже и будет иметь место сингулярное правопреемство. Эта позиция находит поддержку и в научной литературе¹.

Следующий случай – наследственная трансмиссия². «В данном случае правомерно говорить именно об определенной замене лица в субъектном составе уже существующего наследственного правоотношения»³. Поскольку замена лица и есть суть правопреемства, то в данном случае возникает преемство прав в рамках наследственного правоотношения, но не равнозначное наследственному преемству. К тому же право на принятие наследства не входит в состав наследства, открывшегося после смерти умершего наследника, потому что оно не относится к объектам наследования и переход подобного права к трансмиссару не рассматривается в качестве наследственного правопреемства⁴.

Кроме того, к сингулярному правопреемству при наследовании относят переход прав в ситуации, указанной в Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»⁵. Данная ситуация касается прав на оказание услуг связи лицам, наследующим телефонизированные помещения. Такие случаи относят к сингулярному правопреемству, в частности, потому, что «на эти права не может быть обращено взыскание по долгам умершего гражданина»⁶. «Вместе с тем соответствующие права не относятся к наследственному имуществу, поскольку возникают у наследников как первоначальные»⁷. Данная позиция яв-

¹ См.: Цыпляева Е. В. Указ. соч. С. 50; Асаинова Л. С. Сингулярное правопреемство в наследственных отношениях // Проблемы становления гражданского общества : сб. ст. VI Междунар. науч. студенч. конф., Иркутск, 30 марта 2018 г. Иркутск, 2018. Ч. 2. С. 12.

² См.: Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 9–10; Попова Ю. А. Указ. соч. С. 1659–1660.

³ Каширский С. С. О соотношении понятий «правопреемство» и «наследственное правоотношение». С. 30–31.

⁴ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. М., 2014. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵ О связи : Федер. закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ // Рос. газ. 2003. № 135.

⁶ Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 9.

⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный).

ляется наиболее обоснованной, поскольку соответствует нормам действующего законодательства. Так, согласно абз. 4 п. 5 ст. 45 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» при наследовании указанного помещения с наследником заключается договор об оказании услуг связи, то есть возникает новое правоотношение, а не изменяется прежнее, субъектом которого был наследодатель.

К сингулярному наследственному преемству Б. Б. Черепахин относил «переход права требования вклада в сберегательной кассе или государственном банке после смерти вкладчика к лицу, указанному в письменном заявлении кассе или банку»¹. В современной литературе также отмечается, что такие ситуации подпадают под признаки сингулярного правопреемства, объектом которого является «право получения от банка денежных средств, состоящих из суммы, внесенной на вклад, и суммы начисленных процентов»². Однако, как обоснованно отмечают ряд исследователей, «не входя в состав наследства, такие вклады не могут быть объектом наследственного правопреемства, а значит, рассуждения о природе подобного правопреемства не меняют существующего положения дел в отношении универсальности наследственного правопреемства»³.

Наличие сингулярного правопреемства при наследовании в ситуации, когда наследодатель в завещании четко определяет наследников конкретного имущества при том, что иного имущества и долгов у него нет, также опровергается исследователями, поскольку указывается на возможность «выявления неизвестного до момента принятия наследства долга или актива наследодателя»⁴.

¹ Черепахин Б. Б. Указ. соч. С. 14–15.

² Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Т. 2. С. 10.

³ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный).

⁴ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. С. 6; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный).

Таким образом, наследственное правопреемство всегда является универсальным. Завещательный отказ не является преемством как таковым, а сингулярное правопреемство может возникнуть уже при исполнении такого отказа наследником, на которого он возложен. Наследственная трансмиссия, представляющая собой, по сути, преемство прав, тем не менее наследственным правопреемством не является. Поэтому верной представляется высказанная рядом авторов позиция о том, что «имеет смысл проводить различие между наследственным и иным посмертным правопреемством. При этом наследственное правопреемство всегда остается универсальным, а иное посмертное правопреемство может быть и сингулярным»¹. Так, можно выделить ситуации, при которых переход имущества наследодателя происходит не в рамках наследственного правопреемства. Это может быть связано с исключением некоторого имущества из состава наследственной массы (пусть только и первоначально), что приводит к выводу о невозможности отнесения такого преемства к универсальному наследственному правопреемству. Примером такого правопреемства является закрепленное в ч. 1 ст. 1183 ГК РФ право на получение подлежавших выплате наследодателю, но не полученных им при жизни по какой-либо причине сумм заработной платы и приравненных к ней платежей, пенсий, стипендий, пособий по социальному страхованию, возмещения вреда, причиненного жизни или здоровью, алиментов и иных денежных сумм, предоставленных гражданину в качестве средств к существованию, принадлежащее проживавшим совместно с умершим членам его семьи, а также его нетрудоспособным иждивенцам независимо от того, проживали они совместно с умершим или не проживали.

В соответствии со ст. 129 ГК РФ универсальное правопреемство характерно не только для наследования, но и для реорганизации юридических лиц. Среди ученых не сложилось единого мнения об отнесении правопреемства при реорганизации в различных формах к универсальному или сингулярному.

¹ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный).

Фундаментальное исследование института реорганизации юридических лиц проведено А. В. Габовым. Он считает, что реорганизация не относится исключительно к универсальному правопреемству, при этом рассматривает правопреемство как одно из последствий реорганизации. Ученый указывает следующее: «Правопреемство, создание юридического лица, прекращение юридического лица – это последствия осуществления реорганизации. Попытка объяснить через исключительно одно из последствий всю реорганизацию заранее обречена на провал, поскольку в этом случае игнорируется значение всех остальных последствий»¹.

С целью доказывания отсутствия универсального правопреемства при реорганизации А. В. Габовым проводится аналогия правопреемства при реорганизации и правопреемства при наследовании². Однако многие положения этого подхода критикуются, в частности, М. К. Сулейменовым. Так, исследователь отмечает, что «наследование является одним из видов универсального правопреемства. ... Неприемлемо распространять признаки одного вида на другой вид. Задача заключается в том, чтобы на основе особенностей обоих видов выработать общие признаки универсального правопреемства»³. Также М. К. Сулейменову кажутся неубедительными аргументы А. В. Габова о том, что признак «в неизменном виде» не характеризует переход имущества при реорганизации, поскольку «совершенно неважно, каким было имущество до момента его передачи, то есть составления разделительного баланса», при наследовании «картина такая же: от открытия наследства до его принятия проходит значительное время, но признак “в неизменном виде” применяется именно к моменту перехода наследственного имущества, то есть к моменту его принятия»⁴. Не согласен ученый и с позицией А. В. Габова об отсутствии

¹ Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 томах. Том 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. С. 83.

² Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект). С. 247–252.

³ См.: Сулейменов М. К. Указ. соч. С. 226.

⁴ Там же. С. 227.

универсального правопреемства при выделении, так как «понятие универсальности применимо именно к тому имуществу, которое передается. Вопрос в том передается ли оно целиком и полностью как единое целое (универсальное), или передаются отдельные права и обязанности (сингулярное)». М. К. Сулейменов приходит к выводу, что при выделении «можно говорить о конститутивном правопреемстве»¹.

А. В. Габов в рассматриваемом контексте выделяет три варианта последствий при реорганизации: универсального правопреемства при слиянии, присоединении, разделении; частичного – при выделении, преобразовании («когда речь идет о правах и обязанностях в отношении учредителей (участников) реорганизуемого лица»); отсутствие правопреемства при преобразовании («когда нет изменений в правах и обязанностях учредителей (участников) реорганизуемого лица»)².

Т. В. Вагайцева разделяет все формы реорганизации на три группы в зависимости от объема переходящих прав и количества правопреемников. К первой группе она относит такие формы, как слияние, присоединение и преобразование, при которых права и обязанности переходят к одному правопреемнику в полном объеме. Вторая группа определяется тем, что права и обязанности переходят также в полном объеме, но к нескольким правопреемникам. Эта ситуация свойственна для реорганизации в форме разделения. К третьей группе автор относит выделение, характеризуя его частичным переходом прав и обязанностей к одному или нескольким правопреемникам³.

В. С. Горбунов выделяет две точки зрения в теории гражданского права о правопреемстве при реорганизации. В соответствии с одной из них «реорганизация во всех формах характеризуется универсальным (полным) правопреемством».

¹ Там же.

² Габов А. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 35.

³ См.: Вагайцева Т. В. Правопреемство при реорганизации юридических лиц // Нотариус. 2008. № 4. С. 45.

емством», согласно другой – «часть форм реорганизации характеризуется сингулярным (частичным) правопреемством»¹. Особое внимание исследователь уделяет анализу второй точки зрения. Указывая, что сингулярное правопреемство характерно для выделения, автор приводит следующие доводы в поддержку этой позиции: реорганизуемое лицо продолжает свою деятельность и сохраняет за собой права и обязанности, не переданные выделенному юридическому лицу; к созданному юридическому лицу переходят только права и обязанности, указанные в передаточном акте; ряд обязанностей не может быть предметом правопреемства².

М. Г. Буничева, придерживающаяся точки зрения на выделение как на случай сингулярного правопреемства, подтверждает свою позицию тем, что в рассматриваемой ситуации, «во-первых, к одному или нескольким правопреемникам (выделенным юридическим лицам) переходят не все, а лишь часть прав и обязанностей реорганизованного юридического лица, другая их часть остается у реорганизованного юридического лица; во-вторых, с правовой точки зрения реорганизованное лицо не является новым юридическим лицом, как на то указывается некоторыми авторами, прекращения его деятельности не происходит»³.

А. В. Качалова отмечает, что «при разделении и выделении преемства прав и обязанностей реорганизуемого юридического лица в целом не наблюдается, поскольку они распределяются между лицами, образованными в процессе реорганизации»⁴. Т. А. Нуждин анализирует точку зрения Е. В. Рудяк, «которая считает, что при реорганизации в форме выделения происходит универсальное правопреемство, которое на стадии фактической передачи прав и обязанностей трансформируется в сингулярное правопреемство». Однако ав-

¹ Горбунов В. С. Правопреемство при реорганизации корпораций // Молодой ученый. 2017. № 21 (155). С. 298–299.

² См.: Там же.

³ Буничева М. Г. Указ. соч. С. 86.

⁴ Качалова А. В. Новое в правовом регулировании реорганизации корпораций на примере хозяйственных обществ. С. 102.

тор считает такую позицию необоснованной и не доказывающей универсальность правопреемства при реорганизации в форме выделения¹. Аргументы в поддержку аналогичной позиции приводит и А. В. Габов².

Однако существует и противоположное мнение по поводу правопреемства при выделении юридических лиц. Так, Т. В. Вагайцева указывает, что «при разделении и выделении права и обязанности реорганизованного юридического лица переходят, хотя и в порядке универсального правопреемства, но в соответствии с разделительным балансом, т. е. переходит лишь соответствующая часть прав и обязанностей»³.

По мнению В. П. Емельянцева, «при выделении юридического лица имущество также переходит именно в порядке универсального правопреемства, так как при переходе части имущества (меньшей или большей из его частей) какого-либо специального соглашения для вступления нового лица (правопреемника) в конкретное правоотношение в каждом отдельном случае не требуется»⁴.

П. А. Марков усматривает универсальность правопреемства в рассматриваемом случае в том, что «при реорганизации... передаются как вещи, имущественные и исключительные права, так и имущественные обязанности»⁵. Сходной позиции придерживается и О. М. Родионова, которая пишет, что «правопреемство при реорганизации носит универсальный характер, поскольку замена лица происходит одновременно как в требованиях, так и в обязанностях уже существующих гражданских правоотношений, а не только в требованиях или обязанностях, как, например, в случаях цессии или перевода долга в обязательствах»⁶. А. Г. Ананьев и М. А. Исаков отмечают, что «правопреемственные отношения, складывающиеся между юридическими лицами,

¹ Нуждин Т. А. Указ. соч.

² См. : Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 томах. Том 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц. С. 106–107.

³ Вагайцева Т. В. Указ. соч. С. 45.

⁴ Емельянцев В. П. Указ. соч. С. 230.

⁵ Марков П. А. Указ. соч. С. 16.

⁶ Родионова О. М. Указ. соч. С. 371.

являются легальным механизмом сохранения, либо распределения того комплекса прав и обязанностей, а также имущества, которое юридическое лицо приобрело в процессе своей жизнедеятельности»¹, чем подтверждают универсальность правопреемства при реорганизации.

Согласимся с первой точкой зрения. «Универсальность» правопреемства при выделении как форме реорганизации юридических лиц прослеживается только в том, что вновь создаваемое юридическое лицо заменяет реорганизуемое юридическое лицо в определенной совокупности прав и обязанностей, которые образуют его правосубъектность и в этом смысле данная совокупность является неделимой. Однако сущность универсального правопреемства заключается в замене юридической личности правопреемника во всем объеме его прав и обязанностей, в связи с тем, что он прекращает свое существование. При выделении этого не происходит, следовательно, необходимо рассматривать такое правопреемство как сингулярное.

Что касается правопреемства при преобразовании юридических лиц, отметим следующее. Ряд исследователей относят правопреемство при этой форме реорганизации к универсальному². Однако Т. А. Нуждин отмечает, что «универсальный характер правопреемства прав и обязанностей отсутствует в преобразовании»³, не комментируя при этом, какое правопреемство свойственно данной форме реорганизации. В. С. Горбунов же указывает, что преобразование в настоящее время «рассматривается только как смена организационно-правовой формы с сохранением правоспособности преобразованной корпорации»; оно «не сопровождается правопреемством»⁴.

Действительно, представляется наиболее обоснованным и соответствующим действующему законодательству мнение о том, что преобразование не

¹ Ананьев А. Г. К вопросу о правопреемстве юридических лиц в контексте гражданско-правовых отношений // Науч.-образоват. журн. для студентов и преподавателей «StudNet». 2020. № 5. С. 30.

² См.: Буничева М. Г. Указ. соч. С. 86; Качалова А. В. Новое в правовом регулировании реорганизации корпораций на примере хозяйственных обществ. С. 102; Марков П. А. Указ. соч. С. 16.

³ Нуждин Т. А. Указ. соч.

⁴ Горбунов В. С. Указ. соч. С. 298–299.

сопровождается правопреемством. Согласно ч. 5 ст. 58 ГК РФ при преобразовании права и обязанности реорганизованного юридического лица в отношении других лиц не изменяются, следовательно, правопреемство отсутствует.

Исходя из вышеприведенных позиций исследователей, можно заключить, что универсальность правопреемства обоснованно не оспаривается при реорганизации в форме слияния, присоединения, разделения. Правопреемство при выделении необходимо рассматривать как сингулярное. И хотя в литературе отмечается, что «правопреемство является абсолютным признаком, позволяющим разграничить реорганизацию и ликвидацию юридических лиц»¹, преобразование не сопровождается правопреемством.

При соотношении универсального и сингулярного правопреемства важно учитывать, что последнее может быть основано на законе (например, при исполнении обязательства должника его поручителем или залогодателем, а также суброгации в имущественном страховании), но чаще всего – на соглашении сторон², что объединяет рассматриваемые виды. Вместе с тем их разделяет то, что «при универсальном правопреемстве отчуждения имущества не происходит»³. Исследователи указывают на то, что «отчуждением (в смысле действия) называется такой акт распоряжения имуществом, целью и результатом которого является смена собственника этого имущества; отчуждением (в смысле результата) признается смена собственника имущества, наступившая вследствие целенаправленного действия (юридического акта) отчуждения». При этом справедливо заключается, что указанный термин должен пониматься более широко и обозначать не только акты перемены собственника, но и акты, направленные на перемену носителей любых субъективных прав вообще безотносительно к природе этих прав, а также результатов таких актов.

¹ Марков П. А. Указ. соч. С. 16.

² См.: Закиров Р. Ю. Указ. соч. С. 102; Добрачев Д. В. Сингулярное правопреемство в обязательстве как основание изменения гражданского правоотношения // Законодательство и экономика. 2016. № 2. С. 50.

³ Белов В. А. Отчуждение и приобретение по российскому Гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) // Законодательство. 2006. № 7. С. 10.

Для уточнения порядка преемства в вещных правах при наследовании и реорганизации юридических лиц, возвратимся к различию между правопреемством в вещных, обязательственных, исключительных и корпоративных правоотношениях.

Для собственника важен сам факт того, чтобы «либо непосредственно, либо опосредованно, вступая в обязательственные и иные отношения с третьими лицами по поводу принадлежащей ему вещи... извлечь для себя выгоду из этой вещи». В то же время применение «такого подхода на оборот прав требования (долгов) представляется недопустимым» в связи с тем, что «право требования обладает некоторой ценностью для третьих лиц не в силу самого факта его существования, подобно вещи», а потому, что «позволяет притязать на поведение другого лица». Однако для этого необходимо занимать место кредитора в соответствующем обязательстве¹.

Как отмечает Е. Б. Подузова, «одной из форм сингулярного правопреемства является уступка права (требования) – цессия»². Соответственно другая форма – перевод долга. Однако в ряде обязательств (относительных правоотношений) для завершения правопреемства недостаточно только уступки права (требования) или перевода долга. Так, «сукцессия и интрессия не могут приводить к правопреемству в обязательствах из договоров о передаче вещей, в том числе и в пользование». Это связано с тем, что замена лиц в вещном правоотношении, реализуемая посредством традиции, обладает определенными особенностями³. В отличие же от правопреемства в вещных правоотношениях, совершаемого посредством договоров, перемена лиц в обязательстве «происходит вне активных действий»⁴ (то есть без традиции).

Отметим, что в обязательствах, связанных с правопреемством, последнее является основной формой его реализации. Обязательства, принимаемые

¹ См.: Геленидзе А. К. Правовая природа сингулярного правопреемства в обязательстве: дискуссионные вопросы // Актуал. проблемы правопедения. 2016. № 3 (51). С. 13–14.

² Подузова Е. Б. Запрет цессии как организационное условие договора: проблемы теории и практики // Актуал. проблемы российского права. 2018. № 3. С. 104.

³ См.: Родионова О. М. Указ. соч. С. 373.

⁴ Там же. С. 374.

на себя сторонами договора, но не сводящиеся к правопреемству, лишь опосредуют замену лиц в правоотношении.

Эти отличия проявляются и при правопреемстве при наследовании и реорганизации юридических лиц. Смена субъекта в обязательственных правоотношениях происходит в таких случаях без осуществления реализационных действий (как элемента механизма правопреемства), в то время как в вещных правоотношениях они обнаруживаются. При юрисдикционном способе принятия наследства и, тем более, при реорганизации (когда традиция невозможна), непосредственно реализационные акты по принятию вещей не прослеживаются. Тем не менее, возникновение у правопреемника полноценных возможностей по владению, пользованию и распоряжению вещами (после принятия вещей в составе наследства при наследовании и регистрации юридического лица с данными вещами на балансе при реорганизации) свидетельствуют о завершении процесса преемства в вещных правах.

Правопреемство в корпоративных правоотношениях осуществляется по аналогии с правопреемством в обязательствах. Правопреемство в исключительных правоотношениях осуществляется так же, как и в других абсолютных правоотношениях (вещных), т. е. не путем уступки требования и перевода долга, несмотря на наличие сходства с правопреемством в обязательствах, а именно отсутствием активных действий.

Особенности рассматриваемых видов правопреемства, как уже было отмечено выше, определяют специфический состав механизма правопреемства в вещных правах, определяющего его порядок: он дополняется реализационными актами.

Говоря о порядке правопреемства в вещных правах при наследовании и реорганизации юридических лиц, следует упомянуть и о других его особенностях, отраженных в сложившихся научных классификациях. Ограниченные

вещные права и выделение как форма реорганизации юридических лиц рассматриваются в качестве классических примеров конститутивного правопреемства¹, противопоставляемого транслятивному.

Сущность транслятивного правопреемства заключается в том, что право переходит от одного лица к другому полностью, как происходит, например, при приобретении вещи добросовестным лицом от управомоченного отчуждателя. Что касается явления, обозначаемого в качестве конститутивного преемства, при котором переходят только отдельные правомочия (к примеру, при установлении права залога), необходимо отметить следующее. Бесспорно, что такое правоприобретение также является производным. Отличие состоит в том, что в таких ситуациях право передается не полностью, сохраняясь у правопрédéшественника, а правопреемник в свою очередь наделяется лишь отдельными правомочиями, т. е. право преемника имеет более ограниченное содержание по сравнению с правом прédéшественника. При этом замены одного лица в правоотношении другим не происходит. Так, некоторые исследователи говорят о том, что при конститутивном правоприобретении происходит не переход прав, а возникновение у конститутивного приобретателя нового (дочернего) права, которое создается на основании права прédéшественника (материнского права). Они также отмечают производность прав и сохранение их правового характера².

Анализ литературы о явлении, обозначаемом как «конститутивное преемство», позволяет выделить несколько точек зрения. Б. Б. Черепяхин утверждает, что «конститутивное правоприобретение не является правопреемством в точном смысле»³. А. А. Ягельницкий полагает, что конститутивное правоприобретение является «частным случаем правопреемства»⁴.

¹ См.: Сулейменов М. К. Указ. соч. С. 52; Крашенинников Е. А. Заметки о конститутивном правопреемстве. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/32425-zametki-konstitutivnom-pravopreemstve>; Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 97.

² См.: Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1. С. 240.

³ Черепяхин Б. Б. Указ. соч. С. 12.

⁴ Ягельницкий А. А. Категория правопреемства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 15–16.

В. А. Дозорцев говорил о том, что правопреемство имеет место только в тех случаях, когда правопреемнику передаются все полномочия, входящие в право правопреемника, и последний полностью теряет свое право. Поэтому, по его мнению, необходимо отличать переход права и предоставление отдельных полномочий в праве, как, например, происходит при заключении лицензионных договоров. Такие ситуации он называл «предоставлением права». Так, он выделял два типа авторских договоров по критерию правопреемства: об уступке и лицензионный. Договор об уступке права порождает правопреемство, а лицензионный договор – нет. Лицензионный договор, с точки зрения В. А. Дозорцева, «является основанием предоставления некоторых обязательственных прав для одной стороны (лицензиата) и некоторых обязательственных ограничений абсолютных прав для другой (лицензиара)»¹. Исследователь утверждал, что при «предоставлении права» перехода права не происходит, а следовательно, о правопреемстве говорить нельзя. Таким образом, он считал, что конститутивное правоприобретение не является правопреемством.

Сходной точки зрения придерживается С. С. Каширский, утверждая, что «у лицензиата возникает собственное право, которое имеет определенные основания возникновения, сущность и свои границы»². В целом о конститутивном правоприобретении исследователь пишет: «Подобные „дочерние“ правовые конструкции представляют собой вполне самостоятельные, во многом независимые, самодостаточные правоотношения, в рамках которых третьи лица, не являющиеся собственником имущества, могут реализовывать определенные права в отношении имущества, которое уже было присвоено другим лицом»³. Т. М. Нинциева также отмечает, что «необходимо проводить различия между правопреемством, как способом правоприобретения, не связанным с

¹ Дозорцев В. А. Указ. соч. С. 39, 155.

² Каширский С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении. С. 54.

³ Там же. С. 119–120.

возникновением новых прав (правоотношений), а лишь изменением существующих, и иными способами, обозначающими образование ранее не существовавших правовых взаимодействий»¹.

К тому же С. С. Каширский относит понятие «конститутивное преемство» не к видам, а к конструкциям правопреемства, что дополнительно подчеркивает «различия в самой сути происходящих процессов»², т. е. он также полагает, что считать конститутивное правоприобретение правопреемством нельзя. Данную точку зрения поддерживают и другие исследователи³.

Противоположной позиции придерживался В. М. Хвостов. Он отмечал, что в таком случае «нет сукцессии в тесном смысле, так как нет перехода права от одного лица к другому; установленное в пользу сукцессора право не является составною частью права, принадлежащего самому ауктору, ибо это последнее не исчерпывается суммой отдельных, более узких прав, которые могут быть установлены на его основании в пользу других лиц». Однако далее исследователь приходит к выводу, что «понятие сукцессия здесь применимо, потому что приобретенное право и в данном случае опирается на производящее его право ауктора, и на нем отражаются пороки права, принадлежащего ауктору»⁴.

Е. А. Крашенинников считает, что «конститутивное приобретение также является правопреемством, т. е. приобретением, производным от права правопреемника, потому что дочернее право возникает лишь при существовании материнского права и только в пределах принадлежащих его носителю правовых возможностей»⁵. М. А. Мирошникова относит к правопреемству в

¹ Нинциева Т. М. Указ. соч. С. 315.

² Каширский С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении. С. 107.

³ См.: Буничева М. Г. Указ. соч. С. 85; Войтович Г. И. Указ. соч. С. 85.

⁴ Хвостов В. М. Система римского права. I. Общая часть : конспект лекций. С. 121–122.

⁵ Крашенинников Е. А. Заметки о конститутивном правопреемстве. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/32425-zametki-konstitutivnom-pravopreemstve>.

гражданских правах и транслятивное (переносящее), и конститутивное (правообразующее) правопреемство¹.

Р. Ю. Закиров указывает, что «при сингулярном правопреемстве к правопреемнику переходит, как правило, отдельное правомочие правопреемника или его права применительно к конкретному правоотношению»². С. В. Строк выделяет две формы изменения субъектного состава правоотношения: 1) полная замена (перемена) стороны в правоотношении; 2) частичная замена стороны, когда «правопреемник не выбывает полностью из правоотношения, а передает лишь часть своих прав и (или) обязанностей правопреемнику»³.

М. К. Сулейменов определяет конститутивное правопреемство как один из случаев изменения субъекта правоотношения, «когда при появлении нового субъекта прежний субъект остается и при этом только часть прав и / или обязанностей первоначального субъекта переходят к новому субъекту, остальная часть остается у первоначального субъекта»⁴.

Полагаем, что конститутивное правоприобретение можно назвать случаем правопреемства лишь условно, что ставит под сомнение целесообразность рассматриваемой классификации. При конститутивном правоприобретении лицо, которому предоставлены определенные правомочия в праве, осуществляет их самостоятельно и независимо от лица, которое его этими правомочиями наделило. Так, к примеру, по договору залога залогодержатель обладает дочерним правом, которое осуществляет сам, от своего имени, а не содействует управомоченному лицу – залогодателю – в осуществлении его материнского права. Однако при преемстве в правах не возникает новое правоотношение, лишь меняются лица, замещающие положение субъектов существующего правоотношения, и их количество. При конститутивном правоприобретении в

¹ См.: Мирошникова М. А. Сингулярное правопреемство в авторских правах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2003. С. 11.

² Закиров Р. Ю. Указ. соч. С. 103.

³ Строк С. В. Указ. соч. С. 16.

⁴ Сулейменов М. К. Указ. соч. С. 35.

праве закрепляется возможность защиты лица, осуществляющего вещные права в какой-то части (например, защита залогодержателем своих прав на предмет залога от неправомерных действий залогодателя и других лиц). Следовательно, возникает новое правоотношение по поводу той же вещи, поскольку появилось новое правомочие (на защиту), а не изменяются лица в уже существующем правоотношении.

Думается, что явление, обозначаемое в качестве конститутивного правопреемства, представляет собой некоторое ограничение в осуществлении правомочий собственника, не связанное с передачей самих этих правомочий или права в целом. Тем не менее возникающие при этом правомочия «правопреемника», безусловно, производны от правомочий собственника.

В научной литературе было предложено также выделение так называемого «обратного правопреемства» и «специального правопреемства», которые также следует рассмотреть для полноты определения порядка преемства в вещных правах при наследовании и реорганизации юридических лиц.

Д. В. Носов считает, что обратное правопреемство возникает, к примеру, в случаях признания реорганизации корпорации несостоявшейся, признания сделки недействительной, поворота исполнения судебного акта, признания недействительными завещания или наследственного договора¹. Т. И. Бикбова, предлагающая выделять обратное правопреемство, определяет его как «меру гражданско-правовой ответственности, представляющую из себя изменение субъектного состава правоотношения, при котором происходит полное (при универсальном обратном правопреемстве) либо частичное (при сингулярном обратном правопреемстве) восстановление положения, существовавшего до первоначального правопреемства, т. е. переход в порядке производного правоприобретения субъективных прав и юридических обязанностей в отношении одного и того же объекта правоотношения от одного лица – первоначального правопреемника к другому лицу – первоначальному правопреемнику».

¹ См.: Носов Д. В. Об обратном правопреемстве в российском гражданском праве // Юрид. наука. 2022. № 9. С. 9.

При этом автор выделяет следующие признаки такого правопреемства: «1. Является своеобразной мерой гражданско-правовой ответственности; 2. Возможно только в отношении лиц, между которыми ранее произошел переход субъективных прав и юридических обязанностей в результате правопреемства; 3. Ограничивает круг лиц, которые могли бы стать правопреемниками; 4. Всегда происходит переход субъективных прав и юридических обязанностей от одного лица к другому; 5. Является производным способом приобретения прав и обязанностей; 6. Всегда приводит к изменению субъектного состава правоотношения; 7. Приводит к полному (при универсальном обратном правопреемстве) либо частичному (при сингулярном обратном правопреемстве) восстановлению положения, существовавшего до первоначального правопреемства»¹.

Т. И. Бикбова верно указывает на ряд особенностей применения положений о правопреемстве. Действительно, отделять обратное правопреемство от первоначального логично, так как налицо взаимосвязанность двух этих процессов по реализации способности к правопреемству: они связаны как по субъектному составу (изначальный правопредшественник становится правопреемником, а изначальный правопреемник – правопредшественником), так и в объекте (деятельность по замене правопредшественника правопреемником в тех же правоотношениях, но за некоторыми исключениями). Однако представляется, что рассматривать обратное правопреемство как своеобразную меру гражданско-правовой ответственности неверно, поскольку соотношение этих категорий иное: мера гражданско-правовой ответственности реализуется посредством осуществления способности к правопреемству, но не равнозначна ей. К тому же необходимо отметить, что при наследственном универсальном правопреемстве обратное правопреемство невозможно по очевидным причинам.

¹ Бикбова Т. И. Обратное правопреемство при признании реорганизации корпорации несостоявшейся // Актуал. теор. и практ. вопр. развития юрид. науки: общегосударств. и регион. аспекты. 2015. № 1. С. 253.

Т. И. Бикбова, рассматривая один из случаев обратного правопреемства – признание реорганизации корпорации несостоявшейся (ст. 60.2 ГК РФ)¹, приходит к выводу о том, что «при признании реорганизации корпорации несостоявшейся происходит частичное (практически полное, но не полное!) восстановление положения, существовавшего до реорганизации», поскольку «сохранение юридической силы сделок указывает на то, что определенная, возможно, совсем небольшая, разница между положением, существовавшим до реорганизации и после ее проведения, все-таки присутствует»². Автор усматривает сингулярный характер обратного правопреемства в данной ситуации. Однако, полагаем, данная позиция некорректна. Так как восстанавливаются юридические лица, существовавшие до реорганизации, а созданные в результате реорганизации юридические лица прекращают существование, то последние должны быть заменены во всех правоотношениях, участниками которых они стали в результате реорганизации, и после прекращения их существования не может остаться «ничьих» («непереданных») прав. Следовательно, такое правопреемство будет в любом случае универсальным. Что касается сохранения юридической силы заключенных сделок, то речь идет лишь об отсутствии идентичности объекта первоначального и обратного правопреемства.

Представляется, что так называемое «обратное правопреемство» представляет собой меру защиты лиц, чьи интересы могут быть нарушены в случаях признания реорганизации корпорации несостоявшейся. «Обратный» характер и связь такой меры с правопреемством вытекают из того, что они относятся к правомочию защиты, входящему в качестве элемента в правопреемство как правоотношение. Поэтому выделение «обратного правопреемства» укладывается в разделение элементов правопреемственного правоотношения, а не отдельного его вида.

Специальное правопреемство А. К. Геленидзе выделяет в двух ситуациях, «при которых права преемника будут индивидуализированы иначе,

¹ См.: Бикбова Т. И. Указ. соч. С. 251.

² Там же. С. 257–258.

нежели чем указанием на содержание переходящих прав и обязанностей»: при продаже предприятия и при передаче обремененного имущества. В первой из обозначенных ситуаций возможны случаи «отсутствия указания на некоторые права и обязанности в договоре и передаточном акте». Во второй ситуации о специальном характере правопреемства свидетельствует само обременение имущества, поскольку в таких случаях «производное приобретение права собственности невозможно без приобретения иных прав и обязанностей. Поэтому почти любой акт сингулярного правопреемства может, в конечном счете, оказаться актом преемства специального»¹.

К тому же, критикуя положение о том, что «преемство в совокупности прав и обязанностей» (по Б. Б. Черепяхину) является случаем частного правопреемства», Геленидзе утверждает, что «специальное преемство – это случай преемства общего, который ближе по своим последствиям к преемству универсальному»².

Прежде всего, считаем, что относить правопреемство некоторой совокупности прав и обязанностей к универсальному правопреемству неверно, поскольку это необоснованно расширяет законодательно установленные ситуации, в которых имеет место универсальное правопреемство (наследование и реорганизация юридических лиц). Выделять же отдельно категорию «специальное правопреемство» применительно к названным случаям нет необходимости. Неуказание при продаже предприятия на определенные права и обязанности, входящие в его состав, а также на какие-либо обременения продаваемого имущества относится исключительно к сфере добросовестности участников гражданского оборота и никаким образом не характеризует сущности самого правопреемства.

¹ Геленидзе А. К. Специальное правопреемство: понятие, особенности правовой природы // Актуал. проблемы правоведения. 2016. № 3 (51). С. 15–16.

² Там же. С. 16.

Завершая анализ порядка преемства в вещных правах при отдельных фактических ситуациях, приходим к следующим выводам. Специфика указанного порядка отражается в классификациях правопреемства, которые проводятся по различным основаниям: в зависимости от отраслевой принадлежности, от объекта правоотношения, от вида субъекта-правопредшественника, от объема переходящих прав и обязанностей. Следует выделять преемство отдельно в праве или обязанности либо одновременно и в праве, и в обязанности, отличая его от «чистого» правопреемства как преемства только в субъективных гражданских правах. При этом выделение принудительного правопреемства в сфере гражданского права спорно, так же как и конститутивного или специального. Об обратном правопреемстве можно говорить только в рамках правомочий правопреемственного правоотношения. Вместе с тем действие механизма правопреемства имеет существенные особенности в ситуациях, обозначаемых в качестве универсального и сингулярного правопреемства. Удалось подтвердить, что применение механизма преемства в вещных правах в универсальном порядке существует только в рамках наследования и реорганизации юридических лиц (за исключением реорганизации в форме преобразования, при которой правопреемство отсутствует, и в форме выделения, которой присуще сингулярное правопреемство). В ситуациях сингулярного правопреемства необходимо учитывать особенности преемства в вещных, обязательственных, исключительных и корпоративных правоотношениях.

3 ДЕЙСТВИЯ, ОПОСРЕДУЮЩИЕ ПРЕЕМСТВО В ВЕЩНЫХ ПРАВАХ

3.1 Передача и принятие вещей как способы замены лица при преемстве в вещных правах

Передача вещей как способ замены лица при преемстве в вещных правах. Преемство в вещных правах представляет собой процесс (а не совокупность хаотичных юридических фактов), результатом которого является замена лица в правоотношении. Этот процесс включает в себя действия, опосредующие преемство в вещных правах, без совершения которых в их совокупности и последовательности не будет достигнут результат правопреемства.

Еще В. И. Синайский писал, что гражданское законодательство определяет наследование как «порядок приобретения имущества»¹. В. П. Емельянцев отмечает, что «правопреемство – это последовательность действий, приводящих к юридически значимому (правовому) результату – возникновению права у правопреемника и его прекращение у правопреемника»².

Анализ судебной практики также позволяет прийти к выводу, что отсутствие отдельных элементов процесса правопреемства не приводит к замене лица в правоотношении. Такие ситуации возникают, к примеру, когда наследство принимает лицо, не являющееся наследником³ или когда у наследодателя отсутствовало право на вещь, указанную в завещании или в наследственном договоре⁴ (чаще всего это касается самовольных построек). Также возможны ситуации, при которых наследник выражает волю на принятие наследства, однако не принимает входящие в него вещи, что может привести к появлению бесхозяйного имущества.

¹ Синайский В. И. Русское гражданское право. М., 2002. С. 357.

² Емельянцев В. П. Указ. соч. С. 44.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-88; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 июля 2016 г. № 9-КГ16-6.

⁴ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 мая 2015 г. № 18-КГ15-86.

Тем не менее в различных ситуациях правопреемства набор действий, опосредующих преемство в вещных правах и необходимых для замены лица в правоотношении, будет неодинаков.

Преемство в вещных правах опосредовано прежде всего действиями, связанными с передачей вещи при сингулярном преемстве, обозначаемыми в качестве способов и оснований приобретения вещных прав.

Ю. С. Гамбаров, рассуждая над тем, что необходимо для свершения преемства в вещных правах, писал: «Совокупность фактов, на которых основано приобретение права, называют основанием приобретения (*causa*), или его титулом, причем часто различают факты, служащие основанием для иска, от фактов, составляющих самое приобретение. Тогда первую категорию фактов называют специально основанием, или титулом приобретения (*causa*), а вторую – самим приобретением (*modus acquirendi*)»¹.

Д. И. Мейер отмечал: «Сделка или юридическое отношение, на основании которого переходит право собственности, и есть законное основание передачи. У нас оно нередко принимается даже за самый способ приобретения права собственности, но несправедливо: законное основание передачи устанавливает лишь право на передачу, а передача уже составляет способ приобретения самого права собственности»². В отношении установления ограниченных вещных прав исследователь также отмечал, что «право на чужую вещь не возникает непосредственно из договора, а за ним должна последовать еще передача, сопровождаемая мыслью именно об установлении права на чужую вещь, так как сама по себе передача – акт неопределенный, многозначительный, акт, который может относиться к различным юридическим сделкам»³. То есть и в этом случае автор последовательно придерживается точки зрения на договор лишь как на основание установления ограниченного вещного права, но недостаточного для его возникновения.

¹ Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть. СПб, 1911. С. 617.

² Мейер Д. И. Указ. соч. С. 257.

³ Там же. С. 288.

Г. Ф. Шершеневич также указывал, что «договор вообще не способ приобретения собственности, а только основание. ...Договору, по существу его, чуждо установление вещной связи – он создает лишь право требования и таким путем подготавливает вещное право. Договор проявляет свою силу в отношении договаривающихся, – для установления обязанности третьих лиц необходим еще другой акт»¹.

В. В. Груздев отмечает, что «способ приобретения права собственности – это предназначенная для данной группы случаев нормативная модель действия, лежащего в основании возникновения или изменения правоотношения собственности»².

К. П. Победоносцев обосновывал необходимость разграничения момента возникновения обязательства (как основания возникновения права собственности для нового правообладателя) и момента возникновения самого вещного права у нового лица (который и связан с переходом вещи)³.

Представляется, что деление учеными действий, опосредующих преемство в вещных правах, на основания и способы связано с выявленной выше спецификой его механизма. Именно преемство в вещных правах (в отличие от преемства в обязательствах) невозможно без реального завладения передаваемой вещью. Поэтому не вызывает сомнения идея разделения оснований и способов приобретения вещных прав.

Основанием приобретения права собственности при сингулярном преемстве, как и ограниченных вещных прав, следует считать договор. При этом право собственности может быть приобретено на основании договоров купли-продажи, мены или дарения.

Способ приобретения права собственности представляет собой совокупность фактических действий, результатом совершения которых является переход господства над вещью от одного лица к другому.

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 268.

² Груздев В. В. Система способов приобретения права собственности // Вестн. Томск. гос. ун-та. 2021. № 473. С. 219–220.

³ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 1–3.

Основание и способ приобретения права собственности различаются следующим. При сингулярном правопреемстве основание (договор) влечет возникновение обязательственных правоотношений между лицами. Только исполнение этих обязательств в конечном счете приводит к передаче вещи и, как следствие, к приобретению права собственности. Это связано с тем, что в договоре закрепляется лишь обязанность совершить определенные действия, направленные на переход вещи от одного лица к другому. Специфика объекта вещных прав требует, чтобы к новому правообладателю перешло фактическое господство над данным объектом посредством его передачи – традиции – что и есть способ приобретения права. Сам термин «способ» подчеркивает, что это не просто юридический факт, а именно действие.

Традиция заключается в передаче вещи от одного лица другому, посредством которой переходит фактическое господство над вещью. Обычно передача представляет собой физическую передачу вещи «из рук в руки». Однако это возможно не всегда. Так, еще Г. Ф. Шершеневич выделял случаи, при которых физическая передача невозможна или не имеет смысла:

– «передача недвижимостей совершается без прикосновения к объекту, посредством письменных актов»;

– передача движимых вещей не имеет смысла, если такая вещь уже находится у нового собственника, например, по договору ссуды; в таком случае «достаточно изменить субъективную сторону отношения, чтобы установить владение» (такой порядок передачи закреплен и в ныне действующем гражданском законодательстве и представляет собой юридическую фикцию, поскольку вещь считается переданной с момента заключения договора, несмотря на отсутствие действий по ее вручению);

– передача движимых вещей может быть также символической (к таким ситуациям ученый относит: «передачу ключей от винного погреба, в котором находятся бочки с вином»; передача «коносаментов в перевозке по морю и квитанций в перевозке по внутренним водам, накладных в железнодорожной

перевозке, складочных свидетельств, выдаваемых товарными складами, и некоторых других распорядительных бумаг»)¹.

В отношении недвижимости Д. Д. Гримм выделял следующие правила передачи: «Прежний и новый владелец, вместо того, чтобы отправиться на самый участок, довольствуются тем, что прежний владелец указывает новому на этот участок, стоя поблизости от него, напр., на башне»².

Д. И. Мейер в свою очередь отмечал, что «передача имущества недвижимого состоит в том, что лицо, приобретающее право собственности, поставляется в возможность владеть имуществом: самую вещь нельзя передать в его руки, она остается неподвижною, но лицо придвигается к вещи, тогда как лицо, передающее право собственности, отдаляется от нее». Исследователь справедливо считал, что удачно различное обозначение передачи недвижимости и движимых вещей: в первом случае передача именуется «вводом во владение», во втором – вручением³.

Д. Д. Гримм указывал следующие условия передачи.

1. «Отчуждатель должен быть собственником или лицом, действующим от имени собственника, на основании надлежащего полномочия или с его последующего согласия. Приобретатель должен иметь право приобрести собственность».

2. «Отчуждатель должен иметь намерение перенести право собственности на приобретателя, приобретатель – намерение сделаться собственником».

3. «Приобретатель сам или через представителя должен получить юридическое владение вещью, притом с согласия отчуждателя или представителя последнего»⁴.

В соответствии с действующим гражданским законодательством передача осуществляется посредством либо вручения вещи приобретателю, либо сдачи перевозчику для отправки приобретателю или сдачи в организацию

¹ Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 230.

² Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 145.

³ Мейер Д. И. Указ. соч. С. 258.

⁴ Гримм Д. Д. Указ. соч. С. 157–158.

связи для пересылки приобретателю, либо передачи коносамента или иного товарораспорядительного документа (ст. 224 ГК РФ). В последних двух случаях видится юридическая фикция, так как, несмотря на то, что вещь считается переданной и у нового правообладателя возникает право собственности на нее, тем не менее вещь еще не перешла в его фактическое господство и он не может осуществить правомочия владения, пользования и распоряжения. Вместе с тем нельзя отрицать того, что в указанных случаях вещь все же будет вручена приобретателю, но произойдет это в результате длинной цепочки предпринимаемых различными лицами действий, порядок совершения которых установлен в иных нормативных актах.

Несмотря на то, что ГК РФ не определяет правовую природу передачи, в научной литературе все же сложилось несколько точек зрения по этому поводу. Ф. К. фон Савиньи утверждал, что традиция – это договор. Ученый подтверждал свою позицию тем, что традиция обладает следующими признаками, присущими договору: «волеизъявление обеих сторон, направленное на передачу владения и собственности в настоящее время», вследствие чего «правоотношения действующих лиц становятся другими». При этом, по мнению исследователя, не противоречит договорной природе традиции и тот факт, что для ее завершения, помимо волеизъявления, необходимо еще и приобретение владения как внешнее действие¹.

И. Б. Новицкий также указывает, что в римском праве «traditio, или передача вещи, также была договором, так как предполагала соглашение между передающим вещь и принимающим, но договором, имеющим вещноправовые последствия – переход права собственности»². Ряд авторов предлагают рассматривать передачу вещи как сделку, направленную на переход владения³.

¹ Система современного римского права. Т. 2. С. 385.

² Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 92.

³ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 1. Ч. первая, вторая ГК РФ / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2011.

Анализируя положения ч. 2 ст. 209, абз. 1 ч. 1 ст. 297, ч. 1 ст. 298 и абз. 1 ст. 491 ГК РФ некоторые исследователи заключают, что согласно данным нормам «отчуждение (отчуждательная сделка)... есть вид распоряжения (распорядительной сделки), которое в случае отчуждения направлено на перенесение права, в частности права собственности». Тем не менее авторы указывают, что «купля-продажа, мена и дарственное обещание, которые вопреки их природе оказались зачисленными законодателем в разряд отчуждательных сделок, не являются сделками, направленными на перенесение права собственности. Такое перенесение обосновывается вещным распорядительным договором – традицией»¹.

Л. В. Криволапова, определяя место «действия по исполнению обязательства» в системе юридических фактов, приходит к выводу, который наиболее распространен в юридической литературе: переход субъективного права влекут не юридические поступки, а именно сделки².

Таким образом, большинство исследователей относят традицию к сделкам. Данная точка зрения, как представляется, основывается на конструкции вещного договора, присущей германскому праву. Однако насколько обоснованным является стремление ввести такую категорию в отечественное гражданское право?

По мнению ряда авторов, конструкция вещного договора уже существует в российском гражданском праве и прежде всего ее можно обнаружить в реальном договоре дарения (поскольку он «имеет исключительно вещный эффект – порождает право собственности одаряемого на вещь»)³, а также в ситуациях любой передачи вещи «в процессе заключения реального договора»⁴.

¹ Гражданское право. С. 586.

² См.: Криволапова Л. В. О месте распорядительных сделок в системе юридических фактов // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2012. № 4 (36). С. 262.

³ См.: Соломин С. К. Гражданское право: отдельные виды договоров : учебник. М., 2017. С. 35.

⁴ См.: Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции. М., 2006. С. 118–119.

Критиком такого подхода был Ю. С. Гамбаров, обоснованно утверждавший, что любые обязательственные правоотношения (в том числе возникающие на основании реальных договоров), несмотря на то, что некоторые из них и направлены на «вещное обладание», остаются, тем не менее, обязательственными, поскольку имеют свой особый предмет – «вещь не непосредственно, а лишь настолько, насколько она стоит в связи с действием обязанного субъекта»¹.

Такой же позиции придерживается и Л. В. Криволапова, считающая, что недопустимо смешивать реальные договоры и распорядительные сделки по их исполнению. «В реальном договоре одновременно происходят возникновение обязательственной сделки и совершение распорядительной сделки», в консенсуальном – «распорядительная сделка строго следует за обязательственной»².

В. В. Бердников, разграничивая понятия «двусторонняя сделка» и «договор», утверждает, что, поскольку категория «двусторонняя сделка» шире категории «договор», то она может представлять собой и способ установления обязательства, и способ его исполнения. В последнем случае речь идет о распорядительной сделке, сущность которой в осуществлении действий по исполнению обязательственного правоотношения, то есть в «изменении имущественно-правового положения лица, связанного с приобретением или отчуждением вещи или права»³.

Распространяя категорию «вещный договор» («распорядительная сделка») еще шире, И. В. Бекленищева полагает, что реальный договор дарения – лишь один из ее примеров. Автор считает, что к данной категории следует относить любую передачу вещи в собственность⁴.

Такова была позиция законодателя в дореволюционный период, когда проводилось разграничение так называемой «купчей крепости» и договора о

¹ Гамбаров Ю. С. Указ. соч. С. 422–423.

² Криволапова Л. В. О месте распорядительных сделок в системе юридических фактов. С. 263–264.

³ Бердников В. В. Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица // Законодательство. 2002. № 2, 3. С. 17.

⁴ См.: Бекленищева И. В. Указ. соч. С. 74.

продаже. Еще К. П. Победоносцев указывал, что купчая представляет собой саму передачу, которой предшествует соглашение о продаже. Купчая выражает результат такого соглашения – переход имущества от одного лица к другому¹.

В современном гражданском законодательстве такое разделение отсутствует, в связи с чем в теории и возникают вопросы о правовой сущности передачи. Л. В. Криволапова отмечает, что «ст. 224 ГК РФ скорее определяет момент исполнения обязанности передать вещь, а не саму сущность действий по передаче». Также автор приходит к выводу о том, что правопреемство «происходит при исполнении договоров, направленных на замену субъекта абсолютных прав: права собственности»², т. е. исследователь связывает правопреемство в вещных правоотношениях главным образом с передачей как исполнением обязательства. Действительно, передача вещи происходит в момент исполнения договора, являющегося основанием приобретения права собственности. Однако единого подхода к сущности исполнения обязательства также не сложилось. Его рассматривают либо как юридический поступок³, либо как сделку⁴. Также существует позиция, согласно которой «исполнение обязательства в одних случаях может представлять собой юридический поступок, в других – одностороннюю сделку, в третьих – распорядительный договор». При этом, согласно мнению авторов, придерживающихся данной позиции, любой переход «определенной имущественной ценности (вещи, имущественного права, результата работ) из имущественной сферы одного лица в имущественную сферу другого» – это сделка⁵.

С. А. Сеницын, отвергающий возможность рассмотрения передачи (исполнения обязательства) в качестве юридического поступка, указывает, что,

¹ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 1–3.

² Криволапова Л. В. Переход права собственности на движимые вещи в российском гражданском праве // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. 2009. № 1 (21). С. 270.

³ См.: Голиков Р. В. Переход права собственности по договору купли-продажи движимого имущества в российском гражданском праве // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. 2022. № 3. С. 214–215.

⁴ См.: Бекленищева И. В. Указ. соч. С. 93–94.

⁵ Там же. С. 95–96.

«скорее всего, это структурная особенность сложного юридического состава сделки, завершенность которого требует не только волеизъявления, но и совершения определенного действия – передачи вещи кредитору»¹.

Однако следует согласиться с позицией А. В. Швабауэр о том, что в отечественном законодательстве передача не рассматривается ни как «соглашение о передаче владения и (или) собственности», ни как договор «о переносе права собственности». Исследователь также отмечает, что применение конструкции вещного договора, содержащейся в германском гражданском законодательстве, по аналогии в российском праве невозможно. Это связано с различным регулированием передачи права собственности в Германии и России. Так, анализируя нормы Германского гражданского уложения (далее – ГГУ), А. В. Швабауэр указывает, что в соответствии с ними для передачи права собственности на движимую вещь необходимы передача и согласие сторон о том, что право должно перейти; для недвижимости – соглашение сторон об изменениях в правах и внесение соответствующих изменений в поземельную книгу. Согласно ГК РФ для передачи права собственности необходимы во всех случаях действительный обязательственный договор, а также передача для движимых вещей и регистрация права в ЕГРП для недвижимых вещей².

Соглашаясь с такой точкой зрения, приходим к выводу, что передачу необходимо рассматривать не как сделку, а как юридический поступок. Это утверждение основано и на вышеприведенном сравнении норм германского и российского гражданского права, что позволяет утверждать: ГК РФ не придает значения прямой направленности воли сторон на юридические последствия при передаче. Такая квалификация передачи может быть также подтверждена простым примером: вещь может быть передана и недееспособным лицом, воля которого не признается направленной на юридические последствия.

¹ Сеницын С. А. Концепция вещного договора в германской и российской цивилистике: дискуссионные аспекты // Законодательство. 2004. № 7. С. 8.

² См.: Швабауэр А. В. Проблемы правовой квалификации акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним // Право и экономика. 2010. № 12. С. 35–36.

О. М. Родионова, утверждая, что «передача вещи представляет собой юридический поступок по исполнению обязанности, а не сделку», отмечает: «Устремленность действия к возникновению или прекращению субъективных гражданских прав еще не означает наличия направленности, характерной для сделки. Ведь передать вещь может любое лицо, в том числе недееспособное, но его безволевое действие все же будет *traditio*»¹. Также исследователь указывает на необходимость разграничения понятий «отчуждение» и «передача», поскольку «отчуждение вещи представляет собой одностороннее действие по осуществлению собственником правомочия распоряжения, а ее передача – действия в рамках исполнения обязательств, возникших из сделок, совершенных в рамках реализации соответствующей гражданско-правовой способности. При этом юридическая значимость отчуждения проявляется лишь в ходе возникновения обязательств, направленных на передачу вещей»².

Возвращаясь к вопросу о необходимости разграничения основания и способа приобретения права собственности, отметим, что отказ или непоследовательность при таком разграничении приводит некоторых авторов к утверждениям о существовании «смешанных» «вещно-обязательственных» правоотношений. Так, сущность указанных правоотношений усматривается в следующем: «вещное и обязательственное субъективные права, сочетаясь в едином правоотношении, наполняют структуру последнего разнородными правовыми связями»³. Также в качестве формы смешанного правоотношения рассматривается «обязательство с наличием в его объекте материального элемента»⁴.

¹ Родионова О. М. Указ. соч. С. 283.

² Там же. С. 343.

³ Новоселова А. А. Динамика вещных правоотношений в гражданском праве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2007. № 8. С. 90–91.

⁴ Егорова М. А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института : монография. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс», 2013.

Данные позиции представляются описательными. Следует признать конструктивной точку зрения исследователей, отрицающих возможность существования смешанных правоотношений¹. Необходимо четко разграничивать договор как основание приобретения права собственности и передачу как способ такого приобретения. Важно учитывать, что договор порождает относительные правоотношения между правопреемником и правопреемником, и только традиция имеет вещно-правовой эффект, приводя к возникновению вещно-правовых отношений. Эти обязательственные и вещные правоотношения не смешиваются между собой. В противном случае следовало бы признать стирание границ между относительными и абсолютными правоотношениями. К тому же гражданско-правовое регулирование этих групп правоотношений различно.

Представляется, что аналогичные рассуждения должны быть применены к анализу возникновения ограниченных вещных прав, хотя буквальное толкование текста ГК РФ может приводить к иным выводам. Так, в соответствии с п. 3 ст. 274 ГК РФ сервитут устанавливается по соглашению между лицом, требующим установления сервитута, и собственником соседнего участка и подлежит регистрации в порядке, установленном для регистрации прав на недвижимое имущество. Таким образом, можно заключить, что сервитут возникает на основании договора. В Законопроекте № 47538-6 предлагается установить, что любое ограниченное вещное право должно основываться на договоре (за исключением права оперативного управления, основанием возникновения которого является решение собственника имущества о закреплении его за предприятием или учреждением).

По поводу такого положения о нововведениях в ГК РФ ученые заняли неоднозначную позицию. Л. Ю. Василевская небезосновательно считает, что «установление любого ограниченного вещного права посредством договора

¹ Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве. С. 48; Белов В. А. Залоговые правоотношения: содержание и юридическая природа. С. 9, 15.

как основания возникновения обязательства, по сути, противоречит смыслу разделения вещных и обязательственных прав». К тому же это будет противоречить принципу закрепления перечня и содержания вещных прав исключительно в законодательстве¹. Другой точки зрения по этому поводу придерживается И. А. Емелькина. Обращая внимание на опыт германского права, она полагает, что, учитывая принцип закрепления содержания и видов вещных прав на законодательном уровне, в то же время в договоре между собственником и управомоченным лицом устанавливаются те права и обязанности, которые в соответствии с законом определяются по усмотрению сторон. Исследователь приходит к выводу о том, что соглашение сторон играет роль основания возникновения вещного права, в то время как его содержание должно «вытекать из государственного реестра прав на недвижимость», поэтому «при регистрации содержание обязательственного договора следует фиксировать в реестре прав на недвижимость»².

Действительно, установление какого-либо вещного права в договоре недопустимо. В соглашении о сервитуте могут быть установлены лишь порядок осуществления такого права, то есть в рассматриваемом случае – пользование чужим земельным участком. И пока несобственник действует в указанном порядке, он сохраняет сервитут. Именно в таком смысле, думается, следует понимать п. 1 ст. 276 ГК РФ, в котором закреплено, что «по требованию собственника земельного участка, обремененного сервитутом, сервитут может быть прекращен ввиду отпадения оснований, по которым он был установлен». Иначе следовало бы считать, что собственник земельного участка может по своему усмотрению расторгнуть соглашение о сервитуте, а такое предположение явно противоречит п. 1 ст. 274 ГК РФ.

Таким образом, реализация способности к правопреемству в вещных правоотношениях (при сингулярном правопреемстве) представляет собой

¹ Василевская Л. Ю. Указ. соч. С. 113–114.

² Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. С. 27–30.

сложный юридический состав, который включает в себя различные юридические факты: сделку – заключение договора между правопреемником и правопреемником, юридический поступок – передача вещи. Тем не менее в отношении недвижимости недостаточно одной передачи для завершения правопреемства, то есть замены субъекта вещного правоотношения. Так, чтобы право собственности на недвижимость возникло для нового правообладателя, необходима государственная регистрация его перехода. Данные правила правопреемства были установлены еще с момента введения вотчинной системы, когда, как пишет А. В. Швабауэр, «правило римского права о переходе права собственности на вещи с момента передачи (traditio)... сохранило свое действие лишь в отношении движимых вещей. Моментом возникновения права на недвижимость стало внесение записи в поземельную книгу»¹.

Соответствующие выводы следуют и из норм ГК РФ. По общему правилу моментом возникновения права собственности у приобретателя является момент передачи вещи (ч. 1 ст. 223 ГК РФ). Иное правило установлено в отношении имущества, отчуждение которого подлежит государственной регистрации: право собственности на него возникает с момента такой регистрации (ч. 2 ст. 223 ГК РФ).

Следовательно, можно выделить несколько случаев, при которых механизм правопреемства будет отличаться необходимым для завершения преемства набором юридических фактов:

1) правопреемство в отношении движимых вещей (за исключением тех, в отношении которых законодательством установлена необходимость государственной регистрации перехода прав) включает такие юридические факты, как заключение договора и передача вещи;

2) правопреемство в отношении недвижимости и некоторых движимых вещей (переход прав на которые подлежит государственной регистрации) включает следующие юридические факты: заключение договора, передача вещи, государственная регистрация перехода прав;

¹ Швабауэр А. В. Указ. соч. С. 34.

3) правопреемство в отношении вещей, которые уже были переданы по иному основанию новому правообладателю, включает в качестве юридических фактов либо только заключение договора (например, если движимая вещь до заключения такого договора была передана будущему новому правообладателю по договору ссуды), либо заключение договора и государственную регистрацию (к примеру, если недвижимость находилась у нового правообладателя в аренде).

Следовательно, порядок сингулярного преемства в вещных правах включает следующие юридические факты, необходимые для его завершения: заключение договора, передача вещи и в случаях, установленных законом, государственная регистрация перехода прав.

Принятие вещей как способ замены лица при преемстве в вещных правах. Основной проблемой в определении универсального правопреемства в вещных правах является отделение его от преемства в обязательственных и иных правах. Указанное правопреемство, реализующееся чаще всего в порядке наследования, представляет собой замену наследодателя во всем объеме наследственной массы, без выделения правил о наследовании вещей или иного имущества. Однако вопрос требует особого обсуждения в связи с тем, что вещи (особенно недвижимые) часто составляют наиболее ценную часть наследственной массы или включают только ее. Вне указанного разделения возникают проблемы в применении тех или иных положений наследственного права.

Преемство в обязательствах, как было отмечено выше, характеризуется прежде всего отсутствием активных действий лиц, находящихся в таких отношениях. Нечто похожее возникает и при правопреемстве в вещных правах при наследовании, однако только последнее сопровождается завладением вещью, что имеет принципиальное значение в ряде случаев. В то же время факт обладания вещью служит лишь проявлением воли лица, направленной на принятие вещи в наследственной массе.

В соответствии со ст. 1111 ГК РФ основаниями наследования являются завещание, наследственный договор или закон. Однако полагаем, что основанием изменения субъекта вещного правоотношения будет являться все-таки событие – смерть наследодателя. Завещание, наследственный договор или закон будут иметь значение для определения лиц, являющихся правопреемниками.

В связи со смертью наследодателя прекращается правосубъектность правопреемника. Соответственно исключаются и какие-либо действия с его стороны. К. П. Победоносцев указывал, что в таких ситуациях предмет права переходит, а не передается, в связи с общественной и юридической необходимостью¹.

Представляется, что в отсутствие правопреемника при наследовании юридическое значение имеют действия наследника, который реализует свою способность к наследованию путем совершения активных действий – принятия наследства. Как отмечает В. Н. Гаврилов, «до момента принятия наследства наследник, у которого возникло право на наследование, является лишь вероятным правопреемником наследодателя»². Способ приобретения права собственности – принятие наследства, которое может быть либо юридическим, либо фактическим. Е. Л. Сидорова обозначает эти способы как «формальные» и «неформальные»³, однако сущность их от этого не меняется. Думается, что существующая терминология, действительно, не вполне точно отражает юридическую квалификацию ситуации принятия наследства. Все факты, на которые указывает законодатель, являются юридическими. Вместе с тем, они различаются.

Юридическое (формальное) принятие наследства заключается в обращении наследника (правопреемника) к нотариусу с заявлением о принятии

¹ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 1–3.

² Гаврилов В. Н. Формальный способ принятия наследства по российскому законодательству // Нотариус. 2011. № 4. С. 23.

³ См.: Сидорова Е. Л. Наследование имущества: от совершения завещания до приобретения наследства // Б-ка «Российской газеты». 2019. № 2. С. 90.

наследства либо о выдаче свидетельства о праве на наследство (ч. 1 ст. 1153 ГК РФ). В связи с тем, что указанный юридический акт совершается путем обращения к лицу, уполномоченному государством, его можно обозначить еще в качестве юрисдикционного способа принятия наследства.

Следует уточнить, что сущность свидетельства о праве на наследство неодинаково определяется разными авторами. Так, некоторые из них считают, что свидетельство о праве на наследство является правоподтверждающим документом, поскольку «закрепляет права собственника, принадлежащие наследнику», «не создает у наследников никаких новых прав на наследственное имущество», но оно необходимо и «для истребования этого имущества от третьих лиц»¹, а также «служит предпосылкой дальнейшего оформления данной возможности»². По мнению других авторов, оно представляет собой правоустанавливающий документ при государственной регистрации перехода права собственности в порядке наследования³. Полагаем, что для правопреемства в порядке наследования свидетельство о праве на наследство является документом, подтверждающим право наследника, так как устанавливает совокупность юридических фактов, влекущих правопреемство: смерть наследодателя, основания наследования (завещание, наследственный договор или закон), принятие наследства.

Фактическое (неформальное) принятие наследства состоит в совершении лицом самостоятельных действий, примерный перечень которых закреплен в законодательстве: вступление во владение или в управление наследственным имуществом; принятие мер по сохранению наследственного имущества, защите его от посягательств или притязаний третьих лиц; производство за свой счет расходов на содержание наследственного имущества; оплата за свой счет долгов наследодателя или получение от третьих лиц причитавшихся

¹ Гаврилов В. Н. Оформление наследственных прав // Право и политика. 2010. № 2 (122). С. 350.

² Желонкин С. С. Наследственное право : учеб. пособие. М., 2014. С. 114.

³ См.: Козлова Е. Б. Проблемы правового регулирования прав на недвижимость в порядке наследования на основании заявления нотариуса // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 3. С. 48–50.

наследодателю денежных средств (ч. 2 ст. 1153 ГК РФ). В п. 36 Постановления Пленума ВС РФ от 26 мая 2012 г. № 5¹ перечень таких действий дополнен следующими: вселение наследника в принадлежавшее наследодателю жилое помещение или проживание в нем на день открытия наследства (в том числе без регистрации наследника по месту жительства или по месту пребывания); обработка наследником земельного участка; подача в суд заявления о защите своих наследственных прав; обращение с требованием о проведении описи имущества наследодателя; осуществление оплаты коммунальных услуг, страховых платежей; возмещение за счет наследственного имущества расходов, предусмотренных ст. 1174 ГК РФ; иные действия по владению, пользованию и распоряжению наследственным имуществом. При этом отмечается, что такие действия могут быть совершены как самим наследником, так и по его поручению другими лицами. Важно, что к уполномоченным государством лицам наследник в указанных случаях не обращается. Поэтому такой порядок может быть обозначен в качестве неюрисдикционного.

Важно отметить, что обозначенные способы принятия наследства влекут различные юридические последствия. Так, следует отличать последствия отказа от наследства как юрисдикционного способа «непринятия» наследства и непринятие наследства как неюрисдикционного. Отказ необратим, в то время как непринятие наследства «позволяет в дальнейшем заявить о принятии, восстановить пропущенный срок»². В. Н. Гаврилов определяет непринятие наследства как «фактическое положение, при котором наследник, призванный к наследованию, безразлично относится к вопросу наследования: не подает за-

¹ О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Рос. газ. 2012. № 127.

² Бараева Н. Б. Принятие наследства как юридический факт: правовая природа, особенности доказывания в нотариальной и судебной практике. URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Baraeva-Prinyatie_nasledstva.pdf.

явления о принятии наследства... не совершает фактических действий, свидетельствующих о принятии наследства, и не делает соответствующего заявления об отказе от наследства»¹.

Как утверждает Н. Ю. Рассказова, анализируя категорию «презумпция фактического принятия наследства», опровержение такой презумпции предоставляет наследнику «возможность в дальнейшем как принять наследство, так и отказаться от него». Однако в таком случае принятие наследства должно быть совершено в юрисдикционной форме, то есть путем прямого, а не косвенного, как при неюрисдикционном способе принятия наследства, волеизъявления².

Также исследователь поднимает не менее важный вопрос о сроке, в течение которого презумпция может быть опровергнута, поскольку он не закреплен ни в ст. 1154, ни в ст. 1157 ГК РФ. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 мая 2012 г. № 9³ выразил следующую позицию по данному вопросу: наследник, совершивший действия, которые могут свидетельствовать о принятии наследства, не для приобретения наследства, а в иных целях, вправе доказывать отсутствие у него намерения принять наследство, в том числе по истечении срока принятия наследства (ст. 1154 ГК РФ), представив нотариусу соответствующие доказательства либо обратившись в суд с заявлением об установлении факта непринятия наследства.

Тем не менее законодательное закрепление конкретного срока для опровержения презумпции фактического принятия наследства необходимо для устранения возможных трудностей на практике. Н. Ю. Рассказова выделяет следующие неблагоприятные для практики последствия отсутствия срока для опровержения презумпции: необходимость возобновления процесса распреде-

¹ Гаврилов В. Н. Непринятие и отказ от наследства // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4 (6). С. 47.

² См.: Рассказова Н. Ю. Фактическое принятие наследства // Вестн. гражд. права. 2016. № 5. С. 67.

³ См.: О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 // Рос. газ. 2012. № 127.

ления наследства, выдачи новых свидетельств о праве на наследство, изменения условий соглашения о разделе наследства (если такое было составлено); возможность обхода правил о сроке для отказа от наследства. Автор справедливо приходит к выводу, что «по истечении шестимесячного срока нет смысла сохранять для наследника право выбора: отказаться от наследства либо не принять его» и предлагает закрепить такой срок в ст. 1153 ГК РФ, указав, что «заявление наследника о факте непринятия наследства может быть подано в течение срока, установленного для его принятия»¹.

В любом случае до истечения шестимесячного срока или получения свидетельства о праве на наследство правопреемник не может распоряжаться наследственным имуществом, за исключение произведения за его счет расходов, прямо установленных законом: расходы, вызванные предсмертной болезнью наследодателя, расходы на его достойные похороны, включая необходимые расходы на оплату места погребения наследодателя, расходы на охрану наследства и управление им, а также расходы, связанные с исполнением завещания (ч. 1 ст. 1174 ГК РФ).

Таким образом, при наследственном преемстве в вещных правах способ приобретения права собственности сменяется с «передачи» на «принятие», потому что, во-первых, наследодатель при смерти утрачивает правосубъектность, соответственно «передать» вещь не может, во-вторых, передача предполагает завладение вещью, что не всегда происходит при юрисдикционном способе принятия наследства.

Рассматривая данный вопрос, следует особо остановиться на проблемах гражданско-правовой квалификации действий, совершаемых при наследовании несовершеннолетними недвижимыми.

Принятие наследства от имени несовершеннолетних осуществляют их законные представители (родители, опекуны). Отказаться от наследства несовершеннолетнего законный представитель может лишь с предварительного разрешения органа опеки и попечительства (ч. 2 ст. 37, ч. 4 ст. 1157 ГК РФ,

¹ Рассказова Н. Ю. Указ. соч. С. 67.

ст. 21 Федерального закона от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»¹⁾ и только в исключительных случаях (например, при превышении размера долгов по отношению к стоимости наследственного имущества²⁾).

Однако на практике часто встречаются случаи, при которых законный представитель не отказывается от наследства несовершеннолетнего, но и не принимает его. По достижении совершеннолетия лицо, за которое его законный представитель не принял наследство, обращается в суд с целью восстановления срока для принятия наследства. Иногда за защитой прав несовершеннолетних в таких ситуациях в суд обращаются органы опеки и попечительства. Суды, руководствуясь необходимостью защиты прав несовершеннолетних, восстанавливают срок принятия наследства, указывая, что несовершеннолетние фактически лишены права самостоятельно реализовать свои права на защиту наследственных прав, а законные представители нередко не осуществляют должного контроля за соблюдением права несовершеннолетних на вступление в наследство. Вместе с тем малолетний возраст наследника, не позволяющий ему самостоятельно и в установленные законом сроки реализовать свое право на принятие наследства, а также ненадлежащее исполнение законным представителем возложенных на него законодательством функций по защите прав и интересов несовершеннолетнего ребенка являются уважительной причиной для восстановления срока на принятие наследства³⁾. Суды также отмечают, что необходимо оценивать реальную возможность заявить о своих правах на наследственное имущество самого несовершеннолетнего, а не его законного представителя, то есть причины пропуска срока для принятия наследства должны быть связаны с личностью наследника⁴⁾.

¹ См.: Об опеке и попечительстве : Федер. закон от 24 апр. 2008 г. № 48-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2008. № 17. Ст. 1755.

² См.: Цветков В. А. Указ. соч. С. 61.

³ См.: Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20 ноября 2019 г. № 88-462/2019 по делу № 2-7065/2018; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25 февраля 2020 г. № 88-4363/2020 по делу № 2-228/2019.

⁴ См.: Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 26 сентября 2017 г. по делу № 33-11214/2017.

В научной литературе также отмечается, что «при непринятии наследства законным представителем в установленный срок следовало бы признавать уважительной причиной пропуска период несовершеннолетия ребенка»¹.

С другой стороны, в таких ситуациях нарушаются интересы других наследников и третьих лиц (добросовестных приобретателей), что в свою очередь оказывает негативное влияние на развитие имущественного оборота. Так, по одному из дел суд не принял во внимание довод ответчика о том, что законный представитель, зная о гибели отца ребенка, присутствуя на похоронах, должна была действовать в его интересах, своевременно подать заявление нотариусу о принятии наследства сыном после смерти отца, однако таким правом воспользовалась спустя 12 лет, а также о том, что ребенок достиг возраста 14 лет 20 января 2017 года, а в суд иск был подан в сентябре 2018 года². В результате срок принятия наследства был восстановлен, несмотря на то, что с момента открытия наследства прошло 12 лет. Соответственно могли быть нарушены интересы других наследников. Поэтому, на наш взгляд, следует законодательно установить обязанность законных представителей несовершеннолетних принимать наследство юрисдикционным способом.

По поводу фактического принятия наследства несовершеннолетними отметим следующее. В литературе указывается, что несовершеннолетние «могут принять наследство путем совершения конклюдентных действий»³, а «факт проживания недееспособного гражданина в наследуемом жилом помещении, пользование каким-либо другим имуществом, переходящим по наследству, свидетельствует о принятии наследства»⁴.

¹ Беспалова А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка по закону: некоторые аспекты // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 7. С. 85.

² См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 20 июня 2019 г. по делу № 33-26608/2019.

³ Казанцева А. Е. Указ соч. С. 99.

⁴ Котарев С. Н. Осуществление и защита наследственных прав недееспособных граждан // О-во и право. 2010. № 2 (29). С. 53.

Анализ судебной практики также позволяет прийти к выводу о том, что суды исследуют вопрос о фактическом принятии наследства несовершеннолетним. При этом законных представителей считают бездействующими, даже если они фактически приняли наследство несовершеннолетних. Так, по одному из дел суд пришел к выводу, что на момент смерти матери гражданин находился в несовершеннолетнем возрасте и в силу этого не мог в полной мере пользоваться своими правами и совершать определенные действия, однако, оставаясь проживать по последнему месту жительства матери, использовал ее вещи, фактически принял наследство после ее смерти¹. По аналогичным делам суды также рассматривали вопрос о фактическом принятии наследства несовершеннолетними².

Возникает вопрос: могут ли несовершеннолетние (не признанные дееспособными в полном объеме) принимать наследство фактическим способом, если считать, что принятие наследства – односторонняя сделка, требующая наличия воли? Представляется, что, исходя из буквального толкования закона, указанные лица не наделены соответствующим правом. Даже в том случае, если несовершеннолетний, к примеру, продолжает проживать в квартире, относящейся к наследственному имуществу, нельзя говорить о его волеизъявлении на принятие наследства.

Разумеется, можно было бы предположить, что при наличии у несовершеннолетнего интереса в принятии в порядке наследования недвижимого имущества (заменяющего в некотором смысле волю) у него могли бы возникать соответствующие права. Однако такое допущение, очевидно, неблагоприятно для прав иных лиц и чревато конфликтами. Проблема обостряется при наследовании особо ценных вещей, например, недвижимого имущества.

¹ См.: Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16 января 2020 г. по делу № 88-527/2020.

² См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 января 2016 г. № 5-КГ15-180; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23 апреля 2020 г. № 88-10760/2020.

Поэтому полагаем, что в целях защиты прав и интересов несовершеннолетних (а как следствие и других наследников и третьих лиц) при реализации способности к правопреемству при наследовании необходимо на законодательном уровне закрепить обязанность законных представителей несовершеннолетних принимать наследство, особенно включающее недвижимость, юрисдикционным способом либо отказаться от него с предварительного разрешения органов опеки и попечительства.

Представляется целесообразным в целом закрепить обязательное принятие недвижимости в составе наследства юрисдикционным способом (ввиду его особой ценности). Значительные трудности на практике возникают в ситуации, когда наследник не принял наследство юрисдикционным способом, не отказался от него, фактически недвижимым имуществом не пользовался и обратился в суд по истечении срока на принятие наследства с требованием признать его фактически принявшим недвижимость из состава наследства. Часто при возникновении подобных споров суды признают наследника принявшим недвижимое имущество, даже если он принял только личные вещи наследодателя (например, предметы одежды).

Так, Б., С. и Т. обратились в суд с иском к Е. об установлении факта принятия наследства после смерти А., о признании недействительными записей регистрации в ЕГРН о праве собственности Е. и признании права собственности в порядке наследования. В обоснование иска указали, что после смерти их бабушки открылось наследство в виде жилого дома и земельного участка – 1/33 доли в праве общей долевой собственности на земельный участок и денежных средств, находящихся на банковских счетах. Указанное имущество на свое имя оформил ответчик. Истцы как наследники по праву представления фактически приняли наследство, взяв себе принадлежавшие бабушке вещи: одеяло, золотые украшения, светильник, что, по их мнению, свидетельствует о фактическом принятии наследства. Решениями суда первой и апелляцион-

ной инстанций искивые требования удовлетворены частично. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ решения судов нижестоящих инстанций отменила¹.

Однако не всегда в подобных ситуациях суды вышестоящих инстанций отменяют решения судов первых инстанций об установлении факта принятия наследства в виде недвижимого имущества. Например, по одному из дел истица считала, что фактически приняла наследство, поскольку забрала собаку породы фокстерьер по кличке Голик, содержала и ухаживала за собакой, взяла документы и фотографии, принадлежавшие наследодателю, содержала и содержит автомобиль в надлежащем состоянии, распорядилась личными вещами наследодателя. Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции о признании права собственности истицы на квартиру в порядке наследования². По-другому же делу наследники требовали признания права собственности в порядке наследования, так как приезжали на похороны отца и впоследствии матери, выразили желание принять наследство, приняли часть наследства в виде личных вещей и предметов, принадлежавших наследодателям. Решение суда первой инстанции о признании права собственности в порядке наследования оставлено без изменения³.

Следовательно, из-за возможности принятия наследства неюрисдикционным (фактическим) способом возникает дополнительная нагрузка на судебную систему.

Также трудности на практике связаны с установлением самого факта принятия наследства. К примеру, Е. обратилась в суд с иском к Б. об установлении факта принятия наследства, о признании права собственности на 1/5 долю в праве собственности на квартиру в порядке наследования. В обоснование заявленных требований Е. указала, что после смерти ее брата открылось

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2018 г. № 50-КГ18-22.

² См.: Апелляционное определение Московского городского суда от 8 сентября 2020 г. № 33-15960/2020.

³ См.: Кассационное определение Волгоградского областного суда от 8 февраля 2012 г. по делу № 33-1481/2012.

наследство в виде квартиры, в которой истец проживала с братом с 2008 года, осуществляла за братом уход, своими средствами оплатила ремонт в квартире. После смерти брата осталась проживать в спорной квартире, другого жилья не имеет. Обратившись к нотариусу с заявлением о принятии наследства, получила отказ, поскольку обращение было по истечении установленного шестимесячного срока. Между тем ответчик оформила право собственности на квартиру на свое имя. Указывая, что своими действиями фактически приняла наследство после смерти брата, Е. обратилась в суд. Решением суда первой инстанции исковые требования Е. удовлетворены. Апелляционным определением это решение суда отменено, в удовлетворении иска Е. отказано. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отменила апелляционное определение и пришла к выводу о фактическом принятии истцом наследства после смерти брата, поскольку она осуществила действия по сохранению наследственного имущества и защите его от посягательства третьих лиц¹.

Подобные ситуации также создают дополнительную нагрузку на судебную систему.

Думается, что законодательное закрепление возможности принять недвижимые вещи в составе наследства только юрисдикционным способом позволит решить указанные проблемы.

Поскольку универсальное правопреемство, помимо наследования, имеет место также при реорганизации юридических лиц, отметим следующее. В науке высказывается справедливое мнение, что «юридические факты, с которыми законодательство связывает реорганизацию юридических лиц и переход имущества в порядке универсального правопреемства, образуют собой сложный юридический состав»². Основанием правопреемства, по нашему мнению,

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-83.

² Емельянцев В. П. Указ. соч. С. 201.

следует считать решение собрания о проведении реорганизации. Не все исследователи разделяют данную точку зрения.

А. В. Габов, анализируя правопреемство при слиянии, отмечает, что «основанием для перехода является закон, который связывает такой переход с реализацией определенного юридического состава», а именно – решение о реорганизации, договор о слиянии¹.

Существует мнение, согласно которому основанием приобретения права собственности при реорганизации является «акт государственной регистрации создания или прекращения юридического лица (в зависимости от вида реорганизационной процедуры)»². Действительно, государственная регистрация вновь созданного при реорганизации юридического лица (или нескольких юридических лиц) играет важную роль, но только для определения момента приобретения права собственности.

Существует точка зрения, что «для согласованности в действиях, установления порядка и условий проведения реорганизации следует признать положительной практику заключения договоров о реорганизации»³. Представляется, подобные договоры следует также считать основанием реорганизации. Однако сфера их применения ограничивается лишь реорганизацией в форме слияния и присоединения, поскольку только при этих формах реорганизации изначально существуют юридические лица, которые и могут стать сторонами договора. В настоящее время возможность заключения договоров о слиянии и договоров о присоединении предусмотрена в специальных законах об отдельных видах юридических лиц (ст. 16, 17 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»⁴, ст. 52, 53 Федерального за-

¹ Габов А. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. С. 44.

² Соломин С. К. Указ. соч. С. 51–52.

³ Емельянцева В. П. Указ. соч. С. 206.

⁴ См.: Об акционерных обществах : Федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ // Рос. газ. 1995. № 248.

кона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹). Тем не менее следует согласиться, что такие договоры «носят исключительно обязательственный характер, поскольку непосредственный переход имущества к вновь учреждаемой или присоединяющей компании законодательство связывает не с договором, а с передаточным актом»².

Способ приобретения права собственности при реорганизации также имеет особенности. Поскольку передача в традиционном смысле невозможна, скорее всего, порядок изменения субъекта вещных правоотношений при реорганизации связан с регистрацией вновь созданного юридического лица (на балансе которого и будет находиться переданное в соответствии с передаточным актом или разделительным балансом имущество). При этом, полагаем, передаточный акт и разделительный баланс по своей правовой природе представляют собой сделки. В научной литературе отмечается, что «моментом перехода прав и обязанностей в результате правопреемства» при реорганизации (т. е. способом приобретения права собственности) является утверждение и регистрация передаточного акта³.

Также следует отметить, что при правопреемстве в отношении ограниченных вещных прав (за исключением сервитута) имеются особенности, связанные с законодательно установленными ограничениями по субъектному составу этих прав (право хозяйственного ведения и оперативного управления; право постоянного бессрочного пользования земельным участком). Это позволяет некоторым исследователям сделать справедливое заключение о том, что «ограниченные вещные права с особым субъектным составом не могут выступать объектом универсального правопреемства при реорганизации корпораций»⁴.

¹ См.: Об обществах с ограниченной ответственностью : Федер. закон от 8 февр. 1998 г. № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 7. Ст. 785.

² Емельянцев В. П. Указ. соч. С. 227.

³ См.: Пименов Г. Ф. Универсальное правопреемство в отношении юридического лица как условие гарантированности его обязательств.

⁴ Емелькина И. А. Теоретические проблемы приобретения права собственности при реорганизации корпорации.

Таким образом, для осуществления преемства в вещных правах при реорганизации необходим следующий набор юридических фактов: решение собрания о реорганизации в форме слияния, присоединения, разделения или выделения (основание), договор о слиянии или присоединении (основание), государственная регистрация создания юридического лица. При этом необходимо учитывать законодательные ограничения по субъектному составу ряда ограниченных вещных прав, что имеет значение при реорганизации как одной из форм универсального правопреемства.

3.2 Действия публично-правовых образований, опосредующие преемство в вещных правах

Значение государственной регистрации для преемства в вещных правах. В науке гражданского права одним из спорных является вопрос о правовой природе государственной регистрации перехода прав и ее значении для возникновения вещного права у правопреемника.

А. В. Швабауэр отмечает, что заявление о регистрации права и (или) акт регистрации рассматриваются некоторыми исследователями как вещная сделка. Сам исследователь, указывая на публичность акта регистрации, полагает, что включать его в понятие сделки некорректно. То же он отмечает и в отношении заявления о регистрации, поскольку его подача – административное действие, которое запускает процедуру регистрации¹.

В результате своего исследования А. В. Швабауэр приходит к выводу, что необходимо «регистрацию прав квалифицировать как самостоятельный юридический факт сложного юридического состава – основание для возникновения прав на недвижимость, поскольку по общему правилу без такой регистрации право возникнуть не может»².

¹ См.: Швабауэр А. В. Указ. соч. С. 35–36.

² Там же. С. 37–38.

Определяя роль государственной регистрации установления, изменения, перехода или прекращения вещных прав на недвижимость, Е. А. Суханов указывает на «необходимость осведомленности всех участников оборота („всех третьих лиц”) о содержании вещных прав», то есть о важности соблюдения принципа публичности. Данный принцип соблюдается и при правопреемстве в вещных правах на движимые вещи, но посредством простой традиции – открытой передачи вещи и права собственности на нее¹.

В. П. Емельянцев не рассматривает государственную регистрацию в качестве элемента правопреемства, так как она не является переходом прав, а лишь удостоверяет прекращение прав у отчуждающего лица и их возникновение у приобретающего лица².

Значение государственной регистрации перехода прав в рамках рассмотрения сингулярного правопреемства в вещных правоотношениях следует рассматривать через выделение правомочий в праве собственности. Общеизвестно, что собственник вещи обладает триадой правомочий: владение, пользование и распоряжение. После передачи движимой вещи у правопреемника появляются все три правомочия. У правопреемника же недвижимой вещи после передачи, но до государственной регистрации – только два правомочия: владения и пользования. Однако это не право собственности, и такой набор правомочий есть, к примеру, у арендатора. Следовательно, это еще «неполноценное» право собственности.

По этому поводу в научной литературе также сложилось несколько взглядов. Так, по мнению А. В. Швабауэра, «владение как правомочие в составе права собственности появляется в момент регистрации права». До этого момента владение следует рассматривать как факт³.

¹ Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве. С. 46.

² См.: Емельянцев В. П. Указ. соч. С. 83.

³ Швабауэр А. В. Указ. соч. С. 35.

Еще К. П. Победоносцев задавался вопросом о правовом положении лица, которому недвижимость передана, но его право не записано в поземельную книгу. Исследователь пришел к выводу, что собственником такое лицо не является, поскольку его право еще не совершилось окончательно, но может им стать по давности владения. К тому же такое лицо пользуется и защитой закона, однако только против стороны по сделке, на основании которой ему была передана недвижимость, и против третьих лиц, чье право на данную недвижимость не записано в поземельную книгу¹.

Современная судебная практика исходит из того, что исполнение договора продажи недвижимости сторонами до государственной регистрации перехода права собственности не является основанием для изменения их отношений с третьими лицами. Возможность распоряжения недвижимым имуществом до момента государственной регистрации права собственности на данное имущество является неосуществимой, поскольку названное право сохраняется за продавцом², то есть не считается возникшим у покупателя³. В частности, покупатель по договору купли-продажи до осуществления государственной регистрации права собственности не может реализовать право на сдачу покупаемой недвижимости в аренду⁴, не вправе требовать освобождения имущества от ареста⁵. Основные позиции по данному вопросу были выработаны в Постановлении Пленума ВС РФ № 10 и Пленума ВАС РФ № 22 от

¹ См.: Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 1–3.

² См.: Определение ВАС РФ от 21 сентября 2007 г. № 9822/07 по делу № А65-15773/2006-СГ1-17; определение ВАС РФ от 14 ноября 2007 г. № 14060/07 по делу № А40-39033/05-43-386; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10 мая 2017 г. № Ф08-2028/2017 по делу № А53-14975/2016.

³ См.: Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 февраля 2018 г. № Ф07-16890/2017 по делу № А56-20779/2017.

⁴ См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 30 марта 2011 г. по делу № А79-3964/2010.

⁵ См.: Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 23 июня 2011 г. по делу № А43-21254/2010.

29 апреля 2010 г.¹, которым в настоящее время и следуют суды². Согласно названному постановлению государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права. После передачи владения недвижимым имуществом покупателю, но до государственной регистрации права собственности покупатель является законным владельцем этого имущества и имеет право на защиту своего владения на основании ст. 305 ГК РФ. В то же время покупатель не вправе распоряжаться полученным им во владение имуществом, поскольку право собственности на это имущество до момента государственной регистрации сохраняется за продавцом.

В Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25³ уточняется, что для лиц, не являющихся сторонами сделки и не участвовавших в деле, считается, что подлежащие государственной регистрации права на имущество возникают, изменяются и прекращаются с момента внесения соответствующей записи в государственный реестр, а не в момент совершения или фактического исполнения сделки либо вступления в законную силу судебного решения, на основании которых возникают, изменяются или прекращаются такие права (п. 2 ст. 8.1, п. 2 ст. 551 ГК РФ). При этом с момента возникновения соответствующего основания для государственной регистрации права стороны такой сделки или лица, участвовавшие в деле, в результате рассмотрения которого принято названное судебное решение, не вправе в отношениях между собой недобросовестно ссылаться на отсутствие в государственном реестре записи об этом праве. То есть презюмируется, что субъект вещного правоотношения изменился (место правопродшественника занял правопреемник)

¹ См.: О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ № 22 от 29 апр. 2010 г. // Рос. газ. 2010. № 109.

² См.: Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 16 апреля 2019 г. № 21АП-1604/2018 по делу № А83-802/2018.

³ См.: О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. 2015. № 140.

в момент заключения договора купли-продажи именно для его сторон, иначе создается ситуация, благоприятная для злоупотребления правом.

Тем не менее позиция судов толкуется некоторыми исследователями гораздо шире. Так, О. А. Полежаев утверждает, что вещное право возникает у правопреемника при исполнении договора купли-продажи, то есть с момента передачи недвижимости и при исполнении иных обязательств сторон, в то время как государственная регистрация перехода прав не имеет значения для осуществления правопреемства. Исследователь приводит следующие аргументы в поддержку своей точки зрения. Прежде всего он указывает, что в ряде случаев и до осуществления государственной регистрации правопреемник реализует правомочие распоряжения. К примеру, физические свойства такой недвижимой вещи, как земельный участок, обуславливают невозможность его использования без изменения: «земельный участок воспримет человеческую деятельность и сохранит следы последней». Так, если «покупатель участка до регистрации права на него возведет строение, то между последним и земельным участком возникнут юридические связи», что повлечет изменения не только физических свойств земельного участка, но и его правового режима. Думается, суждение относительно изменения правового режима отличается неточностью: возведение строения на чужом земельном участке юридически незначимо. И только при наличии дополнительных обстоятельств самовольная постройка становится недвижимой вещью, что может оказать влияние на правовой режим земельного участка. Но в этом случае речь идет об ином юридическом составе, определяющем возникновение прав¹.

Важно отметить позицию ВАС РФ еще по одному вопросу. Покупатель здания, строения, сооружения вправе требовать оформления соответствующих прав на земельный участок, занятый недвижимостью и необходимый для ее использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний собственник недвижимости, с момента государственной регистрации перехода

¹ См.: Полежаев О. А. Гражданско-правовое регулирование застройки земельных участков в Российской Федерации : монография. М., 2017. С. 102–117.

права собственности на здание, строение, сооружение. Если недвижимость находится на земельном участке, принадлежащем продавцу на праве постоянного (бессрочного) пользования, а покупателю земельный участок на таком праве предоставляться не может, последний как лицо, к которому перешло право постоянного (бессрочного) пользования земельным участком в связи с приобретением здания, строения, сооружения, может оформить свое право на земельный участок путем заключения договора аренды или приобрести его в собственность¹. В научной литературе справедливо отмечается, что данное правило следует распространять и на иные ограниченные вещные права (на которых отчуждателю принадлежал земельный участок, занятый продаваемым зданием, строением, сооружением), за исключением права пожизненного наследуемого владения, которое переходит только по наследству².

О. А. Полежаев также задается вопросом о том, что происходит с правомочием распоряжения, если ни правопродшественник, ни правопреемник не управомочены распоряжаться недвижимой вещью до момента государственной регистрации? Можно ли считать, что в промежуток времени между передачей вещи и государственной регистрацией перехода прав правомочие распоряжения «прекращается как таковое и перестает существовать в принципе, либо правомочия по распоряжению вещью отделяются от носителей прав, выходят из состава субъективных прав и существуют вне зависимости от участников правоотношения»? Исследователь приходит к выводу, что акт регистрации вторичен, в то время как «акт исполнения обязательств по передаче денег и вещи является первостепенным и важнейшим, из чего можно предположить, что именно с ним необходимо связывать момент возникновения вещно-правового эффекта на стороне покупателя». Автор обозначает ситуацию, в которой

¹ См.: О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства : Постановление Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 11 // Вестник ВАС РФ. 2005. № 5.

² Грось Л. А. О сопоставлении понятий «гражданское законодательство», «гражданское право» и «земельное законодательство» и вещных правах на земельные участки // Журн. рос. права. 2002. № 9. С. 46–47.

вещь передана правопреемнику, но государственная регистрация еще не осуществлена, как «разрыв (диссонанс) материи права собственности на недвижимость», поскольку форма права сохраняется за правопреемником (продавцом), а содержание переходит к правопреемнику (покупателю)¹.

Выводы О. А. Полежаева небезосновательны. Действительно, в связи с особенностями государственной регистрации, на совершение которой даже в современных условиях при наличии технических устройств требуется некоторое время, возникает фактическая неосуществимость правомочия распоряжения. Разумеется, как это было отмечено выше, такая ситуация – источник возможных конфликтов, связанных со злоупотреблением правом, которые обязательно нужно предотвращать, совершенствуя законодательство. Однако в первую очередь это связано с ускорением действий государственных органов, которые обязаны производить государственную регистрацию в предельно короткие сроки. Законодатель должен стремиться к тому, чтобы она по времени совпадала с моментом заключения договора.

В связи с этим хотелось бы отметить, что важную роль в решении данного вопроса должна сыграть реализация планов по переводу государственной регистрации перехода прав на блокчейн. Технология блокчейн – это децентрализованная распределенная база данных обо всех подтвержденных транзакциях, которые были совершены в отношении определенного актива; в основе функционирования такой базы данных – криптографические алгоритмы². «Блокчейн не имеет центрального органа, поэтому транзакции проверяются всеми участниками системы. Программный код сети открыт, и любой может обратиться к нему, но личность и другая персональная информация остаются тайной. Все, что видят создатели блоков, – данные по каждой конкретной операции»³. «В каждом блоке хранится информация о транзакции участников,

¹ Полежаев О. А. Указ. соч. С. 102–117.

² См.: Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94.

³ Грушин И. Ю. Blockchain – решение проблем регистрации недвижимости // Моск. экон. журн. 2018. № 2. С. 50.

включая стороны, дату и иную служебную информацию, а сами блоки выстроены в единую цепочку. Все блоки последовательно связаны друг с другом таким образом, что каждый последующий блок содержит информацию о предыдущем. ...Отменить или изменить операцию невозможно»¹.

В научной литературе в основном положительно относятся к планируемому нововведению. В качестве преимуществ перевода государственной регистрации на блокчейн отмечают следующие: мгновенное оформление документов; исключение необходимости обращаться повторно, поскольку документы не могут быть потеряны или повреждены; избавление от излишней бюрократизации делового оборота; отсутствие посредников при проведении регистрационных и учетных действий²; ускорение процесса совершения сделок благодаря отсутствию необходимости обращаться в разные органы и инстанции³; «децентрализация, которая минимизирует риски отказа работы в случае выхода из строя отдельной системы; повышенная степень безопасности за счет использования средств криптографии при осуществлении каждой транзакции; невозможность изменения данных блокчейна задним числом; оперативность за счет автоматизированного обмена данными, в котором отсутствует человеческий фактор; прозрачность, поскольку все действия в рамках блокчейна документируются и доступны для ознакомления всем участникам системы»⁴.

Однако ряд авторов выделяют и некоторые недостатки рассматриваемого нововведения. Так, Д. В. Лоренц отмечает, что «последующий возврат сторон в первоначальное имущественное положение на основании судебного решения с аннулированием записи о транзакции будет несовместим с таким свойством блокчейна, как бесповоротность записей; применение компенсаторных механизмов будет проблематичным, поскольку в такой среде состав

¹ Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография. М., 2019. С. 321.

² См.: Грушин И. Ю. Указ. соч. С. 50.

³ См.: Ружейникова М. Применение блокчейн-технологии в сфере регистрации и трансфера собственности: проблемы и перспективы. URL: <https://lap.hse.ru/data/2017/06/15/1170369409/Регистрация.pdf>.

⁴ Савельев А. И. Указ. соч. С. 94–95.

участников является анонимизированным и отсутствует координирующий центр, который мог бы быть ответственным за неосмотрительное совершение записей; наделение искусственного интеллекта деликтоспособностью на данный момент остается пробелом в праве и дискуссионным в науке, но когда программисты смогут создать робота-агента, выполняющего множество социальных ролей, тогда и возникнет потребность в юридической маске для нового субъекта, обладающего сознанием, совестью человека; при цифровой репрезентации объектов гражданских прав посредством токенизации в цивилистике придется решать проблему вытеснения правовым режимом токена существующих классических правовых режимов на вещь и определять соответствующие способы защиты прав добросовестных приобретателей, что кардинально может повлиять на условия удовлетворения виндикации или ее аналога при их реализации в цифровую эпоху развития права»¹.

Однако полагаем, что перевод государственной регистрации на блокчейн будет иметь положительный эффект и решит ряд проблем, связанных с определением момента окончания правопреемства в вещных правоотношениях. Все недостатки данной системы, выделяемые рядом авторов, необходимо будет решить в процессе апробации.

Тем не менее значение, которое имеют недвижимые вещи для гражданского оборота, а также важность принципа публичности, осведомленности всех третьих лиц о судьбе недвижимости заставляют прийти к следующему выводу. Несмотря на то, что акт государственной регистрации является не правоустанавливающим, а правоподтверждающим актом и в силу своего публичного характера не входит в сферу гражданско-правового регулирования, его следует признать одним из юридических фактов, входящих в сложный юридический состав, необходимый для осуществления и завершения правопреемства.

¹ Лоренц Д. В. Влияние юридических фикций на виндикацию выморочного имущества в свете позиции Конституционного Суда Российской Федерации // Журн. рос. права. 2018. № 10. С. 47.

Государственная регистрация перехода прав при наследственном преемстве уже не имеет такого значения, поскольку действует юридическая фикция – право собственности возникает с момента открытия наследства независимо от момента его принятия. Существование такой юридической фикции находит неоднозначную оценку в научной литературе. Так, Д. В. Лоренц отмечает, что «допущение такой фикции откроет путь неограниченной виндикации от любого добросовестного приобретателя, поскольку в случае посягательства на „лежащую” наследственную массу наследник явным образом всегда будет считаться утратившим вещь помимо своей воли, что экономически неэффективно для целей защиты гражданского оборота»¹.

Тем не менее рассматриваемые правила, обозначаемые в качестве фикции, вытекают из сущности наследственного преемства, направленного на замену выбывшего из множества правоотношений лица. Они важны для обеспечения непрерывности «связи между прекращением прав наследодателя в связи со смертью и возникновением прав наследника на наследственное имущество, чем устраняется неопределенность в правовом режиме наследственной массы»². Полному устранению неопределенности при наследовании способствует волевое действие потенциального наследника, который принимает наследство или отказывается от него. Таким образом, логично предположить, что замещение наследодателя определено волей законодателя и потому изначально не связано с какими-либо действиями потенциального правопреемника (что демонстрирует общность правопреемства в любых правоотношениях и его идеальный характер), но может быть скорректировано волей наследника, выраженной в вещных отношениях прежде всего завладением им вещью. При таком понимании процесса принятия наследства фикцией, скорее, выглядит правило о возникновении права собственности с момента государственной регистрации перехода прав при наследовании.

¹ Лоренц Д. В. Указ. соч. С. 59.

² Сидорова Е. Л. Указ. соч. С. 5.

Следует отметить, что ситуацию могут изменить новеллы, введенные Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 3 августа 2018 г. № 338-ФЗ¹ в ст. 72 и 73 Основ законодательства о нотариате², согласно которым после выдачи свидетельства нотариус обязан незамедлительно, не позднее окончания рабочего дня, представить в электронной форме заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы в орган регистрации прав. В случае возникшей по причинам, за которые нотариус не отвечает, невозможности представить заявление о государственной регистрации прав и прилагаемые к нему документы в орган регистрации прав в электронной форме нотариус обязан представить их в форме документов на бумажном носителе не позднее двух рабочих дней со дня выдачи свидетельства.

Данное нововведение играет важную роль. Государственная регистрация прав правопреемника происходит теперь как бы «автоматически», избавляя правопреемников от необходимости совершать какие-либо действия для завершения правопреемства и упрощая юридический состав правопреемства при наследовании (не меняя при этом его сути, поскольку воля уже была выражена). К тому же, несмотря на то, что государственная регистрация прав на недвижимость обязательна, но право собственности на нее при правопреемстве в порядке наследования возникает с момента открытия наследства, такие новеллы устраняют некоторую существовавшую неопределенность (наследники после принятия наследства могли просто не обратиться за регистрацией своих прав).

Вопрос о необходимости государственной регистрации перехода прав при реорганизации был разрешен Пленумом ВС РФ и Пленумом ВАС РФ³.

¹ См.: О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 3 авг. 2018 г. № 338-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2018. № 32 (Ч. 2). Ст. 5131.

² См.: Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утверждены Верхов. Советом РФ 11 февр. 1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357.

³ См.: О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление

Было установлено, что, если реорганизованному юридическому лицу (правопреемнику) принадлежало недвижимое имущество на праве собственности, это право переходит к вновь возникшему юридическому лицу независимо от государственной регистрации права на недвижимость. Право собственности на недвижимое имущество в случае реорганизации юридического лица возникает с момента ее завершения. Вновь возникшее юридическое лицо вправе обратиться с заявлением о государственной регистрации перехода права собственности в орган, осуществляющий государственную регистрацию прав на недвижимое имущество и сделок с ним, после завершения реорганизации (п. 11).

Переход к публично-правовым образованиям вещей в порядке выморочности. Отдельно остановимся на проблемах, возникающих при квалификации действий, совершаемых публично-правовыми образованиями в рамках участия в наследственных правоотношениях.

Цель установления возможности перехода имущества лица, не оставившего завещание, не заключившего наследственный договор и не имеющего наследников по закону, к публично-правовым образованиям – завершить процесс универсального правопреемства и не допустить появления бесхозного имущества. При этом правопреемство в вещных правоотношениях при наследовании обладает некоторыми особенностями, связанными как с необходимостью «передачи» вещи, так и с важностью учета воли наследодателя (при переходе выморочного имущества такая воля должна считаться предполагаемой, так как отсутствует завещание и наследственный договор). Следовательно, при переходе выморочного имущества необходимо учитывать баланс публичных и частных интересов.

В соответствии с ч. 2 ст. 1116 ГК РФ Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования могут призываться к

Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Ввысш. Арбитраж. Суда РФ № 22 от 29 апр. 2010 г. // Рос. газ. 2010. № 109.

наследованию по завещанию либо к наследованию по закону в порядке, установленном ст. 1151 ГК РФ. К основаниям наследования отнесены завещание, наследственный договор и закон (абз. 1 ст. 1111 ГК РФ). Закреплены семь очередей наследования по закону (ст. 1142–1145 ГК РФ). Тем не менее Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования не относятся ни к одной из указанных очередей наследования. Некоторые авторы прямо называют переход выморочного имущества к публично-правовым образованиям наследованием по закону¹. Представляется, что данное несоответствие связано с особым статусом публично-правовых образований при переходе к ним выморочного имущества.

Во-первых, поскольку Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования в таких ситуациях не являются ни наследниками по завещанию, ни наследниками по наследственному договору, ни наследниками по закону (по смыслу абз. 1 ст. 1111 ГК РФ), то, полагаем, они выступают не в качестве наследников, а именно как публично-правовые образования, наделенные властно-распорядительными полномочиями (т. е. как субъекты, обладающие публичной властью, а не как юридически равные субъекты гражданских правоотношений).

Во-вторых, особый статус приобретает имущество наследодателя: если при наследовании по завещанию, по наследственному договору или по закону такое имущество составляет наследственную массу (наследство согласно ст. 1112 ГК РФ), то при его переходе к публично-правовым образованиям оно становится «выморочным имуществом». То, что такое имущество по составу совпадает с наследственной массой и цель его перехода к публично-правовым образованиям – замена умершего лица в правоотношениях, не позволяет согласиться с мнением авторов, полагающих, что «приобретение государством

¹ См.: Демичев А. А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2014. № 1 (25). С. 91.

выморочного имущества является особым случаем приобретения бесхозяйного имущества»¹.

В-третьих, далеко не все нормы, регулирующие наследование по закону, применяются к наследованию выморочного имущества (к примеру, для приобретения выморочного имущества принятия наследства не требуется (абз. 2 ч. 1 ст. 1152 ГК РФ)).

В соответствии с ч. 3 ст. 1151 ГК РФ порядок наследования и учета выморочного имущества, переходящего в порядке наследования по закону в собственность Российской Федерации, а также порядок передачи его в собственность субъектов Российской Федерации или в собственность муниципальных образований должен определяться законом, однако такой закон в настоящее время еще не принят. В связи с многочисленными проблемами, возникающими на практике, назрела острая необходимость его принятия. В частности, в нем необходимо ужесточить правила в отношении публично-правовых образований при приобретении выморочного имущества, а также должны найти решение следующие вопросы.

Как было сказано выше, для приобретения выморочного имущества принятия наследства не требуется. Несмотря на это, на практике принятие наследства осуществляется, причем формальным способом. Так, свидетельство о праве на наследство выдается и публично-правовому образованию при переходе выморочного имущества (абз. 3 ч. 1 ст. 1162 ГК РФ). Хотелось бы отметить, что в связи с изменением статуса наследства на выморочное имущество такой правоподтверждающий документ следует называть свидетельством о праве на выморочное имущество, что будет указывать на его отличие от свидетельства о праве на наследство. Необходимо, по нашему мнению, установить обязанность (а не право) публично-правового образования обратиться за получением такого документа.

¹ Кравченко К. В. К вопросу о правовой природе перехода выморочного имущества // Сиб. юрид. вестн. 2009. № 2 (45). С. 58.

Суды указывают, что то обстоятельство, когда муниципальное образование не должно выражать волю на принятие выморочного имущества, не означает, что оно становится собственником имущества автоматически и не нуждается в оформлении своих прав¹. Муниципальные образования принимают акты, определяющие порядок оформления и учета выморочного имущества². На это указывают и некоторые исследователи³. Так, О. В. Шведкова отмечает, что «такие акты не должны иметь юридической силы, поскольку отношения, связанные с наследованием, регулируются на уровне РФ как подотрасль гражданского права»⁴.

В вышеупомянутых актах муниципальных образований момент начала принятия наследства определяется как день (или момент) выявления факта смерти. Данная формулировка представляется неопределенной. Следует дополнительно закрепить обязанность публично-правовых образований выявлять факты смерти лиц, имущество которых может приобрести статус выморочного, а также установить процедуру такого выявления на законодательном уровне.

В судебной практике рассматриваются случаи фактического принятия выморочного имущества публично-правовыми образованиями. Так, в судебных решениях встречаются такие формулировки: муниципальное образование

¹ См.: Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 сентября 2010 г. по делу № А52-1950/2010.

² См.: Об утверждении Положения о порядке оформления и учета выморочного имущества, переходящего в собственность муниципального образования Краснослободское городское поселение : решение Совета депутатов Краснослоб. гор. поселения Краснослоб. муницип. р-на Респ. Мордовия от 29 дек. 2011 г. № 15 // Гор. вести. 2011. № 24; Об утверждении положения о порядке учета и оформления выморочного имущества, переходящего в собственность муниципального образования Zubovo-Polyanskogo муниципального района Республики Мордовия : решение Совета депутатов Zubovo-Polyan. муницип. р-на Респ. Мордовия от 16 нояб. 2012 г. № 4 // Вестн. Zubovo-Polyan. муницип. р-на. 2012. № 24.

³ См.: Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? // LexRussica. 2016. № 11 (120). С. 140; Шведкова О. В. Участие публичных образований в наследственном правопреемстве // Пробелы в рос. законодательстве. 2012. № 6. С. 88.

⁴ Шведкова О. В. Указ. соч. С. 88.

права на наследство в отношении имущества не оформило, каких-либо действий по владению и пользованию этим имуществом не осуществляло¹ (то есть судом установлен факт отсутствия как юрисдикционного, так и неюрисдикционного принятия выморочного имущества).

Полагаем, что в законе должна быть закреплена обязанность публично-правового образования принять выморочное имущество юрисдикционным способом, а также подробная процедура выявления и принятия такого имущества. В судебной практике встречаются утверждения о том, что налоговый орган должен предпринять все действия по получению свидетельства о праве государства на наследство в установленном порядке и передать его Росимуществу. При этом признается несостоятельным довод налогового органа об отсутствии необходимых документов для предоставления нотариусу, поскольку налоговый орган имеет властно-распорядительные полномочия и может запросить необходимые документы у соответствующих лиц² (что еще раз подтверждает особый статус публично-правовых образований при переходе к ним выморочного имущества). Проблемы на практике возникают также из-за отсутствия срока принятия выморочного имущества.

В настоящее время увеличилось число судебных споров о признании права собственности на недвижимое имущество в силу приобретательной давности между муниципальными образованиями и гражданами. Последние обращались в суд с исками о признании права собственности на имущество, оставшееся после умерших граждан, не имевших наследников ни по завещанию, ни по закону и не заключивших наследственный договор³. По данным

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 января 2017 г. № 58-КГ16-26.

² См.: Постановление ФАС Поволжского округа от 8 февраля 2013 г. по делу № А65-12832/2012.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10 марта 2020 г. № 84-КГ20-1; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31 июля 2018 г. № 81-КГ18-15; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 января 2017 г. № 58-КГ16-26; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 апреля 2017 г. № 87-КГ17-1.

делам суды приходили к выводу, что поскольку свои права на наследство в отношении недвижимого имущества публично-правовые образования не оформляли, не осуществляли действий по владению и пользованию спорным имуществом, то сам факт, что данное имущество является выморочным и в силу закона признается принадлежащим муниципальному образованию, не является препятствием для применения норм ГК РФ о приобретательной давности.

Другая категория судебных споров связана с требованиями муниципальных образований к гражданам, являющимся добросовестными приобретателями недвижимого имущества¹. Во всех судебных спорах муниципальные образования ссылаются на то, что владение гражданами спорным недвижимым имуществом незаконно, так как основано на недействительной сделке (совершенной в результате мошеннических действий третьих лиц), спорное недвижимое имущество выбыло из собственности муниципального образования помимо воли собственника.

По данным спорам суды отмечали, что бездействие публично-правового образования, не оформившего в разумный срок право собственности, в определенной степени создает предпосылки к его утрате, в том числе посредством выбытия соответствующего имущества из владения данного публичного собственника в результате противоправных действий третьих лиц. Также, ссылаясь на аналогичную позицию Конституционного Суда РФ², суды указывали, что защита имущественных интересов публично-правового образования за

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 июня 2019 г. № 5-КГ19-88; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июля 2018 г. № 5-КГ18-95; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 5-КГ17-251; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 ноября 2017 г. № 5-КГ17-160.

² См.: По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца : Постановление Конституц. Суда РФ от 22 июня 2017 г. № 16-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 27. Ст. 4075.

счет ущемления интересов добросовестного приобретателя – гражданина, который возмездно приобрел соответствующее недвижимое имущество, в подобной ситуации недопустима, поскольку необходимо учитывать возможность ненадлежащего исполнения компетентными органами публично-правового образования своих обязанностей, совершения ошибок, а также не отвечающей критериям разумности и осмотрительности реализации ими правомочий по установлению выморочного имущества и оформлению права на него.

Во избежание увеличения числа подобных споров необходимо закрепить на законодательном уровне обязанность публично-правовых образований принять выморочное имущество в определенный срок, например в течение 1 года с момента открытия наследства.

С вопросом о принятии выморочного имущества тесно связан вопрос о возможности отказа от него публично-правовым образованием. В соответствии с абз. 2 ч.1 ст. 1157 ГК РФ при наследовании выморочного имущества отказ от наследства не допускается. Тем не менее в некоторых случаях суды указывают на отказ публично-правового образования от выморочного имущества. Так, по одному из дел Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала, что судам первой и апелляционной инстанций надлежало дать правовую оценку действиям публично-правового образования, предпринятым после смерти не имевшего наследников гражданина, и определить, не свидетельствовали ли эти действия об отказе от спорного недвижимого имущества¹.

Полагаем, что в некоторых ситуациях было бы оправданно предоставить публично-правовому образованию право отказа от выморочного имущества, но в пользу физического лица (с целью окончания наследственного правопреемства путем замены лица в правоотношениях), добросовестно и открыто владеющего недвижимым имуществом с несением бремени его содержания после

¹ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11 апреля 2017 г. № 87-КГ17-1.

смерти лица, не оставившего завещания, не заключившего наследственный договор и не имеющего наследников по закону. Данное нововведение будет особенно актуально для лиц, у которых такое недвижимое имущество (квартира, жилой дом) является единственным пригодным для постоянного проживания.

В связи с рассматриваемой проблемой необходимо отметить также ситуацию призвания к наследованию по завещанию юридических лиц, не являющихся собственниками своего имущества, передаваемого им на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. Несмотря на завещание, таким юридическим лицам суды отказывают в удовлетворении требований о регистрации права собственности на недвижимое имущество, указывая, что в силу специальной правоспособности истцы не вправе приобретать право собственности на недвижимое имущество, поступающее к ним по основаниям, предусмотренным действующим законодательством¹.

В данной ситуации, полагаем, необходимо исходить из приоритета частного интереса, а именно соблюсти волю наследодателя, выраженную в завещании. Так как право оперативного управления (или право хозяйственного ведения), принадлежащее таким юридическим лицам как субъектам ограниченного вещного права, по своей сути не может совмещаться у них с правом собственности, то, безусловно, завещанное имущество должно перейти в порядке правопреемства (наследования по завещанию) в собственность соответствующего публично-правового образования. Однако с целью исполнения последней воли наследодателя следует на законодательном уровне закрепить обязанность передачи указанного в завещании имущества юридическому лицу – не собственнику на соответствующем ограниченном вещном праве (если это не противоречит специальной правосубъектности такого юридического лица), а также проработать процедуру такой передачи и контроля над исполнением завещания.

¹ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 января 2011 г. № 09АП-31473/2010-АК по делу № А40-113634/09-92-646.

Таким образом, правопреемство при наследовании не всегда достигает своей цели – замены умершего лица в правоотношениях, участником которых он был. Многие причины этого связаны с неверным пониманием участия публично-правовых образований в процессе наследования и отсутствием однозначного и полного законодательного регулирования такого участия. Представляется, что приобретение выморочного имущества публично-правовым образованием – это правоотношение, связанное с наследственным правоотношением, выражающееся в реализации публично-правовыми образованиями способности к правопреемству как способности общего типа. Данное положение поддерживается в научной литературе. Так, Е. А. Ходырева отмечает: «Право на получение выморочного имущества можно отнести к категории иных наследственных прав, причинно-обусловленных фактом смерти, но не связанных с осуществлением права наследования»¹.

Необходимо принять закон, регулирующий данные правоотношения, в котором должны найти отражение, в частности, следующие положения: юрисдикционный способ принятия выморочного имущества публично-правовым образованием; обязанность принять такое имущество; право отказа от выморочного имущества в пользу физических лиц в определенных ситуациях; срок принятия выморочного имущества; обязанность принять и передать имущество, завещанное юридическим лицам, имущество которых является собственностью соответствующего публично-правового образования. Считаем, что такие нововведения будут способствовать соблюдению баланса публичных и частных интересов, а также обеспечению завершения процесса правопреемства и предотвращению появления бесхозного имущества.

¹ Ходырева Е. А. Право наследования в российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 17.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование правопреемства в вещных правах позволило сформулировать ряд выводов.

Категория «правопреемство» является достаточно спорной в науке и сегодня. В современной отечественной цивилистике не выработано однозначного подхода к данному понятию. При его определении необходимо отталкиваться от идеальной правовой природы указанной конструкции. Правопреемство – это последствие юридических фактов, не сводимое к возникновению, прекращению правоотношений, но ведущее к замене в них лиц. Исходя из выработанного определения понятия правопреемства необходимо выделять признаки, характеризующие сущность данной правовой категории. Представляется, что правопреемство образуется прежде всего правоотношением общего типа, на основе которого в свою очередь возникают конкретные правоотношения. Правоотношение в рамках правопреемства имеет определенную структуру, состоящую из таких элементов, как субъекты (правопредшественник и правопреемник), объект (представление о деятельности, направленной на замену лица в правоотношении), содержание (субъективные права и обязанности). При этом спецификой обладает защита способности к правопреемству как права общего типа, аналогичного по своей структуре субъективному праву.

Все те явления, которые обеспечивают замену лиц в имущественных правоотношениях, могут быть объединены в рамках механизма правопреемства, выступая в качестве его элементов. При этом необходимо разделить основания правопреемства и иные элементы механизма правопреемства. Для реализации способности к правопреемству необходим юридический факт (или их совокупность – юридический состав), который выступает в качестве основания правопреемства в вещных правах. К наиболее общим элементам меха-

низма гражданского правопреемства следует относить волю, нормы гражданского права, способность к преемству в правах, а также существование первоначального правоотношения.

В механизм преемства в вещных правах включается такой элемент, как реализационные действия (акты) – действия, связанные с передачей и получением вещи, а также ее владением, пользованием и распоряжением. Именно посредством таких актов происходит приобретение права собственности, поскольку в вещных отношениях, как и следует из их обозначения, определяющее значение имеет вещь, точнее, обладание ею. Выделение названного элемента в механизме преемства в вещных правах позволяет отграничить его от преемства в обязательствах.

Можно выделить несколько порядков реализации механизма правопреемства: в зависимости от отраслевой принадлежности отношений, в которых происходит изменение, от объекта правоотношения, от вида субъекта-правопредшественника, от объема переходящих прав и обязанностей. Также следует выделять правопреемство отдельно в праве или обязанности либо одновременно и в праве, и в обязанности. При этом выделение принудительного правопреемства в сфере гражданского права спорно, так же как и конститутивного или специального. Об обратном правопреемстве можно говорить только в рамках правомочий правопреемственного правоотношения. В то же время, говоря об основных видах правопреемства – универсальном и сингулярном, следует отметить, что универсальное правопреемство существует только в рамках наследования и реорганизации юридических лиц (за исключением реорганизации в форме преобразования, при которой правопреемство отсутствует, и в форме выделения, которой присуще сингулярное правопреемство). В ситуациях сингулярного правопреемства необходимо учитывать особенности преемства в вещных, обязательственных, исключительных и корпоративных правоотношениях.

Преемство в вещных правах представляет собой процесс (а не совокупность хаотичных юридических фактов), результатом которого является замена

лица в правоотношении. Этот процесс включает действия, опосредующие преемство в вещных правах, без совершения которых в их совокупности и последовательности не будет достигнут результат правопреемства.

Преемство в вещных правах опосредовано прежде всего действиями, связанными с передачей вещи при сингулярном преемстве, обозначаемыми в качестве способов и оснований приобретения вещных прав. Основанием приобретения права собственности при сингулярном правопреемстве, как и ограниченных вещных прав, следует считать договор. Способ приобретения права собственности представляет собой совокупность фактических действий (традиция), результатом совершения которых является переход господства над вещью от одного лица к другому. Таким образом, реализация способности к правопреемству в вещных правоотношениях (при сингулярном правопреемстве) представляет собой сложный юридический состав, который включает различные юридические факты: сделку – заключение договора между правопреемником и правопреемником, юридический поступок – передача вещи. Тем не менее в отношении недвижимости недостаточно одной передачи для завершения правопреемства, то есть замены субъекта вещного правоотношения. Так, чтобы право собственности на недвижимость возникло для нового правообладателя, необходима государственная регистрация перехода такого права.

При наследственном преемстве в вещных правах способ приобретения права собственности сменяется с «передачи» на «принятие», так как, во-первых, наследодатель при смерти утрачивает правосубъектность, соответственно «передать» вещь не может, во-вторых, передача предполагает завладение вещью, что не всегда происходит при юрисдикционном способе принятия наследства.

Для осуществления преемства в вещных правах при реорганизации необходим следующий набор юридических фактов: решение собрания о реорганизации в форме слияния, присоединения, разделения или выделения (основание), договор о слиянии или присоединении (основание), государственная ре-

гистрация создания юридического лица. При этом необходимо учитывать законодательные ограничения по субъектному составу ряда ограниченных вещных прав, что имеет значение при реорганизации как одной из форм универсального правопреемства.

Несмотря на то, что акт государственной регистрации является не правоустанавливающим, а правоподтверждающим актом и в силу своего публичного характера не входит в сферу гражданско-правового регулирования, его следует признать одним из юридических фактов, входящих в сложный юридический состав, необходимый для осуществления и завершения правопреемства.

Государственная регистрация перехода прав при наследственном преемстве уже не имеет такого значения, поскольку действует юридическая фикция – право собственности возникает с момента открытия наследства независимо от момента его принятия. Тем не менее рассматриваемые правила, обозначаемые в качестве фикции, вытекают из сущности наследственного преемства, направленного на замену выбывшего из множества правоотношений лица. При таком понимании процесса принятия наследства фикцией, скорее, выглядит правило о возникновении права собственности с момента государственной регистрации перехода прав при наследовании.

Правопреемство при наследовании не всегда достигает своей цели – замены умершего лица в правоотношениях, участником которых он был. Многие причины этого связаны с неверным пониманием участия публично-правовых образований в процессе наследования и отсутствием однозначного и полного законодательного регулирования такого участия. Представляется, что приобретение выморочного имущества публично-правовым образованием – это правоотношение, связанное с наследственным правоотношением, выражающееся в реализации публично-правовыми образованиями способности к правопреемству, как способности общего типа.

Также необходимо принять закон, в котором должны найти отражение, в частности, следующие положения: юрисдикционный способ принятия выморочного имущества публично-правовым образованием; обязанность принять такое имущество; право отказа от выморочного имущества в пользу физических лиц в определенных ситуациях; срок принятия выморочного имущества; обязанность принять и передать имущество, завещанное юридическим лицам, имущество которых является собственностью соответствующего публично-правового образования. Такие нововведения будут способствовать соблюдению баланса публичных и частных интересов, а также обеспечению завершения процесса правопреемства и предотвращению появления бесхозного имущества.

В качестве перспектив дальнейшего развития исследования преемства в вещных правах следует обратиться к анализу зарубежного законодательства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ // Рос. газ. – 2001. – 28 ноября.
4. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 г. № 188-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1), 3 янв. – Ст. 14.
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате. Утверждены ВС РФ 11.02.1993 г. № 4462-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
6. Об акционерных обществах : Федер. закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ // Рос. газ. – 1995. – 29 дек.
7. О производственных кооперативах : Федер. закон от 08.05.1996 г. № 41-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 20, 13 мая. – Ст. 2321.
8. Об обществах с ограниченной ответственностью : Федер. закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «» // Собр. законодательства РФ. – 1998. – № 7, 16 февр. – Ст. 785.
9. О связи : Федер. закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ // Рос. газ. – 2003. – 10 июля.
10. О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 29.12.2004 г. № 189-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2005. – № 1 (ч. 1), 3 янв. – Ст. 15.

11. Об опеке и попечительстве : Федер. закон от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2008. – № 17, 28 апр. – Ст. 1755.
12. О кредитной кооперации : Федер. закон от 18.07.2009 г. № 190-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 29, 20 июля. – Ст. 3627.
13. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 03.08.2018 г. № 338-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2018. – № 32 (ч. II), 6 авг. – Ст. 5131.
14. Об утверждении Положения о порядке оформления и учета выморочного имущества, переходящего в собственность муниципального образования Краснослободское городское поселение : Решение Совета депутатов Краснослоб. гор. поселения Краснослоб. муницип. р-на Респ. Мордовия от 29.12.2011 г. № 15 // Гор. вести. – 2011. – № 24, 30 дек.
15. Об утверждении положения о порядке учета и оформления выморочного имущества, переходящего в собственность муниципального образования Zubovo-Polyanskogo муниципального района Республики Мордовия : Решение Совета депутатов Zubovo-Polyan. муницип. р-на Респ. Мордовия от 16.11.2012 г. № 4 // Вестн. Zubovo-Polyan. муницип. р-на.– 2012. – № 24, 16 нояб.

II. Диссертации и авторефераты диссертаций

16. Вавилин Е. В. Механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей : дис. ... д-ра юрид. наук / Е. В. Вавилин. – М., 2009. – 425 с.
17. Дозорцев В. А. Права государственного промышленного предприятия на закрепленное за ним имущество : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Дозорцев. – М., 1955. – 16 с.
18. Каширский С. С. Преемство прав и обязанностей в гражданском правоотношении : дис. ... канд. юрид. наук / С. С. Каширский. – Н. Новгород, 2015. – 200 с.

19. Корнихин С. В. Преемство в исключительных правах по российскому гражданскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Корнихин. – М., 2007. – 29 с.
20. Матузов Н. И. Субъективные права граждан СССР : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н. И. Матузов. – Л., 1964. – 22 с.
21. Мирошникова М. А. Сингулярное преемство в авторских правах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Мирошникова. – СПб, 2003. – 22 с.
22. Пушкина А. В. Уступка требования как форма преемства в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Пушкина. – М., 2006. – 20 с.
23. Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук / О. М. Родионова. – М., 2017. – 502 с.
24. Сеницын С. А. Общее учение об абсолютных и относительных субъективных гражданских правах : дис. ... д-ра юрид. наук / С. А. Сеницын. – М., 2017. – 604 с.
25. Строк С. В. Преемство в порядке наследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Строк. – М., 2005. – 26 с.
26. Третьяков С. В. Развитие учения о субъективном частном праве в зарубежной цивилистике : дис. ... д-ра юрид. наук / С. В. Третьяков. – М., 2022. – 495 с.
27. Ходырева Е. А. Право наследования в российском гражданском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Е. А. Ходырева. – М., 2021. – 59 с.
28. Ягельницкий А. А. Категория преемства в российском гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Ягельницкий. – М., 2011. – 23 с.
29. Ягельницкий А. А. Категория преемства в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук / А. А. Ягельницкий. – М., 2011. – 263 с.

III. Монографии, комментарии, учебники и статьи

30. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. – М. : Юриздат, 1940. – 192 с.
31. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – 360 с.
32. Ананьев А. Г. К вопросу о правопреемстве юридических лиц в контексте гражданско-правовых отношений / А. Г. Ананьев, М. А. Исаков // Науч.-образоват. журн. для студентов и преподавателей «StudNet». – 2020. – № 5. – С. 27–34.
33. Андреев Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты : монография / Ю. Н. Андреев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 318 с.
34. Антимонов Б. С. Возникновение права собственности у покупателя при новых формах розничной торговли в советских магазинах / Б. С. Антимонов // Учен. зап. ВИЮН. – 1959. – № 9. – С. 81–104.
35. Антимонов Б. С. Советское наследственное право / Б. С. Антимонов, К. А. Граве. – М. : Госюриздат, 1955. – 264 с.
36. Асаинова Л. С. Сингулярное правопреемство в наследственных отношениях / Л. С. Асаинова // Проблемы становления гражданского общества : сб. ст. VI Междунар. науч. студенч. конф., Иркутск, 30 марта 2018 г. : в 2 ч. – Иркутск : Иркут. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2018. – Ч. 2. – С. 11–13.
37. Ахметьянова З. А. О вещном праве и реформе российского законодательства / З. А. Ахметьянова // Власть Закона. – 2021. – № 2 (46). – С. 38–47.
38. Бараева Н. Б. Принятие наследства как юридический факт: правовая природа, особенности доказывания в нотариальной и судебной практике / Н. Б. Бараева. – URL: http://deviantology.spb.ru/etc/publications/Baraeva-Prinyatie_nasledstva.pdf. Дата обращения: 20 июня 2019 г.

39. Барков Р. А. Активная завещательная правосубъектность граждан России и государств – участников Содружества Независимых Государств: вопросы законодательства, теории и практики / Р. А. Барков // Наследств. право. – 2012. – № 3. – С. 38–44.
40. Барков Р. А. Пассивная завещательная правоспособность зачатого, но не родившегося ребенка в РФ и государствах – участниках СНГ: сравнительно-правовая характеристика / Р. А. Барков // Вестн. ТвГУ. Сер. Право. – 2012. – № 31. – С. 283–290.
41. Бахмуткина К. Ю. Наследственная правосубъектность: понятие и содержание / К. Ю. Бахмуткина // Юрист. – 2008. – № 6. – С. 30–33.
42. Бевзенко Р. Ответственность cedenta за действительность уступаемого права / Р. Бевзенко // Корпоратив. юрист. – 2006. – № 9. – Справ.-правовая система «Гарант». Дата обращения: 20 сент. 2021 г.
43. Бекленищева И. В. Гражданско-правовой договор: классическая традиция и современные тенденции / И. В. Бекленищева. – М. : Статут, 2006. – 204 с.
44. Белов В. А. Залоговые правоотношения: содержание и юридическая природа / В. А. Белов // Законодательство. – 2001. – № 11. – С. 9–17.
45. Белов В. А. Объект субъективного гражданского права, объект гражданского правоотношения и объект гражданского оборота: содержание и соотношение понятий / В. А. Белов // Объекты гражданского оборота : сб. ст. – М. : Статут, 2007. – С. 6–77.
46. Белов В. А. Отчуждение и приобретение по российскому Гражданскому кодексу (понятийно-терминологическая сторона вопроса) / В. А. Белов // Законодательство. – 2006. – № 7. – С. 8–19.
47. Белов В. А. Правопреемство в связи с законодательной концепцией квалификации имущественных прав как объектов гражданских прав / В. А. Белов // Законодательство. – 1998. – № 6. – С. 81–91.
48. Белов В. А. Сингулярное правопреемство в обязательстве / В. А. Белов. – 3-е изд. – М. : ЮрИнфоР, 2002. – 266 с.

49. Белов В. А. Частное право. Материалы для изучения : учеб. пособие для вузов: в 3 т. Т. 1. Общая часть. Проблемы учения об абсолютных правах / В. А. Белов. – М. : Изд-во Юрайт, 2019. – 738 с. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа: https://studme.org/338474/pravo/chastnoe_pravo_materialy_dlya_izucheniya_v_3_t_tom_1_obschaya_chast_problemy_ucheniya_ob_absolyutnyh_prav. Дата обращения: 19 ноября 2019 г.
50. Бердников В. В. Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица / В. В. Бердников // Законодательство. – 2002. – № 2, 3. – С. 16–22.
51. Беспалова А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка по закону: некоторые аспекты / А. Ю. Беспалова // Вестн. Моск. ун-та МВД России. – 2010. – № 7. – С. 82–85.
52. Бессараб Н. С. Наследственное правопреемство: актуальные вопросы / Н. С. Бессараб // Изв. Тул. гос. ун-та. Экон. и юрид. науки. – 2013. – № 1–2. – С. 38–47.
53. Бикбова Т. И. Обратное правопреемство при признании реорганизации корпорации несостоявшейся / Т. И. Бикбова, Д. В. Носов // Актуальные теорет. и практ. вопросы развития юрид. науки: общегос. и регион. аспекты. – 2015. – № 1. – С. 249–259.
54. Буничева М. Г. Понятие правопреемства при реорганизации юридических лиц / М. Г. Буничева // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. – 2012. – № 1. – С. 84–89.
55. Вагайцева Т. В. Правопреемство при реорганизации юридических лиц / Т. В. Вагайцева // Нотариус. – 2008. – № 4. – С. 45–46.
56. Василевская Л. Ю. Реформирование законодательства о вещных правах и об их защите: противоречия, проблемы и тенденции развития / Л. Ю. Василевская // Актуальные проблемы рос. права. – 2018. – № 9. – С. 110–117.

57. Ватников Д. Ю. Развитие теорий о правопреемстве в отечественной цивилистике / Д. Ю. Ватников // Вестн. Перм. ун-та. – 2013. – № 4 (22). – С. 7–17.
58. Ватников Д. Ю. Теория правопреемства в свете развития гражданского законодательства о вещных правах / Д. Ю. Ватников // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. – 2014. – № 4 (42). – С. 39–43.
59. Витрянский В. В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 2018. – 526 с.
60. Витушко В. А. Курс гражданского права. Общая часть : науч.-практ. пособие : в 5 т. Т. 2 / В. А. Витушко. – Минск : БГЭУ, 2002. – 717 с.
61. Войтович Г. И. Понятие и признаки правопреемства при реорганизации юридических лиц / Г. И. Войтович // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага універсітэта. – 2012. – № 5. – С. 83–88.
62. Ворожевич А. С. Правовая охрана изобретений и полезных моделей : учеб. пособие для магистров / А. С. Ворожевич. – М. : Проспект, 2017. – 192 с.
63. Вороной В. В. Феномен владения в цивилистической науке / В. В. Вороной // Законодательство. – 2002. – № 10. – С. 6–16.
64. Габов А. В. Реорганизация и ликвидация юридических лиц: научно-практический комментарий к статьям 57–65 Гражданского кодекса Российской Федерации. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2021. – 203 с.
65. Габов А. В. Теория и практика реорганизации (правовой аспект) / А. В. Габов. – М. : Статут, 2014. – 880 с.
66. Гаврилов В. Н. Непринятие и отказ от наследства / В. Н. Гаврилов // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 4 (6). – С. 47–50.

67. Гаврилов В. Н. Оформление наследственных прав / В. Н. Гаврилов // Право и политика. – 2010. – № 2 (122). – С. 350–354.
68. Гаврилов В. Н. Формальный способ принятия наследства по российскому законодательству / В. Н. Гаврилов // Нотариус. – 2011. – № 4. – С. 23–27.
69. Гамбаров Ю. С. Гражданское право. Общая часть / Ю. С. Гамбаров. – СПб : Тип. М. М. Стасюлевича, 1911. – 793 с.
70. Гасанов Н. Ф. О правосубъектности в наследственном праве / Н. Ф. Гасанов // Пробелы в рос. законодательстве. – 2017. – № 7. – С. 77–80.
71. Геленидзе А. К. К вопросу о направлениях развития института правопреемства в гражданском праве Российской Федерации / А. К. Геленидзе // Уголов.-исполнит. система России: проблемы и перспективы. – 2016. – С. 53–54.
72. Геленидзе А. К. Правовая природа сингулярного правопреемства в обязательстве: дискуссионные вопросы / А. К. Геленидзе // Актуальные проблемы правоведения. – 2016. – № 3 (51). – С. 8–14.
73. Геленидзе А. К. Специальное правопреемство: понятие, особенности правовой природы / А. К. Геленидзе // Актуальные проблемы правоведения. – 2016. – № 3 (51). – С. 15–17.
74. Голиков Р. В. Переход права собственности по договору купли-продажи движимого имущества в российском гражданском праве / Р. В. Голиков // Ученые записки Крым. федер. ун-та им. В. И. Вернадского. Юрид. науки. – 2022. – № 3. – С. 210–220.
75. Горбунов В. С. Правопреемство при реорганизации корпораций / В. С. Горбунов // Молодой ученый. – 2017. – № 21 (155). – С. 298–299.
76. Гордеева Ж. А. «Правоспособность» и «правосубъектность»: к вопросу о содержании и соотношении понятий / Ж. А. Гордеева // Юристь – Правоведь. – 2010. – № 1. – С. 76–78.
77. Гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2017. – 511 с.

78. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, Ю. В. Байгушева [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. – М. : РГ Пресс, 2010. – 1008 с.
79. Гражданско-правовые способы защиты права собственности на недвижимость : науч.-практ. пособие по применению гражд. законодательства / под общ. ред. В. Н. Соловьева ; науч. ред. С. В. Потапенко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 448 с.
80. Гребенкина И. А. Совершенствование наследственного права: все ли предлагаемые изменения обоснованы? / И. А. Гребенкина // LexRussica. – 2016. – № 11. – С. 135–142.
81. Грибанов В. П. Правовые последствия перехода имущества по договору купли-продажи в советском гражданском праве / В. П. Грибанов // Совет. государство и право. – 1955. – № 8. – С. 64–73.
82. Grimm Д. Д. Лекции по догме римского права (воспроизводится по пятому изданию, Санкт-Петербург, 1916) / Д. Д. Гримм. – М. : Зерцало, 2003. – 361 с.
83. Грось Л. А. О сопоставлении понятий «гражданское законодательство», «гражданское право» и «земельное законодательство» и вещных правах на земельные участки / Л. А. Грось // Журн. рос. права. – 2002. – № 9. – С. 42–51.
84. Груздев В. В. Система способов приобретения права собственности / В. В. Груздев // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2021. – № 473. – С. 218–223.
85. Грушин И. Ю. Blockchain – решение проблем регистрации недвижимости / И. Ю. Грушин // Моск. экон. журн. – 2018. – № 2. – С. 48–60.
86. Демичев А. А. Проблемы наследования выморочного имущества в Российской Федерации / А. А. Демичев // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. – 2014. – № 1 (25). – С. 88–92.
87. Добрачев Д. В. Сингулярное правопреемство в обязательстве как основание изменения гражданского правоотношения / Д. В. Добрачев // Законодательство и экономика. – 2016. – № 2. – С. 50–72.

88. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: понятие; система; задачи кодификации : сб. ст. / В. А. Дозорцев. – М. : Статут, 2003. – 416 с.
89. Долганова И. В. Наследственное право : учеб.-практ. пособие / И. В. Долганова, А. Н. Левушкин. – М. : Юстицинформ, 2014. – 104 с.
90. Егорова М. А. Прекращение обязательств: опыт системного исследования правового института : монография / М. А. Егорова. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 23 мая 2019 г.
91. Емелькина И. А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок : монография / И. А. Емелькина. – М. : ВолтерсКлувер, 2011. – 368 с.
92. Емелькина И. А. Теоретические проблемы приобретения права собственности при реорганизации корпорации / И. А. Емелькина ; под ред. д.ю.н. С. Д. Могилевского и д.ю.н. М. А. Егоровой ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. – М. : Юстицинформ, 2017. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 12 ноября 2018 г.
93. Емельянцеv В. П. Универсальное правопреемство в гражданском праве / В. П. Емельянцеv. – М. : ИД «Юриспруденция», 2010. – 264 с.
94. Жданов Д. В. Реорганизация акционерных обществ в Российской Федерации / Д. В. Жданов. – 2-е изд. – М. : Лекс-Книга, 2002. – 303 с.
95. Желонкин С. С. Наследственное право : учеб. пособие / С. С. Желонкин, Д. И. Ивашин. – М. : Юстицинформ, 2014. – 134 с.
96. Закиров Р. Ю. Конструкция правопреемства и ее отраслевая специфика / Р. Ю. Закиров // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9 (189). – С. 121–124.
97. Закиров Р. Ю. Понятие и признаки сингулярного правопреемства / Р. Ю. Закиров // Современ. тенденции развития гражд. и гражд. процесс. законодательства и практики его применения. – 2016. – № 3. – С. 99–103.

98. Закиров Р. Ю. Правопреемство в обязательственном правоотношении / Р. Ю. Закиров // Вестн. КГУ. Юрид. науки. – 2016. – № 6. – С. 179–181.
99. Зубарева Н. В. Правовая природа преимущественного права покупки / Н. В. Зубарева // Правосудие в Поволжье. – 2006. – № 3. – С. 106–116.
100. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации : Общая часть / А. И. Иванчак. – М. : Статут, 2014. – 268 с.
101. Иванчак А. И. Гражданское право Российской Федерации : Особенная часть / А. И. Иванчак. – М. : Статут, 2014. – 159 с.
102. Иоффе О. С. Обязательственное право / О. С. Иоффе. – М. : Юрид. лит., 1975. – 880 с.
103. Казанцева А. Е. Защита прав несовершеннолетних и недееспособных наследников / А. Е. Казанцева // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2016. – № 4 (49). – С. 96–102.
104. Кархалев Д. Н. Способы защиты наследственных прав / Д. Н. Кархалев // Наследств. право. – 2013. – № 2. – С. 33–35.
105. Качалова А. В. Новое в правовом регулировании реорганизации корпораций на примере хозяйственных обществ / А. В. Качалова // Вектор развития юрид. науки. Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 10. – С. 100–106.
106. Качалова А. В. Правопреемство в корпоративных правоотношениях при проведении реорганизации хозяйственного общества, отчуждении акций (долей) в уставном капитале хозяйственного общества, наследовании / А. В. Качалова // Законодательство. – 2012. – № 2. – С. 45–54.
107. Каширский С. С. О соотношении понятий «правопреемство» и «наследственное правоотношение» / С. С. Каширский // ДНК права. – 2014. – № 1. – С. 29–31.
108. Кириллова Е. А. Наследственное право России : учеб. пособие / Е. А. Кириллова. – М. : РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2017. – 157 с.
109. Кодификация российского частного права 2015 / под ред. П. В. Крашенинникова. – М. : Статут, 2015. – 447 с.

110. Козлова А. В. Принудительное правопреемство как правовой феномен российского гражданского права / А. В. Козлова // Вестн. молодых ученых ПГНИУ. – 2016. – № 6. – С. 349–354.
111. Козлова Е. Б. Проблемы правового регулирования прав на недвижимость в порядке наследования на основании заявления нотариуса / Е. Б. Козлова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 3. – С. 48–52.
112. Козлова Н. В. Абстрактное и конкретное понимание субъекта, правоспособности и гражданского правоотношения / Н. В. Козлова // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики. – М. : Статут, 2018. – С. 306–323.
113. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 1. Части первая, вторая ГК РФ / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2011. // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 14 мая 2019 г.
114. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ / Н. А. Агешкина, Н. А. Баринов, Е. А. Бевзюк [и др.]. // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». Дата обращения: 14 мая 2019 г.
115. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части третьей (постатейный) / отв. ред. Н. И. Марышева, К. Б. Ярошенко. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Юрид. фирма «КОНТРАКТ», 2014. // Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 8 февраля 2019 г.
116. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья : учеб.-практ. комментарий / Е. Н. Абрамова, Н. Н. Аверченко, В. В. Грачев [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.
117. Кондратьева А. Ю. Завещательная правосубъектность / А. Ю. Кондратьева, О. В. Котарева // Науч. ведомости. – 2009. – № 8 (63). – С. 114–118.

118. Котарев С. Н. Осуществление и защита наследственных прав недееспособных граждан / С. Н. Котарев, О. В. Котарева // О-во и право. – 2010. – № 2 (29). – С. 51–55.
119. Кравченко К. В. К вопросу о правовой природе перехода выморочного имущества / К. В. Кравченко // Сиб. юрид. вестн. – 2009. – № 2 (45). – С. 52–59.
120. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве / О. А. Красавчиков. – М. : Госюриздат, 1958. – 183 с.
121. Краснова Т. С. Отдельные аспекты учения о сервитуте в современном российском праве / Т. С. Краснова // Имуществ. отношения в Рос. Федерации. – 2017. – № 3. – С. 6–18.
122. Краснова Т. С. Сервитутные типы ограничений (обременений) прав на недвижимость: зарубежный опыт и новеллы российского законодательства / Т. С. Краснова // Вестн. экон. правосудия Рос. Федерации. – 2015. – № 1. – С. 142–160.
123. Крашенинников Е. А. Заметки о конститутивном правопреемстве / Е. А. Крашенинников. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/32425-zametki-konstitutivnom-pravopreemstve>. Дата обращения: 4 октября 2018.
124. Криволапова Л. В. О месте распорядительных сделок в системе юридических фактов / Л. В. Криволапова // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. – 2012. – № 4 (36). – С. 262–265.
125. Криволапова Л. В. Переход права собственности на движимые вещи в российском гражданском праве / Л. В. Криволапова // Изв. Оренбург. гос. аграр. ун-та. – 2009. – № 1 (21). – С. 268–271.
126. Криволапова Л. В. Правовая специфика гражданского оборота / Л. В. Криволапова // Вестн. Оренбург. гос. аграр. ун-та. – 2012. – № 6 (38). – С. 244–247.
127. Латыев А. Н. Перфекция сингулярного правопреемства в обязательствах: постановка проблемы / А.Н. Латыев // Закон. – 2021. – № 3. –

Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 12 сентября 2021 г.

128. Латыев А. Н. Право следования в российском гражданском праве / А. Н. Латыев. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.yurclub.ru/docs/civil/article63.html>. Дата обращения: 12 сентября 2021 г.
129. Леонова Л. Ю. Преимущественное право покупки: история возникновения, осуществление и защита / Л. Ю. Леонова // Законодательство. – 2002. – № 9. – С. 18–26.
130. Лиджиева С. Г. Восстановление наследственных прав по российскому гражданскому законодательству / С. Г. Лиджиева // Адвокат. – 2016. – № 4. – С. 49–53.
131. Лоренц Д. В. Влияние юридических фикций на виндикацию выморочного имущества в свете позиции Конституционного Суда Российской Федерации / Д. В. Лоренц // Журн. рос. права. – 2018. – № 10. – С. 45–60.
132. Лушина Л. А. К вопросу об универсальности правопреемства в наследственных правоотношениях / Л. А. Лушина, Л. В. Мищенко // Юрид. техника. – 2011. – № 5. – С. 298–301.
133. Майборода В. А. Комментарий к Федеральному закону от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» / В. А. Майборода. – Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Дата обращения: 20 мая 2019 г.
134. Маньковский И. А. Правопреемство как процесс динамики гражданских правоотношений: сущностно-содержательная характеристика / И. А. Маньковский // Науч. диалог. – 2013. – № 7 (19). – С. 115–131.
135. Марков П. А. Реорганизация коммерческих организаций в российском праве / П. А. Марков // Право и экономика. – 2011. – № 9. – С. 12–19.
136. Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2004. – 512 с.

137. Махиня Е. А. Система вещных прав в проекте изменений Гражданского кодекса Российской Федерации / Е. А. Махиня // Вестн. Ом. юрид. акад. – 2016. – № 1. – С. 32–37.
138. Мейер Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – Пг. : Двигатель, 1914. – 661 с.
139. Муқан Б. Н. Наследственное правопреемство и его правовое регулирование / Б. Н. Муқан // Образование и наука в современных условиях. – 2017. – № 1 (10). – С. 365–368.
140. Научно-практический комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации : в 2 т. Т. 2. Ч. III, IV ГК РФ / под ред. Т. Е. Абовой, М. М. Богуславского, А. Г. Светланова. – М. : Юрайт, 2011. – 729 с.
141. Нинциева Т. М. Место и значение института правопреемства в системе гражданских правоотношений / Т. М. Нинциева // Современ. фундам. и прикл. исслед.. – 2017. – № 1 (24). – С. 314–316.
142. Новицкий И. Б. Основы римского гражданского права / И. Б. Новицкий. – М. : Зерцало, 2007. – 408 с.
143. Новоселова А. А. Динамика вещных правоотношений в гражданском праве / А. А. Новоселова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. – № 8. – С. 89–94.
144. Новоселова Л. А. Комментарий к информационному письму Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2007 г. № 120 «Обзор практики применения арбитражными судами положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Практика рассмотрения коммерческих споров : Анализ и комментарии постановлений Пленума и обзоров Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации / рук. проекта Л. А. Новоселова, М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2008. Вып. 3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». Дата обращения: 20 сентября 2021 г.
145. Носов Д. В. Об обратном правопреемстве в российском гражданском праве / Д. В. Носов // Юрид. наука. – 2022. – № 9. – С. 9–13.

146. Носов Д. В. О классификации явления правопреемства в теории права / Д. В. Носов // Пермский конгресс ученых-юристов : тез. докл. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, Перм. ун-т, 22 окт. 2010 г.) / Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2010. – 615 с.
147. Носов Д. В. Феномен правопреемства в российской правовой системе / Д. В. Носов // Журн. рос. права. – 2011. – № 5. – С. 91–97.
148. Носов С. И. Субъективные публичные права и интерес / С. И. Носов // Юрист. – 2021. – № 1. – С. 65–73.
149. Нуждин Т. А. Комбинированная реорганизация коммерческих организаций / Т. А. Нуждин. – М. : Юстицинформ, 2017. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 8 февраля 2019 г.
150. Пименов Г. Ф. Универсальное правопреемство в отношении юридического лица как условие гарантированности его обязательств / Г. Ф. Пименов. URL: <https://na-journal.ru/4-2022-pravo-obshchestvo/3639-universalnoe-pravopreemstvo-v-otnoshenii-yuridicheskogo-lica-kak-uslovie-garantirovannosti-ego-obyazatelstv>. Дата обращения: 20 октября 2022 г.
151. Пискунов Я. Самой идеей вещного права мы преодолеваем зависимость от материальных вещей (интервью с Д. В. Дождевым, ведущим научным сотрудником Института государства и права РАН) / Я. Пискунов // Закон. – 2016. – № 6. – С. 6–19.
152. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Первая часть : Вотчинные права / К. П. Победоносцев. – М. : Статут, 2002. – 800 с.
153. Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Т. 1-3 (воспроизводится по изд. СПб, 1896) / К. П. Победоносцев. – М. : Зерцало, 2004. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 11 мая 2019 г.
154. Подузова Е. Б. Запрет цессии как организационное условие договора: проблемы теории и практики / Е. Б. Подузова // Актуальные проблемы рос. права. – 2018. – № 3. – С. 104–108.

155. Полежаев О. А. Гражданско-правовое регулирование застройки земельных участков в Российской Федерации : монография / О. А. Полежаев. – М. : Юстицинформ, 2017. – 280 с.
156. Поляков А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода / А. В. Поляков. – М. : Проспект, 2016. – 832 с.
157. Попова Ю. А. Правоотношения и правопреемство при наследовании / Ю. А. Попова // Науч. журн. КубГАУ. – 2015. – № 113 (09). – С. 1646–1664.
158. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В. А. Вайпан, М. А. Егорова. – М. : Юстицинформ, 2019. – 376 с.
159. Рабец А. М. Еще раз о наследственной правосубъектности несовершеннолетних в Российской Федерации / А. М. Рабец // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2015. – № 1 (42). – С. 114–121.
160. Рассказова Н. Ю. Фактическое принятие наследства / Н. Ю. Рассказова // Вестн. гражд. права. – 2016. – № 5. – С. 63–68.
161. Ричард Д. Х. Специфика категорий «воля» и «правопреемство» в приобретении права собственности коммерческой организацией / Д. Х. Ричард // Вопр. экономики и права. – 2013. – № 12. – С. 24–27.
162. Российское гражданское право : учебник : в 2 т. Т. 1 : Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. – 2-е изд., стер. – М. : Статут, 2011. – 960 с.
163. Рудаков И. С. Вещная суброгация в залоговом правоотношении / И. С. Рудаков // Рос. юрид. журн. – 2017. – № 3. – С. 135–143.
164. Ружейникова М. Применение блокчейн-технологии в сфере регистрации и трансфера собственности: проблемы и перспективы / М. Ружейникова. URL: <https://lap.hse.ru/data/2017/06/15/1170369409/Регистрация.pdf>. Дата обращения: 20 июня 2019 г.

165. Рыбалов А. О. Ограниченные вещные права: проблемы определения / А. О. Рыбалов // Закон. – 2007. – № 2. – С. 115–124.
166. Рыженков А. Я. Основания гражданской правосубъектности: теоретико-философский аспект / А. Я. Рыженков // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 35 (3). – С. 140-147.
167. Рыжик А. В. К вопросу о гарантиях, предоставляемых законом для обладателей ограниченных вещных прав / А. В. Рыжик // Аграр. и земельное право. – 2022. – № 1 (205). – С. 90–94.
168. Рябинин Н. А. Правопреемство в отечественной юриспруденции: понятие и отражение в действующем законодательстве / Н. А. Рябинин, К. Ю. Филипсон // Актуальные вопросы юрид. науки. – 2022. – № 2 (14). – С. 45–53.
169. Рябинин Н. А. Принудительное правопреемство: общетеоретическая характеристика / Н. А. Рябинин, К. Ю. Филипсон // Вестн. Сибир. юрид. института МВД России. – 2020. – № 3 (40). – С. 175–180.
170. Рясенцев В. А. Советское гражданское право : учеб. Пособие : в 2 ч. Ч. 1 / В. А. Рясенцев. – М. : ВЮЗИ, 1960. – 519 с.
171. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // Закон. – 2017. – № 5. – С. 94–118.
172. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / под ред. В. П. Камышанского. – М. : Статут, 2016. – 256 с.
173. Семякина А. В. Вещные обязательства в отношении недвижимости: опыт правового регулирования в России и Великобритании / А. В. Семякина. // Имуществ. отношения в Рос. Федерации. – 2020. – № 12. – С. 70–78.
174. Серебровский В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву / В. И. Серебровский. – М. : Статут, 2003. – 558 с.

175. Сидорова Е. Л. Наследование имущества: от совершения завещания до приобретения наследства / Е. Л. Сидорова // Библиотечка «Российской газеты». – 2019. – № 2. – 160 с.
176. Синайский В. И. Русское гражданское право / В. И. Синайский ; под ред. А. Г. Долгова, В. С. Ема. – М. : Статут, 2002. – 638 с.
177. Сеницын С. А. Вещная природа преимущественных прав / С. А. Сеницын // Законодательство. – 2008. – № 10. – С. 10–17.
178. Сеницын С. А. Концепция вещного договора в германской и российской цивилистике: дискуссионные аспекты / С. А. Сеницын // Законодательство. – 2004. – № 7. – С. 5–13.
179. Сеницын С. А. Субъективные публичные права: к разработке вопроса о понятии и системе / С. А. Сеницын // Адвокат. – 2016. – № 7. – С. 20–37.
180. Система современного римского права : в 8 т. Т. 2 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М. : Статут ; Одесса : Центр исслед. права им. Савиньи, 2012. – 573 с.
181. Скловский К. И. Механизм перехода права и последствия цессии / К. И. Скловский // Хоз-во и право. – 2002. – № 2. – С. 60–67.
182. Соломин С. К. Гражданское право: отдельные виды договоров : учебник / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина. – М. : Юстицинформ, 2017. – 245 с.
183. Степанов Д. И. Правопреемство при реорганизации в форме выделения / Д. И. Степанов // Вестн. ВАС РФ. – 2002. – № 7. – С. 111–120.
184. Сулейменов М. К. Правопреемство в гражданском праве : монография / М. К. Сулейменов. – Алматы: НИИ частного права Каспийского университета, Казахстанский Международный Арбитраж, 2023. – 464 с.
185. Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк / Е. А. Суханов. – М. : Статут, 2017. – 560 с.
186. Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве / Е. А. Суханов // Журн. рос. права. – 2006. – № 12. – С. 42–50.

187. Тебряев А. А. О понятии «правопреемства» как категории гражданского права / А. А. Тебряев // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Наука и образование. – 2010. – № 3. – С. 251–254.
188. Тебряев А. А. Юридический состав – основание правопреемства / А. А. Тебряев // Науч.-техн. ведомости СПбГПУ. Гуманитар. и обществ. науки. – 2010. – № 2. – С. 62–66.
189. Толстой В. С. Исполнение обязательств / В. С. Толстой. – М. : Юрид. лит., 1973. – 208 с.
190. Флейшиц Е. А. Избранные труды по гражданскому праву : в 2 т. Т. 2 / Е. А. Флейшиц. – М. : Статут, 2015. – 720 с.
191. Хвостов В. М. Система римского права. I. Общая часть : конспект лекций / В. М. Хвостов. – Петербург, Москва, Варшава, Вильно : склад издания в книжных магазинах Н. П. Карбасникова, 1908. – 200 с.
192. Ходырева Е. А. Определение правовой природы права наследования / Е. А. Ходырева // Вестн. Саратов. гос. юрид. академии. – 2020. – № 3 (134). – С. 142–150.
193. Цветков В. А. Защита прав несовершеннолетних в наследственных правоотношениях / В. А. Цветков // Вестн. Ом. ун-та. Сер. Право. – 2009. – № 2 (19). – С. 61–63.
194. Цыпляева Е. В. К вопросу о правопреемстве в наследственных правоотношениях / Е. В. Цыпляева // Вестн. ЮУрГУ. – 2015. – № 1. – С. 47–51.
195. Чепига Т. Д. К вопросу о праве завещать / Т. Д. Чепига // Вестн. МГУ. – 1965. – № 2.
196. Чепига Т. Д. К вопросу о разрешении споров, связанных с оспариванием актов управления и сделок акционерного общества, на основании доктрины правопреемства / Т. Д. Чепига // Вестн. Федер. арбитраж. суда Сев.-Кавк. округа. – 2004. – № 5. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 9 ноября 2018 г.

197. Чепига Т. Д. Наследственное правопреемство: некоторые проблемы и решения / Т. Д. Чепига // Цивилист. – 2009. – № 3. – С. 59–62.
198. Черепяхин Б. Б. Правопреемство по советскому гражданскому праву / Б. Б. Черепяхин. – М. : Госюриздат, 1962. – 162 с. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 сентября 2021 г.
199. Шавырова М. В. Развитие наследственного правопреемства в российском гражданском праве / М. В. Шавырова // Актуальные вопросы экономики, управления и права в социально-культурной сфере. – URL: <https://scienceforum.ru/2018/article/2018001703>. Дата обращения: 9 ноября 2018 г.
200. Швабауэр А. В. Проблемы правовой квалификации акта государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним / А. В. Швабауэр // Право и экономика. – 2010. – № 12. – С. 34–39.
201. Шведкова О. В. Участие публичных образований в наследственном правопреемстве / О. В. Шведкова // Пробелы в рос. законодательстве. – 2012. – № 6. – С. 86–91.
202. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права / Г. Ф. Шершеневич. – М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1911 г. – 858 с.
203. Юридические лица в российском гражданском праве : монография : в 3 томах. Том 3. Создание, реорганизация и ликвидация юридических лиц / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцеv, Ю. Н. Кашеварова ; отв. ред. А. В. Габов. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации : ИНФРА-М, 2023. – 280 с.
204. Яценко Т. С. Гражданско-правовая защита публичных интересов : монография / Т. С. Яценко. – М. : Статут, 2016. – 312 с.

IV. Материалы судебной практики

205. Дело «Копыток (Kopytok) против Российской Федерации» (жалоба № 48812/09) : Постановление Европ. Суда по правам человека от 15.01.2019 г. // Бюл. Европ. Суда по правам человека. Рос. изд. – 2019. – № 9.
206. По делу о проверке конституционности частей первой и второй статьи 560 Гражданского кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина А. Б. Наумова : Постановление Конституц. Суда РФ от 16.01.1996 г. № 1-П // Собр. законодательства РФ. – 1996. – № 4, 22 янв. – Ст. 408.
207. По делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева : Постановление Конституц. Суда РФ от 24.03.2015 г. № 5-П // Рос. газ. – 2015. – 6 апреля.
208. По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. Н. Дубовца : Постановление Конституц. Суда РФ от 22.06.2017 г. № 16-П // Собр. законодательства РФ. – 2017. – № 27, 3 июля. – Ст. 4075.
209. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. В. Волкова : Постановление Конституц. Суда РФ от 26.11.2020 г. № 48-П // Собр. законодательства РФ. – 2020. – № 49, 7 дек. – Ст. 8028.
210. О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства : Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24.03.2005 г. № 11 // Вестн. Высш. Арбитраж. Суда РФ. – 2005. – № 5.
211. О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 02.07.2009 г. № 14 // Рос. газ. – 2009. – 8 июля.

212. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Высш. Арбитраж. Суда РФ от 29.04.2010 г. № 22 // Рос. газ. – 2010. – 21 мая.
213. О судебной практике по делам о наследовании : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 // Рос. газета. – 2012. – 6 июня.
214. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 // Рос. газ. – 2015. – 30 июня.
215. О некоторых вопросах применения положений главы 24 Гражданского кодекса Российской Федерации о перемене лиц в обязательстве на основании сделки : Постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 21.12.2017 г. № 54 // Рос. газ. – 2017. – 29 дек.
216. Постановление Федер. арбитраж. суда Моск. округа от 14.01.2004 г. по делу № КГ-А40/9804-03. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 27 ноября 2018 г.
217. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.09.2007 г. № 9822/07 по делу № А65-15773/2006-СГ1-17. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 7 мая 2019 г.
218. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.11.2007 г. № 14060/07 по делу № А40-39033/05-43-386. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2019 г.
219. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.09.2010 г. по делу № А52-1950/2010. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 22 мая 2020 г.
220. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.01.2011 г. № 09АП-31473/2010-АК по делу № А40-113634/09-92-646. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 22 мая 2020 г.

221. Постановление Федерального Арбитражного Суда Волго-Вят. округа от 30.03.2011 г. по делу № А79-3964/2010. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс» Дата обращения: 17 мая 2019 г.
222. Постановление Федерального Арбитражного Суда Волго-Вят. округа от 23.06.2011 г. по делу № А43-21254/2010. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 17 мая 2019 г.
223. Кассационное определение Волгоградского областного суда от 08.02.2012 г. по делу № 33-1481/2012. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 14 июля 2021 г.
224. Постановление Федерального Арбитражного Суда Поволжского округа от 08.02.2013 г. по делу № А65-12832/2012. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 10 мая 2020 г.
225. Апелляционное определение Верховного суда Чувашской Республики от 26.03.2014 г. по делу № 33-1078/2014. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 10 января 2022 г.
226. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 30.06.2014 г. по делу № 33-1707/2014. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 10 января 2022 г.
227. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26.05.2015 г. № 18-КГ15-86. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 17 августа 2021 г.
228. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19.01.2016 г. № 5-КГ15-180. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 18 июля 2020 г.
229. Постановление Федерального Арбитражного суда Уральского округа от 11.03.2016 г. № Ф09-11270/15. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 22 сентября 2020 г.
230. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 05.07.2016 г. № 9-КГ16-6. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 17 августа 2021 г.

231. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.01.2017 г. № 58-КГ16-26. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
232. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.04.2017 г. № 87-КГ17-1. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
233. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 10.05.2017 г. № Ф08-2028/2017 по делу № А53-14975/2016. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 10 мая 2019 г.
234. Апелляционное определение Нижегородского областного суда от 26.09.2017 г. по делу № 33-11214/2017. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 8 июля 2020 г.
235. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21.11.2017 г. № 5-КГ17-160. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
236. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.02.2018 г. № 5-КГ17-251. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
237. Постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 27.02.2018 г. № Ф07-16890/2017 по делу № А56-20779/2017. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 15 мая 2019 г.
238. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24.07.2018 г. № 5-КГ18-95. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
239. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.07.2018 г. № 81-КГ18-15. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.

240. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27.11.2018 г. № 50-КГ18-22. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 8 июля 2021 г.
241. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2019 г. № 21АП-1604/2018 по делу № А83-802/2018. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 15 мая 2019 г.
242. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18.06.2019 г. № 5-КГ19-83. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 17 июля 2021 г.
243. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.06.2019 г. № 5-КГ19-88. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
244. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.06.2019 г. по делу № 33-26608/2019. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 9 июля 2020 г.
245. Апелляционное определение Алтайского краевого суда от 09.07.2019 г. по делу № 33-6206/2019. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 27 июля 2021 г.
246. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.07.2019 г. по делу № 33-22726/2019. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 27 июля 2021 г.
247. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 20.11.2019 г. № 88-462/2019 по делу № 2-7065/2018. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 14 июля 2020 г.
248. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.01.2020 г. по делу № 88-527/2020. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 8 июля 2020 г.
249. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.02.2020 г. по делу № 88-535/2020. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 3 июля 2021 г.

250. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2020 г. № 88-4363/2020 по делу № 2-228/2019. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 27 июля 2020 г.
251. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.03.2020 г. по делу № 88-6767/2020. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 16 июля 2021 г.
252. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2020 г. № 84-КГ20-1. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 20 мая 2020 г.
253. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.04.2020 г. № 88-10760/2020. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 29 июля 2020 г.
254. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.09.2020 г. № 33-15960/2020. – Справ.-правовая система «Консультант Плюс». Дата обращения: 23 июля 2021 г.